ПИОНЕР 10

1984

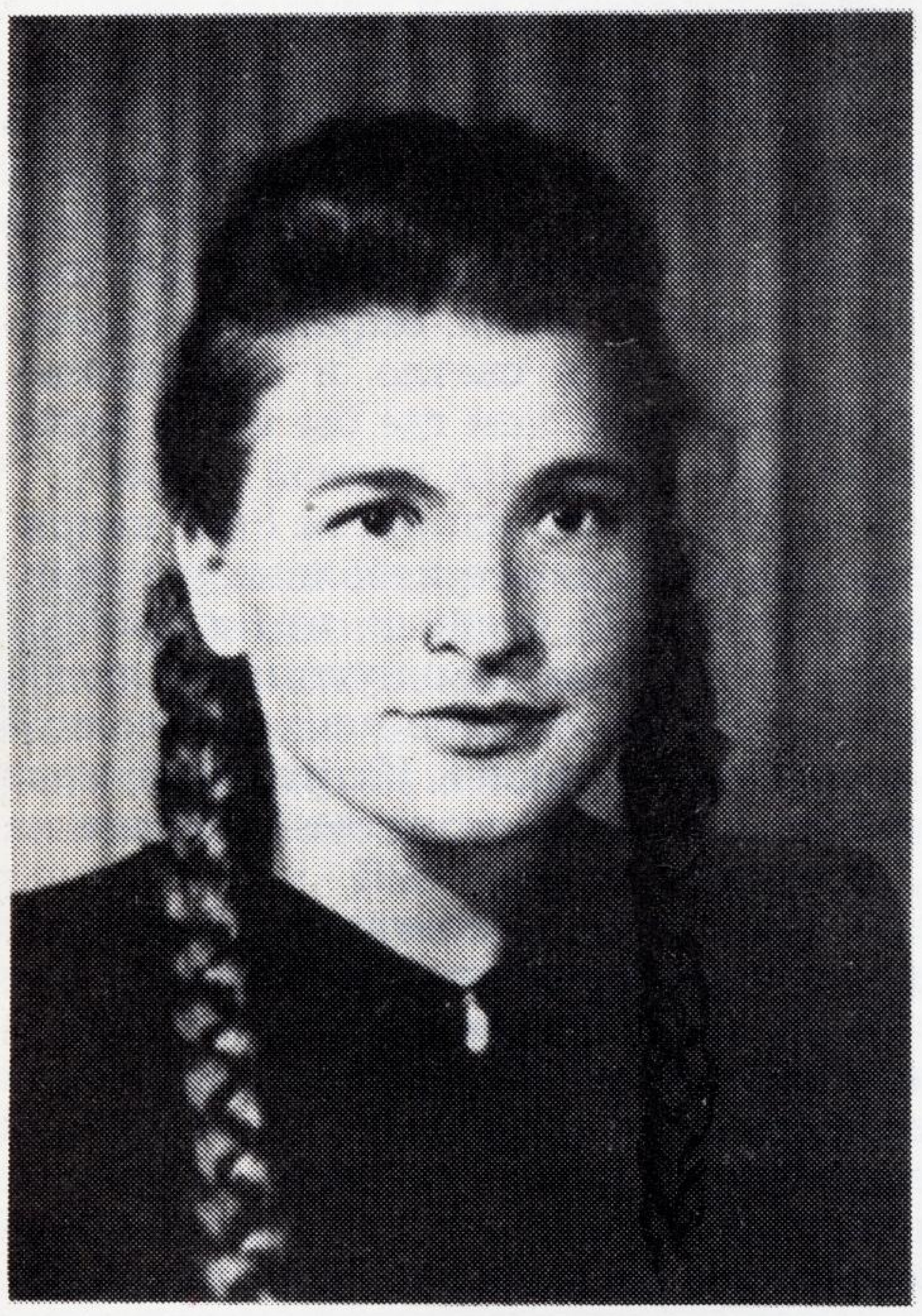

9 мая 1985 года наша Родина будет праздновать 40-летие Победы в Великой Отечественной войне. В освободительной, справедливой борьбе с гитлеровскими захватчиками участвовал весь советский народ. Значительный вклад в Победу внесли партизаны и подпольщики. Легендарные страницы в историю Великой Отечественной вписали герои Белоруссии.

С июня 1941-го по июль 1944 года белорусские партизаны и подпольщики уничтожили и ранили свыше полумиллиона гитлеровцев.

Пущено под откос 11 128 вражеских эшелонов, 34 бронепоезда, разгромлено 29 железнодорожных станций, 948 штабов и гарнизонов.

Подорвано и уничтожено более 18700 автомашин, сожжено и разрушено 819 мостов.

Во время «рельсовой войны» взорвано более 300 тысяч рельсов.

Сбито и сожжено на аэродромах 305 самолетов, уничтожено 1355 танков и бронемашин, 438 орудий разного калибра, 939 воинских складов.

На территории республики действовали 1255 партизанских отрядов. Членами отрядов были 374 тысячи человек, 400 тысяч были в резерве партизан. Среди партизан и подпольщиков Белоруссии было 95 тысяч комсомольцев.

За мужество и героизм около 140 тысяч белорусских партизан и подпольщиков награждены орденами и медалями.

Нина Можейко — одна из участниц борьбы белорусских партизан с гитлеровскими захватчиками, главная героиня документальной повести лауреата премии Союза журналистов СССР Л. Симоновой, которую начинает публиковать журнал «Пионер».

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ОКТЯБРЬ 10

Москва 1984 г.
Издательство «Правда»

Посвящается комсомольцам и пионерам — юным героям Великой Отечественной войны

Лия СИМОНОВА,
лауреат премии Союза журналистов СССР

СТРЕЛА

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Небо было высоким, ярким. Его голубизна, пропитанная солнцем и светом, слепила, радовала. И создавала ощущение праздника. Праздник и в самом деле выпал великий. Отмечали Победу. Юбилей освобождения небольшого белорусского городка Лиозно от гитлеровских насильников.

На главной городской площади становилось все теснее. Но люди шли и шли, стекаясь из дальних и ближних улиц и образуя людское море, бурлящее и веселое. По этому морю плыли, как корабли, разноцветные воздушные шары, пронзительно красные гвоздики и тюльпаны, неправдоподобных размеров бабочки — банты девчонок, поднятых ввысь руками отцов и дедов. И надо всем — флаги. Алые флаги и флажки, устремленные легким трепетом ветра высоко в небо.

Но вот людское море зашумело, хлынуло к деревянной, наскоро сколоченной трибуне. На трибуну поднимались те, кто руководил жизнью города, и те, кем город гордился. Среди них все увидели Нину. Нину Степановну Можейко. В этих местах, правда, никто так ее не величал. Здесь она оставалась Ниной. Просто Ниной. Или еще Стрелой, Стрелкой.

«Нина», «Нина приехала!», «Смотрите, Стрела»,— зашелестела волна и понеслась к трибуне. Темноокая, темноволосая женщина в старенькой, но очень ладно обхватившей ее гимнастерке с орденскими планками встрепенулась. Растерянно глянула в толпу, приподнялась. Нерешительно села. И словно оцепенела от шквала обрушившихся на нее аплодисментов.

Нина, хоть и прошел с той давней военной поры не один десяток лет, казалась еще очень молодой и красивой. И статью, легкостью своей, живыми, пожалуй, даже озорными глазами выделялась среди ветеранов, с трудом поднимавшихся на трибуну.

Удивляться тут было нечему. Нине, когда началась война, едва минуло пятнадцать. К лету сорок первого года окончила она семилетку и в школу носила еще красный пионерский галстук. В комсомол обещали ее принять к ноябрьским. Но грянула война. Все перевернула, перепутала.

Стала Нина партизанской разведчицей. Потом возглавила подпольную комсомольскую группу. Действовала храбро. И так хитро и умело, что все, кто знал об этом, диву давались: как под силу такое девчонке? Но все, что рассказывали о Нине, было правдой. Истинной правдой. И Нина, живая и бодрая, сидела теперь на трибуне. И все, особенно дети, не отрывали от нее глаз, посылая ей свое тепло и признательность. Нина, ощущая и принимая это тепло, улыбалась светло и приветливо. Среди этих людей больше, чем где бы то ни было, она чувствовала себя дома. На родной земле.

И вдруг все заметили, что взгляд ее стал напряженным и пристальным, и все невольно устремились за этим взглядом. И увидели, что к трибуне протискиваются через туго сомкнувшихся людей двое. Генерал, в блеске сверкающих на солнце бесчисленных орденов и медалей. И штатский, тоже с боевыми орденами и медалями, от которых на груди тесно, как на площади.

На площади и на трибуне их ждали. По городу, как вздох, пролетел слух, что на юбилей приезжает генерал одной из дивизий, которые освобождали Лиозно. И с ним еще кто-то. И теперь им предстояло узнать, что этот кто-то — старший уполномоченный особого отдела этой дивизии. Но, видно, генерал и человек в штатском чуть припозднились или вышли не с той стороны, где их ждали. А может быть, им просто захотелось постоять среди людей этого города и только потом подняться на трибуну.

Но вот они остановились. Даже не остановились, а замерли. И замерла, онемела площадь. И стало хорошо слышно, как штатский сказал генералу: «Смотри, Нина!» «Какая Нина?» — отозвался генерал, не понимая еще, что все здесь собравшиеся устремлены сейчас к ним, к их шепоту.

«Нина»,— коротко повторил человек в штатском, словно настаивая на том, что одно только имя должно объяснить генералу все, что он обязан вспомнить. И генерал вспомнил. И растерянно прошептал: «Невероятно! Она погибла. От гангрены». «Ты всегда говорил это «невероятно!» о Нине»,— уже во весь голос, задыхаясь на ходу, сердился штатский. И оба они почти побежали к трибуне, среди оторопевших и расступившихся людей.

А навстречу им уже поднялась, высвободившись из-за стола президиума, Нина Степановна. «Нина,— хватая ее в объятия, крикнул человек в

штатском,— ты жива? Жива!» Он чуть отстранил ее, глянул, словно хотел убедиться, что это так, и снова, сгребая в охапку, запричитал: «Ты меня помнишь? Помнишь? Как меня зовут, помнишь?» «Помню,— тихо откликнулась Нина.— Все, Михаил Иванович, помню».

Теперь они стояли, обнявшись уже не вдвоем, а втроем. Генерал, который секунду-другую нерешительно переминался рядом с ними на трибуне, неожиданно бросился к ним, неловко обхватил за плечи их обоих. И так они стояли. И плакали.

И тут плакать, и всхлипывать в голос, и вытирать, не стесняясь, слезы стали все другие на площади. Эта неожиданная, никем не запланированная и даже непредвиденная встреча, словно спичка, зажгла их память. Их общую память о пережитом. О горьком и больном, но о великом, прекрасном.

«Мы думали,— очень просто и тихо, словно обращался к одному собеседнику, а не к сотням людей на площади, сказал человек в штатском с боевыми орденами,— что Нина погибла от гангрены».

Он держал теперь Нину за руку, словно она, как прежде, была девчонкой, и он боялся, что она убежит и потеряется снова. А рядом стоял, тяжело дыша, генерал. И казалось, будто ему тоже хочется взять Нину за руку или обнять ее, но он сдерживает себя.

«Вы знаете,— продолжал человек, которого Нина назвала Михаилом Ивановичем,— что она, ваша Нина, была партизанкой, подпольщицей. Но она была еще и армейской разведчицей. Нашей разведчицей». Он перевел дыхание и посмотрел на генерала: «Она была такой храброй, такой дерзкой девчонкой, что всякий раз, когда она возвращалась с задания, генерал говорил мне одно и то же: «Невероятно!»

«Да я и сейчас не верю,— воскликнул генерал,— что эта бестия, эта умница, наша Нина осталась жива. Я ездил ее навещать, и сам, понимаете, сам видел, как она погибает от гангрены. Невероятно!» — заключил генерал и засмеялся, что снова произнес именно это слово. «Когда собирались ветераны нашей дивизии, мы ее не приглашали. Мы даже ее не искали. Мы просто не могли подумать, что она жива. Господи, какое счастье!» — заключил он радостно и совсем по-домашнему просто. И вздохнул с облегчением.

Люди на площади захлопали, зашумели, задвигались. Над головами снова поплыли шары, и цветы, и девчоночьи банты. И устремились ввысь флаги. И вырвалась на волю музыка. Музыка победы и торжества.

Тут только все вспомнили, что, собственно, никто не открывал с трибуны торжественную часть их собрания. Но торжество началось уже само по себе. Оно не укладывалось в программу и подготовлено было не сейчас, не вчера, а в те тяжкие годы, когда они не дрогнули и не пали. И даже их дети, их девочки, совершали такие чудеса храбрости и мужества, что боевым генералам казались невероятными. И они гордились и радовались. И берегли свою память. И готовы были на все, чтобы только никогда больше не пришла, не повторилась война.

ЧАСТЬ 1

Училась Нина легко, и в школе ею были довольны. Но в мае всегда с ней случалось что-то необъяснимое. Не хотелось ей открывать учебники, а хотелось скакать и прыгать по лугу, на котором начинали подниматься травы. И бежать, широко раскрыв руки, навстречу солнцу. Все быстрее, быстрее, пока не закружится голова и не опрокинешься со всего маху на землю. И уж тогда прильнуть щекой к еще холодной земле и вдыхать, вдыхать ее чудесные запахи, такие знакомые и близкие с детства.

В мае, бывало, она вдруг ссорилась с подругами, плохо слушалась бабушку с дедушкой, которых любила больше всех на свете. Ни с того ни с сего принималась дразнить овец, дергать их за великолепные, тяжелые от жира хвосты, которые дедушка Павло всегда определял на колесики, словно подковывал. То неожиданно для всех бросалась копать огород, то безо всякой причины плакала. Но в этом мае Нина заканчивала семилетку, и надо ей было усердствовать над учебниками. А она читала. Читала как сумасшедшая, и днем, и ночью книжку про героиню далекой борющейся, мужественной страны Испании — Долорес Ибаррури. А потом подолгу сидела у окна, глядя, как образуется и день ото дня густеет легкое зеленоватое облачко вокруг стволов дедушкиных яблонь, и думала, думала, представляя себя Долорес в борьбе и стремлении к победе.

В тот день Нина слышала, как дедушка тихо сказал бабуне:

— Ой, бабуня, смотри, избаловала ты девку, залюбила.

А бабушка Эпистимия отозвалась шуткой:

— От любви, Павло, никто еще не погибал. В любви рождаются хорошие дети, и доброе дело, и верная дума.

Но после обеда, когда Нина вернулась уже из школы, бабушка строго сказала:

— Смотри, Ниночка, небо захмурилось, гроза собирается, сходи за речку, на луг, пригони овечек.

Бабушка редко занимала Нину по хозяйству, жалела. Нинина мама долго и тяжело болела и умерла, когда девочке было всего полтора года. А перед смертью попросила родителей взять внучку к себе. И с мужа, Нининого отца, взяла слово, что девочку у бабушки и дедушки не отнимет.

Старики любили девочку без памяти, оберегали от всего, боялись потерять, как потеряли дочь. И баловали, конечно. Нина и сейчас видела, что бабушка хоть и хмурится, а глаза ее глядят ласково и не приказывают, просят. Посылает ее бабуня за овцами на луг, а сама беспокоится:

— Надень, Ниночка, калошки.

Нина схватила новые блестящие калоши. И натянула их прямо на красивые беленькие туфли, только-только привезенные дедушкой из города в подарок ей к выпускному вечеру. Она примеряла их теперь всякий день, возвращаясь из школы.

Дождь хлынул сразу и опустился на землю широкой, бурлящей стеной. И стена эта просто рухнула на плечи, на голову и насквозь, казалось, до костей, промочила тело.

Земля как-то мгновенно раскисла. Ноги путались и вязли в глине. Когда Нина добралась наконец до овец, то увидела, что одну калошу она где-то уже потеряла, вырвалась без нее из топкого месива. А ее прекрасная белая туфля, покинутая калошей, почернела от налипших комков грязи. От обиды и отчаяния Нина принялась реветь. Ей показалось,

что во всем виноваты овцы. Если бы не эти красавицы, не потащилась бы она по такой погоде в луга, не потеряла калошу, не испортила туфли. И Нина принялась вертеть в воздухе прутом, и размахивать руками, и кричать на овец. Овцы, не привыкшие к такому обращению, смертельно перепугались. И бросились в воду, потащив за собой свои роскошные хвосты на колесиках.

Тут уж, в свою очередь, перетрусила Нина: вдруг колесики потянут этих дурочек-овец вниз, ко дну? Размазывая по мокрым и без того щекам слезы, Нина носилась вдоль берега. Красавицы-дуры-овцы сами по себе плыли к дому. Нина побежала своей дорогой, вокруг реки, с трудом вытаскивая ноги из глины, спотыкаясь и падая, и глотая на ходу горькие слезы.

Нина не просто любила, с восторгом юности боготворила деда. Был он великим мастером во всяком деле. И за что ни брался, все ему удавалось. Он вырастил самый лучший сад в деревне, да что там, пожалуй, и во всех ближайших деревнях. И хотя в их Стасеве да и по соседству яблони росли у каждого дома, отведать яблок деда Павло заходили часто. Деда Павла Лебедева звали любовно «Мичуриным» и шли к нему не только за яблоками, но и за советом. Мог дед подсказать и в непростом умении разводить пчел. Мед, который он собирал, имел какой-то особый вкус и наречен был «лебедевским медом». А уж какой отменный дед Павло был плотник! Как ладно мог срубить он дом и украсить его со вкусом! А на скрипке как он играл вечерами и в праздники! Песнь дедовой скрипки собирала к их дому гостей со всей округи. И Нина, постоянно видя, с каким почтением относятся к ее дедушке люди, гордилась им. И старалась, может быть, пока и неосознанно, прислониться к деду, почерпнуть его силу.

Никогда она не видала, чтобы дед Павло сидел без дела. Возвращаясь из колхоза, он что-то чинил, или сажал, или строил, или помогал соседям, или слушал граммофон, который появился у них недавно и в Стасеве казался диковинкой.

Нина понимала, чувствовала, что дед отвечает ей великой любовью. И бережет, и балует ее больше, чем берегут и балуют других деревенских девчонок, потому что она сирота, дочь потерянной навсегда любимой дочери. Но теперь она становилась взрос-

В мае всюду на Витебщине звучало особенно много музыки...

лой. Кончает вот семилетку, и дед тревожится, чтоб великая эта любовь не обернулась бедой. Как жить человеку белоручкой? «Человек с худыми руками,— любил приговаривать дед,— что сито: все мимо пролетает». Нина и сама это понимала, и старалась помогать бабушке. Но когда сидела она часами, уткнувшись в книжку, а потом размышляла о прочитанном, она не бездельничала. Сливая себя с любимой своей героиней Долорес Ибаррури, она впитывала в себя все свойства ее души и ее характера. И это тоже была работа. Хотя и не такая заметная, как хлопоты по хозяйству. Объяснить это она не только не умела, но даже и не догадывалась, что есть этому веское объяснение. И теперь просто плакала от обиды, хотя чувствовала, что дед прав: пора ей взрослеть и определяться, осваиваться во взрослой жизни.

Когда притащилась она домой, дождь внезапно перестал. Овцы беззаботно разгуливали по двору, стряхивая воду со своих неотразимых кудряшек. А Нина вдруг увидела, что и вторую новую блестящую калошу подарила хваткой глине. И, хотя в одной калоше все равно щеголять не станешь, Нина, не помня себя от непоправимости случившегося, сдернула с ног туфли, которым так завидовали все деревенские девчонки, и швырнула их в огород.

Бабушка сделала вид, что ничего не заметила, но Нина успела перехватить ее осуждающий взгляд. И видела, как еле заметно покачала она седой головой, но слова не сказала.

Нина закрылась в своей комнате. Долго сидела мокрая, не шевелясь. Пока не почувствовала, что платье сковало ее, словно панцирем, и зуб на зуб уже не попадает. Тогда она разделась, обсушилась полотенцем и повалилась в постель. Спряталась с головой под одеялом и задремала.

Сколько времени прошло, она не знала, но вдруг услышала бабушкин голос:

— Нина, Ниночка, выйди, девонька, вынеси водицы.

Нина поглубже скрылась под одеялом. Решила не отзываться, хоть и любопытно было, кто там пожаловал, что бабуня так сладко поет своим чудесным, мелодичным голосом.

— Ниночка, неси водицу, заждался гость,— пела бабушка.

Нина вылезла из-под одеяла, неслышно подкралась к окну, глянула краем глаза. И обмерла. У порога их дома стоял, опираясь на блестящий, сверкающий новым металлом велосипед, высокий красивый парень. В шикарном светлом шерстяном костюме, какие в их округе не носил никто, и в фетровой светлой шляпе. Шляпа и вовсе в их краях была чудом и наповал сразила Нину. Но теперь выйти из дома она уже не могла.

Когда велосипед отъехал от порога, Нина услышала, как бабушка шаркает ногами у двери, поет, чуть растягивая слова:

— Ниночка, не захворала ли ты, голубонька?

Нина, обернувшись одеялом, выскочила навстречу бабушке, бросилась ее целовать, обнимать, тут же забыв про все свои обиды и беды. Одеяло упало на пол. Нина схватила его, стыдливо заворачиваясь.

— Бабуня, кто это?

— Да мамкиной подружки сынок,— горестно сказала бабушка,— ехал, видно, в Стасево дядьку своего проведать, да, небось, Ксения надоумила завернуть к нам. На тебя глянуть...

У Нины снова испортилось настроение — такой неудачный день. Вот глупая. Пряталась, как малютка, под одеялом. Такого гостя пропустила. Взрослый, красивый, не похожий на здешних парней молодой человек постучался в дом, а она... Да к тому же он еще сын маминой лучшей подруги, Ксении Михайловны, к которой и она, случалось, заглядывала в соседнюю деревню Конашково. Все, что связано с матерью, оставалось для Нины свято.

Этого парня, Леонида, Нина плохо помнила. Он учился. Потом уехал учительствовать в Западную Белоруссию, когда там установилась Советская власть. И вот теперь на лето вернулся домой. Видно, малышей, которых он вел, отпустили пораньше на каникулы. Все это Нина выспросила у бабушки, всхлипывая на ее плече. И наревелась она за этот день! Таким уж оборачивался для нее месяц май.

Когда стало темнеть, сбегала Нина в огород, отыскала туфли. Почистила их, помыла, поставила просыхать. И пошла за жиром, приготовила, чтобы смазать, когда высохнут. Приближался выпускной вечер.

В мае во всех близлежащих деревнях, а говорили, и всюду на Витебщине, звучало особенно много музыки. Молодые парни и девушки чаще, чем всегда, собирались на вечерки, которые у них назывались «маевками». И танцевали, танцевали...

В почете были «Кадриль», «Лентяй» и «Метелица». Нине казалось, что она хорошо знает эти танцы и смогла бы танцевать не хуже других. Но она упорно на «маевки» не ходила. Стеснялась, трусила, хотя и не признавалась себе в этом. Была она горда и самолюбива. В доме у дедушки и бабушки жила центром любви и внимания, а там, на танцевальной площадке, царствовала Нюра Кравченко, самая красивая в округе девушка. Какое же место определится ей, Нине, в танцевальном круге? И она страшилась переступать его черту.

А тут припорхала Катя Коваленко, защебетала:

— Бабуня, отпустите Ниночку на «маевку».

Бабушка встрепенулась:

— Да разве я держу ее. Иди, Ниночка, потанцуй.

Нина принялась для приличия по привычке отговариваться, но на этот раз быстро согласилась. На «маевке» она могла встретить того парня, Леню Захаренко. Все это время она ждала, что он снова попросит водицы у их дома, но модный красавец парень больше не приезжал. И Нина, конечно, не догадывалась, что именно он подослал Катю Коваленко к ней, потому что сам ехать в Стасево не отваживался.

Девчонки и хлопчики, такие, как Нина, на большой круг не ходили. Нюра Кравченко называла их «малолетками». Нинины сверстники танцевали в своем кругу, отгороженном от большого ветками. Музыка же для всех была одна. И веселье, бурлящее в основном котле, заставляло закипать и малый котел, по соседству.

Нина надела красивое белое платье с ромашками, белые туфли, которые снова приобрели свой неотразимый вид, белую косыночку с яркой бабочкой, тоже дедов подарок. Глянула на себя в зеркало и обрадовалась: красивая! Белый цвет шел к ее смуглому лицу, к темным тяжелым косам с завитушками на кончиках.

Когда прибежали они с Катей к лугу, на котором обычно разворачивались, шумели «маевки», Нина услышала, кто-то крикнул: «Стасевцы прибыли!» Потом снова чей-то звонкий голос объявил: «Конашковцы идут!» Тут Нина почувствовала, что дрогнуло ее сердце, словно дернулось навстречу конашковцам, Лене.

Гармонь подарила кругу «Кадриль», и восемь парней, ведя за собой восемь девушек, вышли в центр. Нина постаралась так встать, чтобы видеть, что происходит там, на главной площадке. Но никто, тем более говорушка Катя, не должен был этого заметить. И она пыталась беззаботно щебетать с подругами, хотя нервы ее напряглись тугими струнами.

Леня танцевал с Нюрой. Конечно же, с Нюрой. И Нина подумала, что нет в этом ничего удивительного. Нюра — красавица, как говорят, первая девка на деревне. Кого же, как не ее, выбрать Леониду? Он теперь тоже будет первым парнем. В таком костюме и шляпе! Но шляпы в этот раз на нем не было: кто ходит на танцы в шляпе? И Нина увидела, что волосы у него льняные, чуть-чуть блестят. И может, только почудилось, что светятся. Светятся в надвинувшейся уже темноте.

Танец кончился. Музыка на секунду исчезла и снова взлетела в воздух, заполнила все вокруг веселым волнением. И тут, как чудо, прямо перед ее глазами предстали васильковые глаза Лени. Она даже зажмурилась, так это было неправдоподобно. Ноги ее задрожали, и, будто издалека, услышала она его голос: «Ниночка, вы мне не откажете?»

Не помня себя от волнения и счастливого трепета, Нина до боли сжала пальцы рук, словно в кулаки собрала все свои силы, сказала: «Я не танцую». И отодвинулась.

И как во сне, опять откуда-то издалека, она услышала, как девчонки их маленького круга орут хором: «Танцует, танцует она. В школьной самодеятельности танцует. Приз даже получила за танцы».

Сколько ни пыталась она потом, так и не могла вспомнить, как все же оказалась на большой площадке, рядом с Леонидом.

Она смотрела в его васильковые глаза, слышала его дыхание, вдыхала запах его духов, и голова ее кружилась, кружилась. А тело, чудилось, будто кружится само по себе, отдельно от головы и, самое странное, от ног. Ноги как-то сразу отяжелели, возможно, потому, что именно в них теперь стучало и билось сердце.

Леня не отпустил ее после танца. Она пыталась вырваться, убежать, не произнося ни слова. Но он не отпускал. Он был сильный, высокий. Он мог поднять ее над землей, покружить в воздухе, вознести надо всем тем, что происходило сейчас на лугу, и она впервые в жизни испытала ощущение полета. Хотя ноги ее отяжелели, она летала. Летала, не чувствуя пространства и времени.

Потом он опустил ее на землю. Дал отдышаться, опомниться и попросил разрешения проводить домой. Она снова собрала силы в кулаки и снова попыталась сопротивляться. И снова не поняла, как оказалась рядом с ним на дороге к дому, волоча за собой оторопевшую Катю. Катя потом специально прибегала к ней, чтобы рассказать, что она, Нина, потребовала взять Катю с собой, как непременное условие путешествия. Сама же Нина ничего такого не помнила. А помнила только, как прощались они у крыльца. И не было с ними никакой Кати. И Леня говорил ей, только ей одной, какие красивые у нее глаза и косы и как прекрасно она танцует.

После того вечера Леонид долго не появлялся в Стасеве, и на «маевках» его тоже не видали. И она, разумеется, не искала его. Но все равно она знала, чувствовала, что какие-то невидимые провода донесут ток ее сердца в Конашково, и по тем же

самым проводам возвращается к ней в Стасево душевное тепло Лени. Она ни с кем никогда не говорила об этом, но особым, нежданно появившимся чутьем улавливала сигналы образовавшегося вокруг них электрического поля. И эти сигналы сообщали ей, что все: и подружки, и бабушка с дедушкой, и даже соседи — догадываются о существовании этих недоступных глазу проводов, но молчат, боясь их оборвать.

Война ворвалась нежданно. В разгар лета и в расцвет любви. Хотя последнее время все чаще и с тревогой говорили о том, что Гитлер захватил пол-Европы и может прийти к нам с войной. Но все же в возможность войны мало верили. Пели: «Наш бронепоезд стоит на запасном пути». Заключили пакт о ненападении с Гитлером.

И вдруг сразу, сразу война. Еще не успели опомниться, понять, а самолеты со свастикой уже загрохотали над их деревеньками. И деревеньки разом притихли, опустели — все мужчины уходили воевать.

Они уходили, оставив женщин, стариков и детей, и не возвращались, хотя война приближалась к их дому. И по старой Смоленской дороге, на которой стояло их Стасево, шли и шли теперь танки, другая боевая техника, и днем и ночью передвигались, отступая на Восток, наши военные части. Солдаты были невеселые, усталые и даже измученные. И среди этих солдат, сколько ни смотрели деревенские, их мужчин не было.

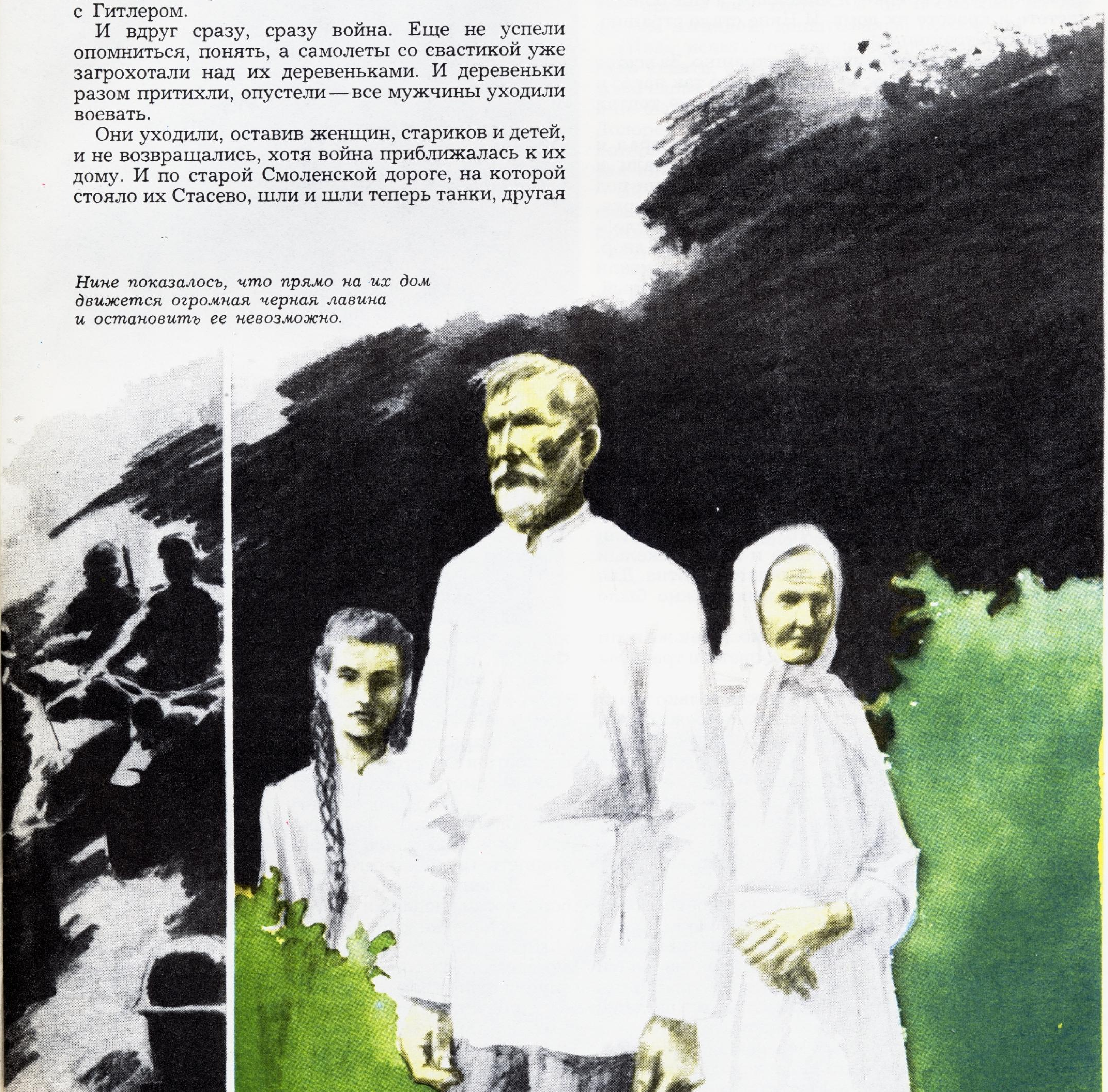
И вот однажды, выскочив в сад, Нина увидела черный мотоцикл с солдатом в черном мундире. Потом еще один черный мотоцикл и еще одного человека в черном. И еще, и еще...

Дом их первым стоял на пригорке, дорогу хорошо было видно, и Нине показалось, что прямо на их дом движется огромная черная лавина и остановить ее невозможно.

— Бабушка! Бабушка! — во весь голос крикнула Нина.— Смотри, это же немцы!..

Бабушка не успела еще прошаркать на крыльцо, а рядом с домом уже остановился черный мото-

Нине показалось, что прямо на их дом движется огромная черная лавина и остановить ее невозможно.

цикл, и человек в черном ступил в их двор, громко выкрикивая чужие слова.

Нина остолбенела. Приросла к тому месту, где стояла. И бабушка онемела, прикрыла даже рот фартуком, словно боялась, что вырвется не то слово.

Дед с утра ушел в колхоз, на работу. А немец уже распахнул дверь их дома, бежал в сапогах по вычищенным до белизны половицам их комнат, хватал и разглядывал все, что попадалось под руки: картины, вазы с цветами, вышитые бабушкой рушники и скатерти, граммофон, который в их доме не разрешалось трогать никому, кроме деда.

Этот черный человек, враг, все время что-то кричал другим немцам. И Нина, учившая в школе немецкий, поняла, наконец, что он оценивает, пока только взглядом, их вещи, их жизнь и удивляется граммофону, и скрипке, и цимбалам, а еще больше чистоте и красоте их дома. И Нине стало страшно. Страшно. Страшно.

Она видела, что бабушке тоже страшно. За всю ее долгую и не очень легкую жизнь никто так нагло и беззастенчиво не врывался в ее дом и не топтал сапогами вымытые ею полы.

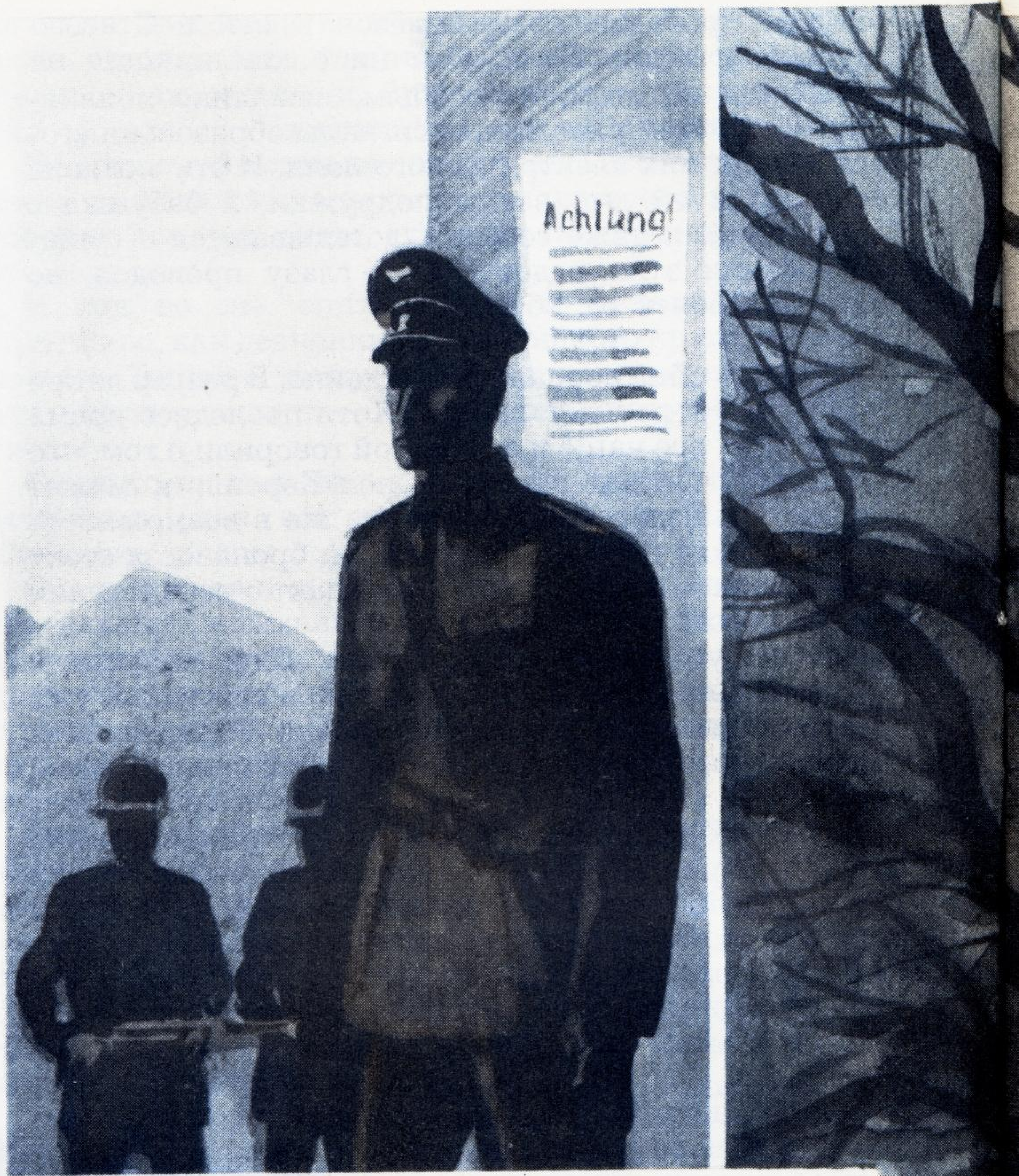
А фашист не давал им опомниться, он орал и смеялся. И те, что были с ним, тоже орали и гоготали. И вот Нина с бабушкой уже стояли под прицелом пистолета. И слышали: «Матка, курка, яйки, масло! Шнель! Матка, курка, яйки, масло!» Потом фашисты один за другим выскочили во двор. На ходу стреляли в кур, волтузили и вытаскивали из загончика в сарае кабанчиков. А тот, главный, что первым ворвался в дом, потащил за собой бабушку. Нина бросилась вслед, закричала: «Бабуня, бабуня!» Немец зыркнул на нее, замахнулся пистолетом. Нина отскочила в сторону. И услышала вопли. Стон боли. Нина сообразила не сразу: фашисты полезли к пчелам, скинули крышки ульев. Пчелы рассвирепели. И это, пожалуй, спасло их с бабушкой в тот момент. Немцы отмахивались от пчел, кто-то снова взвыл от боли. И словно ветром их сдуло. Так же стремительно, как и ворвались, вскочили они на свои мотоциклы и помчались прочь, увозя все, что захотели и успели забрать: яйца, масло, кабанчика и даже тяжелый рулон сотканного бабушкой льняного полотна. Для чего уж оно им понадобилось, невозможно было представить.

А солнце светило все так же жарко. И так же пели в ветвях деревьев птицы. И пахли цветы и травы на лугах, у реки.

Дедушка прибежал почти сразу, как только враги оставили их дом. Нина поняла, что он бежал весь путь, спешил к ним. И теперь не мог перевести духа. И стоял растерянный и уже старенький среди хаоса и погрома. И руки его, сильные и умелые руки мастерового человека, висели низко и беспомощно.

— Их тьма. Тьма-тьмущая,— вымолвил он наконец глухо. И сразу тяжело опустился на табурет, и голова его упала.— Селятся в палатках, на лугах. Господи, как же это?

Как же это? Как это могло произойти? Ведь только-только две недели назад вовсе не было никакой войны! И стасевцы, и конашковцы, и все другие, в других соседних деревнях не могли найти ответа на эти вопросы. И хоть как-нибудь объяснить случившееся. Они не знали и не могли даже предположить, что такое же недоумение терзает теперь не только их, простых деревенских жителей, но и крупных военачальников, руководивших сражениями войны. И тех солдат, которые вынуждены были отступать с боями, оставляя фашистам свои города и деревни. И генерал-полковника Еременко,

посланного Ставкой Верховного главнокомандующего, чтобы с наркомом обороны маршалом С. К. Тимошенко возглавить Западный фронт и на месте разобраться в происходящем.

Всем им предстояло сейчас, немедля решать, как жить дальше, как вести себя во всем, что уже случилось?

Теперь в их доме жил враг. На дедушкиной постели спала его собака-овчарка. А их выгнали в сарай, к корове.

Нина не только не запомнила, она не хотела знать, как зовут этого человека в черном. Фашист, и все.

Но по тому, как он себя вел, а главное, как вели себя с ним другие, Нина догадывалась, что их постоялец — офицер. И чин у него немалый.

Она старалась не попадаться ему на глаза и не смотреть в его сторону. Первое время ей казалось: если не смотреть на этих, в черных мундирах, то вроде бы их и вовсе нету. Но они то и дело напоминали о себе: окриком, и плеткой, и пистолетом. Они держались хозяевами, и это оказалось стерпеть труднее всего.

— Доченька,— сказал ей как-то дедушка,— подбери коски, подвяжи стареньким платочком.

И больше ни слова.

Но она поняла. Дедушка, который так любовался ею всегда, так гордился перед людьми: растет его внучка красавицей,— теперь хотел спрятать ее красоту под стареньким платочком. Уберечь от чужих, наглых, недобрых глаз.

Дедушка продолжал еще ходить в колхоз — летняя страда не кончилась, но все чаще оставался дома.

Обедали и ужинали они теперь в глубине сада, под старой, разросшейся яблоней, на небольшом,

специально для этого сколоченном столе. Дедушка как-то притих, опечалился и говорил мало. Но все, что говорил в эту пору, хорошо запоминалось.

«Не в том дело,— сказал он как-то за чаем им с бабушкой,— где человек живет: в хоромах или в коровьем хлеву. А то значимо, как он живет». В другой раз, за обедом, разделяя с Ниной картофельный суп, дедушка словно невзначай обронил: «Человек, если потеряет душу, гордость свою потеряет, перестает вовсе быть человеком». А после того, как Нина дерзко громыхнула ведром перед носом у постояльца, приказавшего ей подать напиться, дедушка попросил: «Не дури, Ниночка. Против лавины грудью не встанешь, сметет. Надо маленько отойти. Пусть пронесется. А зайти надо с другой стороны. Надо искать, понимаешь, откуда и как против них зайти?» И он посмотрел на нее долгим взглядом, допытываясь, поняла ли?

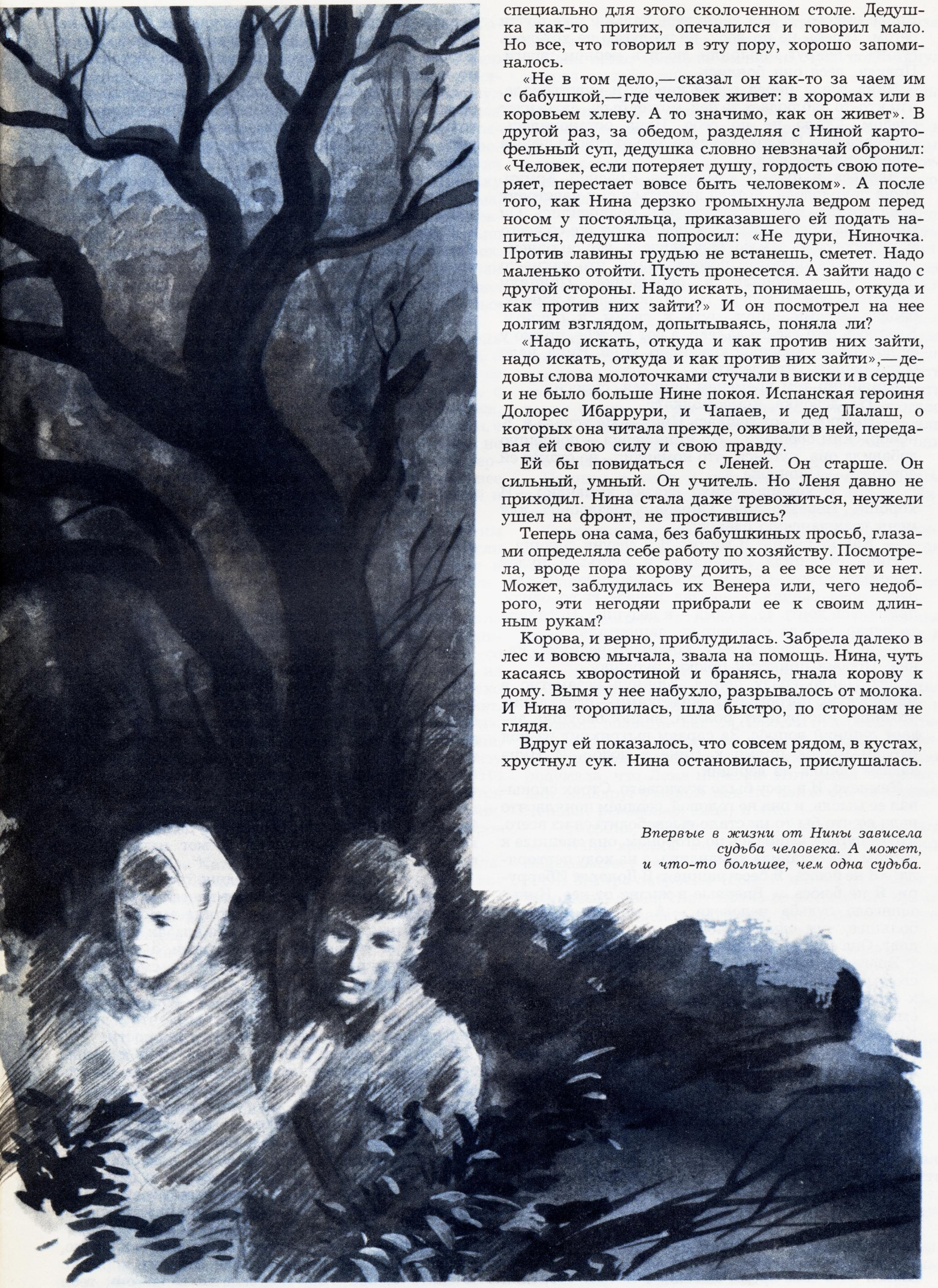
«Надо искать, откуда и как против них зайти, надо искать, откуда и как против них зайти»,— дедовы слова молоточками стучали в виски и в сердце и не было больше Нине покоя. Испанская героиня Долорес Ибаррури, и Чапаев, и дед Палаш, о которых она читала прежде, оживали в ней, передавая ей свою силу и свою правду.

Ей бы повидаться с Леней. Он старше. Он сильный, умный. Он учитель. Но Леня давно не приходил. Нина стала даже тревожиться, неужели ушел на фронт, не простившись?

Теперь она сама, без бабушкиных просьб, глазами определяла себе работу по хозяйству. Посмотрела, вроде пора корову доить, а ее все нет и нет. Может, заблудилась их Венера или, чего недоброго, эти негодяи прибрали ее к своим длинным рукам?

Корова, и верно, приблудилась. Забрела далеко в лес и вовсю мычала, звала на помощь. Нина, чуть касаясь хворостиной и бранясь, гнала корову к дому. Вымя у нее набухло, разрывалось от молока. И Нина торопилась, шла быстро, по сторонам не глядя.

Вдруг ей показалось, что совсем рядом, в кустах, хрустнул сук. Нина остановилась, прислушалась.

Впервые в жизни от Нины зависела судьба человека. А может, и что-то большее, чем одна судьба.

Вроде никого. И она двинулась дальше уже почти бегом. Теперь не по лесу, не по лугам не хотелось гулять — вокруг шныряли люди в черном, враги. Правда, леса они боялись.

Нина гнала перед собой корову и чувствовала, что кто-то наблюдает за ней, может быть, даже идет следом. Стало не по себе. Нина остановилась, перевела дух. И вдруг увидела, что от ствола дерева отделяется человек.

Человек в форме командира Красной Армии. Нина похолодела. Хотела двинуться ему навстречу и не могла — ноги не слушались, подкосились. Он тоже попытался шагнуть к ней, но тут же со всего маху рухнул на землю. Она увидела, что он ранен.

В деревне шепотом поговаривали, что какие-то наши части попали в окружение. Приняли смертный бой. И теперь те, что остались в живых, бродят лесами, ищут путь к своим, к фронту. Казалось, это где-то далеко, а вот на тебе, прямо у ее ног лежал красный командир. И ей, Нине, надо было решать, что делать?

Командир тем временем очнулся, спросил:

— Ты, девочка, комсомолка?

— Нет пока,— отозвалась Нина.— Не успела я. К ноябрьским обещали... Но я пионерка,— поспешно добавила она, пугаясь, что командир не станет ей доверять.— Пионерка я.

— Вот и хорошо,— тихо сказал командир.— И хорошо. Повезло мне. Сможешь раздобыть для меня гражданскую одежду?

— Как не смочь? Я мигом. Я у дедуни спрошу...

Нина оттащила командира в кусты и пулей полетела домой. Сунула корову бабушке. Дождалась, пока бабуня, высказав Венере свою обиду, принялась доить ее, а сама — к дедушке. Потянула за рукав, отвела к яблоньке, зашептала:

— Дедуня, там, в лесу, командир великий. Ранен. Просил принести брюки, рубашку...

Дед Павло сразу понял. Юркнул незаметно в мастерскую, погромыхал железками — сделал вид, что ищет инструмент, боялся, видно: бабушка задаст лишний вопрос. За сараем вытряхнул из-под рубахи узелок прямо к Нине в подол. И Нина задами пошла из деревни.

Темнело. И в лесу было жутковато. Страх сковывал ее мысль, и она не головой, сердцем поняла, что надо во что бы то ни стало высвободиться из всего, что ее пугает. Озираясь по сторонам, она спешила к кустам, где оставила командира, а на ходу повторяла: «Я не боюсь. Я бесстрашная. Я Долорес Ибаррури. Я не боюсь...» Впервые в жизни от нее, Нины, зависела судьба человека. А может, и что-то большее, чем одна судьба. И она выполнит свой долг. Она станет бесстрашной. И хитрой. И умной...

Враги, эти ублюдки в черных мундирах, уже сгоняли людей и угрожали. Уже намертво присохли к стенам магазина, и школы, и больницы ненавистные бумажки с предупреждением: за помощь Красной Армии, за связь с партизанами — смерть! Но дед Павло, она видела, не трусит. И держится с прежним достоинством, без суеты.

В сарае, под коровой, дед Павло скоро вырыл неглубокую яму, прикрыл сеном, приготовил жилье для гостя. Днем дядя Андрей, так звали командира, мог перебраться на чердак, отдохнуть, растянуться, а ночью дед прятал его в яме. Ночью было особенно опасно: фашисты врывались в дома, шныряли, искали, погромничали.

В эти дни они с бабушкой еще раз оценили дедовы руки, мастерство его рук. Даже в сарае возвел он в свое время высокие потолки, соорудил чердак, где спать было тепло и удобно. А он ведь не гадал — не думал, что когда-то выгонят его в хлев, к корове. Просто все, что работал, делал обстоятельно и добротно.

Неторопливое дедово достоинство вселяло уверенность в бабушку и в Нину. И даже командир, как только встретился с дедом, словно бы силы хлебнул. Стал ото дня ко дню приходить в себя, поправляться.

С тех пор, как гитлеровские солдаты расположились в Стасеве, а их офицер поселился в дедовом доме, дедушка говорил мало, неохотно. Тем самым и Нине с бабушкой подавая пример поведения. Лишнее слово теперь, когда они спрятали у себя красного командира, и вовсе могло стать для каждого из них смертным приговором. Пришлось научиться разговаривать глазами. Они и так хорошо понимали друг друга.

Как-то за едой, под яблоней, дедушка показал глазами, чтобы они сели к нему поближе. И почти без голоса, одними губами сказал:

— Племянник наш отдохнул с дороги. Может и водицы помочь принести. Хоть и слеп он, но все же молод.

Нина видела, как раскрылись у бабуни глаза:

— Племянник?..— хотела было она что-то спросить. Но дед Павло остановил ее взглядом. И бабуня прикрыла рот фартуком.

— Твоя сестра правильно поступила, что прислала его к нам погостить. У нас тут и яблоки отменные, и медок, а он хворый.

Бабушка, не отрывая фартука от лица, горестно закачала головой. Она поняла наконец дедову хитрость.

Нина сызмальства привыкла верить дедушке на слово. Все, что он говорил и как поступал, всегда было для нее истиной. И теперь она нисколько не усомнилась: дед надумал самое правильное. В Смоленской области, на станции Голынки, и вправду жила бабушкина сестра Женя. Андрей вполне мог сойти за ее сына. Если сумеет сыграть слепого, то проще представить себе, как добрался он до Стасева: кто на слепого обратит внимание? И не надо ничего объяснять соседям. Видно, дедушка знал что-то такое, отчего казалось ему опасным дольше прятать командира в яме, под коровой. Да и пора было задуматься, как выпустить дядю Андрея на волю. Он уже выздоровел и мог идти дальше воевать.

Так размышляла Нина наедине с собой, но деда ни о чем не спрашивала. И вот настал момент, она запомнила его на всю жизнь, когда вместе с дядей Андреем пошла она по воду. На глазах у всех: на плечах у него коромысла с ведрами, а она его за локоть чуть придерживает: «Вот, мол, смотрите, не хочет человек даром чужой хлеб есть. Хоть и гость, и слеп, а все же помогает по дому». Ох, и трудная была эта роль! Самая трудная из всех, что сыграла она на сцене в школьной самодеятельности.

Но в следующий раз и в другой Нина с ролью освоилась. Напряжение отпустило ее, она смогла дышать полной грудью. Во время недолгих и, конечно же, опасных прогулок по деревне она, перешептываясь двумя-тремя фразами с дядей Андреем, выяснила, что до войны он был учителем, а воевал танкистом. Что у Гитлера пока танков и самолетов больше, но мы соберемся с силами и обязательно погоним фашистов со своей земли. «Что бы ни случилось, Ниночка, помни мое слово, слово командира — победа будет за нами».

Стесняясь надоесть, Нина все же спросила: ей-то, ей что теперь делать? Андрей ответил коротко: «Искать своих. Или подождать. Пока они тебя

найдут». Увидел недовольный взгляд Нины и добавил: «Если верят тебе, найдут. Верят же!»

А еще через некоторое время пришел в их двор незнакомый высокий дядька в длинном-предлинном пальто, попросил напиться. Что-то шепнул деду, Нина заметила. Длинный долго еще шептался потом в сарае с Андреем, а поутру Андрей заспешил, стал благодарить, прощаться. В новую наволочку бабушка собрала все, что смогла дать на дорогу, и всплакнула. Она успела полюбить дядьку Андрея, как племянника. Когда пошли они от дома, не хоронясь — слепому человеку поводырь не помеха, Нина заметила, что у Длинного голова больно мала. Сам — метра два ростом, а голова — с орех. «Но, видать, варит,— подумала она вслед,— если послан на такое дело». А то, что Длинный пришел не случайно, Нина и без слов прочитала в дедовых глазах.

Когда дышишь, не думаешь о том, как вдыхаешь воздух. До войны Нина не больно задумывалась о том, как, из каких обстоятельств складывается ее жизнь. Все получалось вроде бы само собой, с детства было знакомо и ясно: как надо учиться, работать, как отдыхать, как общаться с соседями, с друзьями. Кого за что хвалят, а в каких случаях не одобряют. И вдруг разом все рухнуло, все перевернулось. И в этой опрокинутой жизни прежнее положение на земле требовало немалых усилий и размышлений.

Гостины Андрея в их доме, хоть и не давали им спать спокойно ни одной ночи, все же помогли сохранить равновесие в раскачавшемся мире и способность не только устоять, но и действовать.

Леня объявился неожиданно. Прибежала запыхавшаяся Катя Коваленко. И раньше, бывало, пока добежит до Нины со своего конца деревни, язык у нее на плече. Оттянула Нину за рукав, дунула в ухо горячим шепотом: «Ниночка, Леня по тебе сохнет. Просит, чтоб вышла ты к Болонье, попрощаться».

Нина хорошо знала это место, болотные топи, которые называли у них Болоньей. И она сразу поняла, что Леня неспроста вызывает ее туда. Но виду не подала. Ей показалось, что Катя остается слишком уж шумной. И она, пожав плечами, скривилась: «Нашел время. Разве что попрощаться».

Проводила Катю неторопливо, а сама, как была, в старепьком платьишке, даже в передничке — возилась со скотиной — помчалась на свидание.

Леня похудел, будто даже стал выше ростом. И не было на нем ни шикарного шерстяного костюма, ни великолепной фетровой шляпы. Но волосы, как и прежде, светились. И глаза были такие же васильковые. Он сгреб ее сильными руками, подбросил, покружил, как тогда в танце, и бережно опустил на землю. Сказал тихо, многозначительно:

— Ниночка, проводи меня до моей тещи. Попрощаться.

Нина, не опомнившись еще от неожиданной и долгожданной встречи, сражена была этими словами, сказанными так просто, буднично: «До моей тещи». Господи, да она же еще «малолетка», как говорила Нюра Кравченко, девчонка.

Всем сердцем своим, душою, она уже потянулась к Лене. И чутьем только начинавшей просыпаться в ней женщины понимала, что и она тоже не безразлична Лене. Но... теща... Ни о чем таком она и не думала. Даже тогда, в мирные дни. А теперь, среди такой беды... Ей вдруг показалось, что Ленины слова звучат кощунственно. Она вспыхнула, вскинула на него недобрый взгляд. И осеклась. Глаза ее, полные слез и неприязни, встретили другие глаза, теплые, любящие, все понимающие.

Леня легко обнял ее за плечи, чуть подтолкнул вперед, позвал ласково:

— Пойдем, пойдем, Ниночка. У маминой могилы легче нам будет попрощаться.

Сначала шли они молча, прижавшись друг к другу, и дыхание их сливалось воедино. Потом, когда вступили они на кладбище, Леня чуть отстранил от себя Нину, посмотрел пристально, спросил:

— Как собираешься жить, Ниночка? Будешь ходить на шоссе, песок фашистам подбрасывать, чтобы скорее до Москвы добрались? Или, может, кальсоны возьмешься им стирать? Или, неровен час, станешь целоваться с офицером, что поселился в вашем доме?..

Нина с силой отпихнула от себя Леню. С такой неожиданной для себя силой и злобой, что тот едва удержался за ограду, больно до крови поцарапался, прикусил губу. «У, гад,— только и успела подумать она.— Не постеснялся могил, чтоб вымолвить такие слова». Тепло оставило ее тело. Оно стало будто безжизненным, мертвым. И Нина упала прямо на мамину могилу, потому что стояли они уже рядом.

Пришла в себя и услышала горячие Ленины слова: «Прости, Ниночка, прости». И снова: «Ниночка, прости, так надо было. Я люблю...»

Тепло снова вселилось в ее душу. «Господи,— подумала Нина,— а я все перебирала в уме, как он скажет мне эти слова, когда?»

Леня говорил торопливо, словно боялся, что не успеет объяснить все, что должен сказать:

— Ты должна быть хитрой. Умной. Ты должна жить. Дождаться меня, чтобы пришли мы сюда, к маме, после победы.

— Что мне делать, Леня? Как жить?

Они опять стояли рядом. И он, как прежде, обнял ее за плечи. А носком ботинка все ковырял и ковырял опавшие листья. Против надгробья матери всегда была небольшая канавка, и люди, прибирая могилы, сгребали туда сухие листья. Нина подумала, что Леня шевелит этот ворох от волнения, но вдруг увидела под его ногой что-то черное. Черный револьвер. Еще, и еще.

— Видишь, Ниночка,— тихо сказал Леня,— что моя теща хранит? Вот она, твоя мама любимая, подсказывает тебе, что делать.

Он быстро забросал черный металл листьями и торопливо повел Нину прочь от могилы. Не дав ей опомниться, задать вопроса, он шепнул, словно приказал:

— Подумай, как перенести это в Быдлево, в Василеву пуню. Спрячешь под сено. И уйдешь. Там, кто надо, заберет.

Посмотрел на нее внимательно: поняла? Она кивнула.

— Одной тебе не справиться,— Леня говорил непривычно жестко, кратко.— Они тяжелые. Может, скажешь, кто поможет тебе?

Нина задумалась. Столько ждала она этого момента. Вот он пришел, а у нее отнялся язык и онемела мысль.

— Может, позовешь Катю Коваленко?

— Нет,— твердо сказала Нина,— Катя хорошая, добрая. Но тараторит больно много... Катя пусть зовет меня на свидания с тобой. Ладно? А для этого дела я Лиду позову. Лиду Соловьеву. Она бабушкиной двоюродной сестры дочка.

— Ну смотри,— сказал Леня,— тебе виднее. Выполнишь задание, считай, что ты партизанка. Только никому ни слова.

Нина кивнула. Но не удержалась, бросилась Лене на шею. Впервые, не стыдясь, обняла, пролепетала: «Спасибо. Спасибо, Ленечка».

Лида Соловьева училась в финансовом техникуме, в Витебске. На лето она, как и Леня, приехала в родное Стасево. Была она умна, сдержанна, много читала, хорошо училась. И слов на ветер зря не бросала. Да и некогда ей было болтать попусту. Тетка Агриппина, мать Лиды, крутого нрава женщина, опомниться девчонке не давала: то траву свиньям подбрось, то дрова собери, то воду принеси. Один раз Нина отважилась, пошутила: «Иссохнет, мол, Лидка. Весь день на солнце». Тетка Агриппина глазами сверкнула, но не забранилась. Позвала даже меду отведать. Налила полную тарелку, отломила только что испеченной булки. Тетка Агриппина Нину любила, жалела, сирота все же. Она и Лидку, должно быть, любила. По-своему. Но держала в строгости.

Обо всем этом Нина размышляла по дороге к дому Соловьевых, подыскивая подходящую причину, как увести Лиду с собой.

— Тетушка,— сказала Нина, как только умела ласково,— соскучилась я. Вот пришла.

— Ох, лиса, лиса,— завелась Агриппина.— Говори разом, зачем явилась?

— Говорю же, соскучилась. Хотела с Лидочкой прогуляться.

— Нашли время прогуливаться,— вспылила Агриппина.— Да и в бочке вон воды нету.

— А мы мигом,— обрадовалась Нина.— Я помогу. Мы еще и родниковой водицы наберем. Из нашего колодца.

Нина приободрилась. Подсказка пришла от самой Агриппины. Вода! Вода в колодце у их дома была самая чистая, вкусная, родниковая, и за ней сходились со всей деревни. Не дав возможности тетке возразить, Нина подхватила коромысла, сунула их на плечи стоявшей уже рядом Лиды и потащила ее за собой.

— Лидонька,— зашептала на ходу Нина,— дай мне комсомольское слово, что не скажешь никому то, что услышишь.

Лида недоуменно посмотрела на Нину.

— А что стряслось-то?

— А то стряслось, Лида, что враги нас окружили, но мы не должны сдаваться. Ты же комсомолка.

— Это точно,— отозвалась Лида.— Комсомолка я. Коли не шутишь, говори, что делать.

— Дело нам поручили большое. Только ты не спрашивай пока. Иди за мной. Все сама поймешь.

На кладбище Нина повторила все, что раньше проделал Леня: без слов поковыряла ногой ворох листьев, показала Лиде черный блеск револьвера среди листвы. Лида оторопела, ахнула, но быстро взяла себя в руки. И сразу, без всякого указания, согнулась, принялась бросать револьверы в ведра. Споро накрыла их травой, вскинула на коромысла. Пошла. И задохнулась: «Нет, надо поменьше взять, не дотащим. Лучше еще придем».

Что и говорить, Лида девка толковая, привыкшая к работе. Не ошиблась в ней Нина. Но и Лида еле плелась под непосильной тяжестью. Опустила наконец ведра, охнула: «Ой, Ниночка, спину разламывает». Нина взвалила коромысла на свои плечи. Ей, холеной да береженной бабушкой и дедушкой, ведра и вовсе показались непосильными. Прав был дед Павло, когда за нее тревожился, да уж теперь ничего не поменяешь. Надо на ходу перестраиваться. Эту ношу не бросишь.

У дома они остановились, на всякий случай погромыхали ведрами о колодец. Покрутили журавль. Оттащили ведра за дедову мастерскую, сунули в крапиву, вроде бы в тень поставили. И тут только почувствовали, как ломит спину. Но предаваться страданиям было некогда. Вот-вот пожалует Черный офицер. Да и дедушка в любую секунду мог заглянуть сюда, за мастерскую, всполошиться, чем там девчонки заняты?

Мигом схватила Нина свою широкую куртку, зацепила для Лиды старенький дедов пиджак, который болтался на крюке. Теперь предстояло самое главное: спрятать оружие под одеждой, туго подпоясаться, и идти неторопливо и степенно, не привлекая к себе внимания, в Быдлево, к пуне, где хранилось колхозное сено.

Путь был неблизкий. Через луг, по дороге, к пуще. А там еще и сквозь пущу, к деревне. Дни стояли жаркие, солнечные. От жары, от тяжести, которую они тащили, от нервного напряжения тело взмокло. Металл царапал вспотевшую кожу, оставлял ссадины. Казалось, все внутри стонет от боли. Но они шли. Молча. Стиснув зубы. Сжав кулаки. Шли. И Нина подумала: «Как же мы неопытны! Не догадались надеть под револьверы одежду поплотнее».

Обратную дорогу старались идти быстро, даже бежать. Но получалось плохо. Все ныло, болело. Ноги не слушались. А на дворе уже бушевала Агриппина. Она прибежала с вожжами искать пропавшую дочь. Спасла их бабушка. Пропела своим звучным голосом:

— Агриппинушка, банька затоплена, будь гостьей.

Агриппина вдруг смягчилась. Баня деда Павло, как и все дела его рук, славилась в округе. И когда топили баню, звали соседей.

— Мужчины, смотри, уж скоро выйдут, наша очередь попариться,— приглашала бабушка.— И девочки с нами.

— Ух, уж эти девочки,— грозно цыкнула Агриппина,— не была бы ты, Нина, дочкой моей крестницы, вот уж я б тебе! А с Лидкой мы еще поговорим!— Но угрозы ее уже не звучали пугающе. А скорее походили на отступную.

Женщины стали собираться в баню. И тут только Нина всполошилась по-настоящему: как они откроются? Тело все в ссадинах.

— Бабунечка,— попросила Нина жалобно,— тетенька Агриппина, разрешите нам с Лидочкой после вас. Мы хотим вдвоем. А пока вы моетесь, мы воду снесем тете Агриппине, чтоб она не расстраивалась.

Обошлось. Но теперь им предстояло отнести еще два полных ведра воды в дом к Соловьевым. А прежде этого, дождавшись, пока женщины зайдут в баню, вырыть под костром дров яму, чтобы спрятать туда все, что не успели захватить с собой на этот раз.

Они уже совсем обессилели. И только когда добрались до бани, почувствовали некоторое облегчение. Вода, Нина всегда это знала, приглушает всякую боль, притупляет страдание, снимает усталость. Вода, она родная сестра земли, она сродни лесу, солнцу. Вода объединяет, роднит землю с небом и с теми далями, откуда на землю опускается дождь, живительная спасающая влага.

И они прильнули к воде, успокоились, забылись.

Когда Нина с Лидой второй раз пошли с оружием, тех револьверов, что они принесли раньше, в пуне уже не было. И это значило: связь налажена. Все хорошо. Все в порядке.

Всеми правдами и неправдами исхитрялись де-

вочки улизнуть с глаз грозной тетки Агриппины; револьверов в яме оказался не один десяток, и они до мелочей изучили путь через луг, по дороге, сквозь пущу. Тетка Агриппина, похоже было, смирилась. Наверное, в душе радовалась дружбе Лиды с дочерью ее крестницы. О Лебедевых да и о самой Нине на деревне думали уважительно.

Прошла неделя, может быть, дней десять — вестей от Лени все не было. Понятно, непросто теперь ходить по дорогам, по деревням, особенно мужчинам. И Нина ждала и не ждала.

Но вот стукнула Катя в сарай, позвала к болотным топям.

Дул уже по-осеннему холодный ветер. Нина долго ждала, продрогла. Потом услышала из кустов свист. И увидела Леню.

По деревням, как черные тараканы, расползлись гитлеровские убийцы. Опасность висела тучей, и все же миг свидания оставался таким же сладким и трепетным, как и прежде.

Они прятались в кустах у болота, едва касаясь друг друга плечом или рукою, и были счастливы. Очень счастливы. Хотя и в эту минуту и в каждую следующую их подстерегала смерть.

— Передай Лиде, Ниночка,— тихо говорил Леня,— передай, что она и ты, вы молодцы. Вам просили сказать: можете считать себя партизанками. Я горжусь тобой, Нина...

Он замолчал, а у Нины от его похвалы и от его близости закружилась голова. Никогда еще ей не было так хорошо, как в этих зарослях, у болота. От непривычного ощущения взрослости, и от первого сильного чувства, и от сознания выполненного долга.

— Ленечка,— сказала она.— Ты научи, что еще сделать?

Леня откликнулся не сразу:

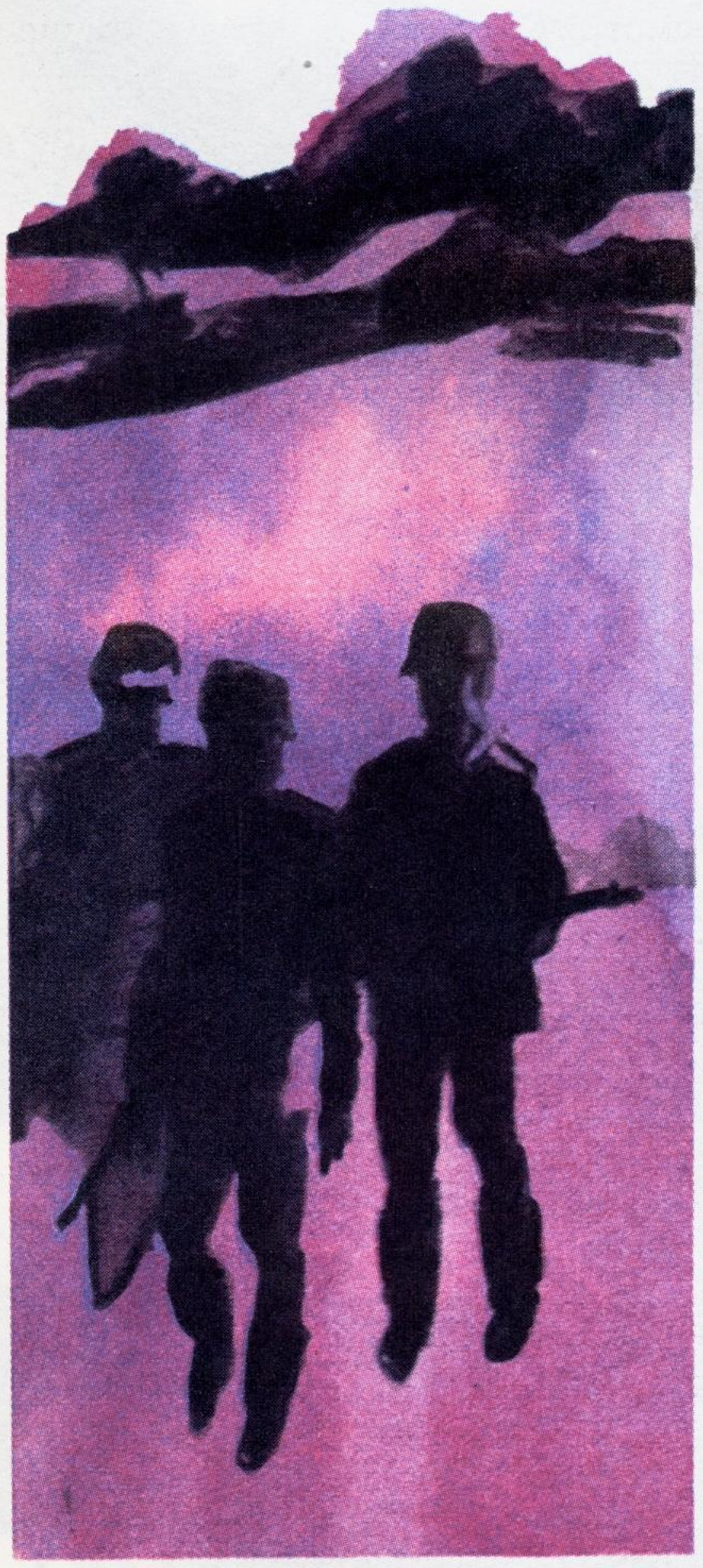
— Видишь, по шоссе грохочут фашистские танки, другая техника. Они ж, гады, на Москву ползут. Хоть бы чуть придержать их. Один, другой мост сжечь, они ж деревянные...— И он с надеждой посмотрел на Нину.

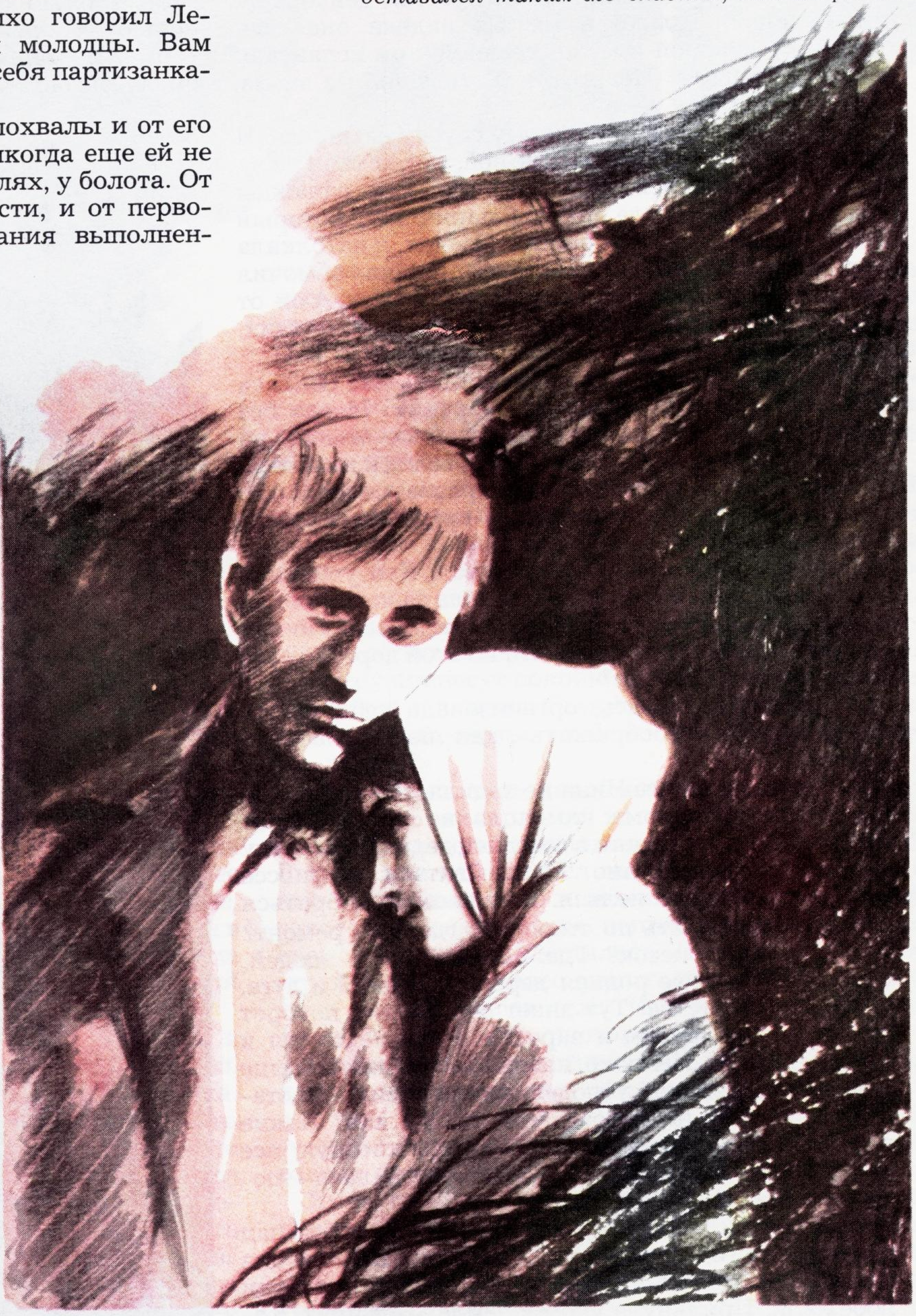
Мосты и правда были деревянные. Нина раньше вроде бы и не замечала, не думала об этом. Их края славились озерами. Мосты в нескольких местах перерезали шоссе. И казались естественной частью этих озер и самой дороги.

— Там же фашисты,— засомневалась Нина,— сгоняют туда деревенских насыпать песок на дорогу.

— Да, дорога для них важнее всего,— подтвердил Леня.— По этой дороге они хотят шагнуть в Москву. Но мы их должны задержать. Понимаешь, задержать...

Опасность висела тучей, и все же миг свидания оставался таким же сладким, как и прежде.

Рисунки В. ДУДКИНА.

— Как же я буду жечь, Леня?— нерешительно спросила Нина.

— А вот я тебе принес бензин,— обрадовался Леня, вынимая из кустов бутыль, горловина которой заткнута была паклей.— Припрячь на кладбище. Оттуда и пойдешь к мосту, там недалеко. Попробуешь?

— Попробую,— твердо пообещала Нина,— попробую. Только трохи посображать надо.

— Посображай, девочка,— одобрил Леня.— Только будь осторожной. Прошу тебя, будь осторожной.— Леня пристально посмотрел на нее, и васильковые глаза его потемнели. Он стал быстро собираться. Смеркалось, и с каждой минутой становилось все опаснее.

Великие способности отпущены человеку природой. Возможности человеческого ума, силы его души поистине неисчерпаемы. Стоит только их пробудить, призвать к действию, обучить в неустанной и нелегкой внутренней работе, и открываются такие широкие дали, такие горизонты.

Нина Можейко была самой простой девчонкой, школьницей. Только в мечтах видела она себя такой же храброй и мужественной, как испанская героиня Долорес Ибаррури. Хотела, но не знала, сможет ли быть такой.

В школе, правда, она никому спуску не давала. И мальчишки не приставали к ней, не таскали ее за косы. Побаивались. Все помнили, как однажды Нина поймала возле школы парнишку, который нехорошими словами обижал девочек, и натолкала ему в брюки снегу. Снег этот, растаяв, обмочил штанины. Все хохотали над посрамленным. А он от отчаяния поколотил стекла. Но после этого притих, успокоился.

В общем-то Нина слыла отчаянной. Не боялась она выступить на большом собрании. Могла без стеснения высказать свое собственное мнение на уроке. Заступалась за товарищей, если ей казалось, что старшие несправедливы. Но разве все это могло идти в сравнение с тем, что ей предстояло совершить теперь?

Конечно, она могла отступиться. Кто упрекнул бы ее, девчонку, в том, что не сумела зажечь мост на глазах у фашистов, топтавшихся у дороги? Но как она могла, если уже знала, что по этой дороге враги двигаются на Москву?

И Нина напряглась, организовала себя на то, чтобы «трохи посображать», как любил говорить дедуня.

Работать на шоссе Нина не ходила. Всякий раз ее не оказывалось дома: то ушла к отцу в Новое Дуброво, то у подружки в соседней деревне, то тетку проведывает в Лиозно. Показываться на шоссе открыто ей теперь нельзя. Но можно подобраться поближе, поглядеть по сторонам: где идет ремонт? Где насыпают песок? Где больше всего людей, охраны? Это ж ее родная деревня, ее леса и луга, любимые с детства. Тут знает она всякий поворот тропинки, все кусты и заросли и все подступы к мостам помнит. Неплохо, наверное, попытаться еще выведать невзначай у людей, которых силой заставили работать на дороге: что там да как? Какие порядки? Кто заподозрит девчонку, которую все тут помнят с пеленок? Поинтересовалась — посочувствовала.

Как-то на кладбище Нина наклонилась низко над маминой могилой, и вдруг ей почудилось, что она слышит какие-то голоса. Вздрогнула, мурашки побежали. Прильнула ухом к земле — слышит, Катя Коваленко говорит с кем-то. Видно, за сараем, у своего дома. Катя жила близко отсюда.

Нина тогда удивилась своему открытию, улыбнулась про себя, что может все Катины секреты выведать. А теперь вспомнила об этом всерьез. Если послушать землю на кладбище, то скорее всего придут к ней и шумы с дороги. И она побежала на кладбище.

Как ни удивительно это было, шоссейную дорогу, прижавшись к земле ухом, хорошо было слышно. Даже окрики и перебранку охранников доносил ветер. Нина, хоть и не отменно, но все же понимала по-немецки. Улавливая даже отдельные слова, могла все же понять главное. И, хотя жутко и неприятно было лежа на могилах слушать землю, Нина каждый день прибегала на кладбище.

Постепенно, день ото дня, появилась у нее уверенность, что мостами фашисты не больно интересуются. Деревянные мосты не такие заметные, вроде часть деревенской природы. Может, эти пришлые не обращают на них внимания? Все больше толпятся там, где идут работы. Когда работы заканчиваются и люди расходятся по домам, хорошо слышно из дома. Караул меняется ночью — Нина научилась улавливать ухом, как тормозит машина, которая привозит из Лиозно смену часовых. Это уже совсем поздно, в темноте.

Нина бросками поползла дальше от дороги. Она видела, как полыхало уже пламя, и торжествовала.

Значит, надо успеть до смены часовых, после работ на шоссе. И Нина наконец решилась. Надела снова просторную куртку, чтоб было где спрятать бутыль с бензином. И решила с кладбища пробраться к коваленковскому сараю, а оттуда задворками, ползком, к мосту.

Поначалу все шло будто бы хорошо, и Нина старалась не думать пока о том, как сложится у нее там, на мосту, чтобы не терзать себя заранее. Ползла, беспокоясь, как бы не расплескать бензин в бутыли. И вдруг — ух! — ухнулась разом, полетела куда-то вниз, больно раня руки и ноги. И головой стукнулась. Не сразу сообразила, где она.

По православным обычаям, которых все же в деревне придерживались, яму для гроба полагалось рыть в тот самый день, когда хоронили покойника. Теперь же все, что раньше полагалось, не всегда было выполнимым. Люди больше не принадлежали себе, не знали, что ждет их завтра и даже через минуту. Возможно, кто-то заранее приготовил могилу, заложил листвой, надеясь схоронить близкого человека, не обращая внимания ненавистных глаз.

Яма оказалась глубокой, метра два. В ней было темно и холодно, и небо светлело где-то совсем далеко. Нина попробовала пошевелиться, поднялась во весь рост. И тут только с отчаянием поняла, что выбраться безнадежно. Зацепиться не за что. Она схватилась руками за земляную стену, уперлась ногой в боковину, пытаясь оттолкнуться, — все напрасно. Свежая еще земля сыпалась, крошилась под руками и ногами. Тогда Нина до конца осознала свою беду. Ее охватил ужас.

Одна, в могиле, на кладбище. Скоро стемнеет. И никто ни за что не додумается искать ее здесь. Так и помрет от холода и страха. Нина не заплакала даже — заскулила, завыла. Но тут же какой-то незнакомой еще пока ей самой силой остановила себя, сдержалась. Заставила работать мозг. Сверкнула, обожгла мысль: «А если завтра или сегодня к вечеру принесут покойника? Обнаружат ее в яме? Так это ж еще хуже. Станут ее вытаскивать, а у нее под курткой — бутыль с бензином. Что делать? Что же делать?»

Она искала хоть какой-нибудь выступ. Руками шарила по земле, ломая ногти, ободрала щеку, но всякий раз, чуть приподнявшись, валилась вниз. Высоко над ней светлел голубой кусочек неба, а в яме пахло сыростью и леденило холодом. Ужасно захотелось спать. Нина попробовала бороться со сном: шевелилась, дергалась. Почувствовала, как струйка бензина, плеснувшегося из бутыли, замочила платье, ожгла тело. И вдруг мгновенно она отключилась, снова провалилась куда-то.

Проснулась, не чувствуя себя от холода, осмотрелась и не узнала яму. Мерцающий свет падал с высоты, робко касаясь земли, высвобождая из темноты белесые березовые корни. Нина подняла голову кверху. Над головой серебрилась луна.

Нина тронула корень. Потянула, испытывая на прочность. Поискала рядом другой, третий. Сколько могла, очистила от земли. Господи, какое везение! Как же не заметила она этих корней раньше? И, лихорадочно хватаясь и цепляясь за корни

онемевшими руками и ногами, она поползла кверху. Подтягивалась и ползла кверху. К воздуху, к свету.

К счастью, никто ее не услышал. Ночью на кладбище никто не пришел. Утром, отряхнувшись и очистившись от земли, Нина припрятала бутыль в прежнее место и тоскливо побрела к дому. Бабушке придумала она сказать, что ночевала у Лиды на чердаке, в сарае. Упала с лестницы да обкорябалась. А Лиде, решила она, если спросит про царапины, сказать, что упала с чердака своего сарая. Вот и все. Но задание оставалось невыполненным и сидело в душе занозой.

Теперь Нина обошла кладбище с краю, подползла к кустам у самой дороги и долго-долго лежала там, прислушиваясь и приглядываясь. У моста, на который она нацелилась, было тихо. Сколько ни слушала она ухом землю, не могла уловить ни голосов, ни звука шагов. Мост, избранный Ниной, похоже, оказался в стороне от забот фашистов.

Мелькнула мысль: «Вдруг там часовой? Стоит тихо. Притаился. Что, если схватит?» Но повернуть она все равно уже не могла. И значит, надо действовать.

Необыкновенное возбуждение, какое-то жуткое лихое торжество охватило ее. Нина сорвалась с места, рывком двинулась к мосту: «Ну, пан или пропал».

К счастью, у моста действительно никого не оказалось. Нина скользнула к металлическому желобу под мостом. Еще бросок, и она уже внутри трубы. Она продумала все свои движения до мелочей и не раз мысленно проделала весь этот путь. Теперь ей оставалось присмотреть, где дерево посуше. Вот. Огонь лучше всего схватит сухие крепления по бокам. Нина выбралась из желоба, быстро выхватила бутыль, плеснула бензином на боковые крепления. Попрыскала еще повсюду, сунула паклю, пропитанную бензином, в щель и зажгла спичку. Мгновение — и в сторону. Прочь, прочь ползком к кустам.

Глянула из кустов, огонь побежал по доскам, пока еще робко пробиваясь наверх. Но пламя вот-вот охватит весь мост. И Нина изо всех сил, бросками, поползла дальше и дальше от дороги. Вслед ей с шоссе летели страшные крики обезумевших в панике врагов. Она видела, как полыхало уже пламя, и торжествовала. Торжествовала.

Добравшись до дому, она сразу забралась на чердак, чтобы никто не заметил, как ее всю трясет и она не в силах остановить эту мелкую предательскую дрожь. Она схватила платок, сунула в рот, зажала зубами, чтоб не стучали. Ей казалось, что стук ее зубов слышен и на дворе.

Попыталась задремать, но сон не шел. Сердце ухало и ныряло куда-то в глубину тела, а потом стремительно с шумом выныривало и снова камнем падало вниз. Нина схватила все тряпье, что попалось на глаза, завернулась, и так долго не шевелясь лежала, не думая о пожаре на мосту, пытаясь погасить свой внутренний непрошеный пожар.

Вечером примчалась Катя. Зашептала: ходят слухи, что действуют партизаны. Партизаны уже пускали под откос поезда, на дорогах совершали диверсии. Совсем недавно люди увидели прямо у дороги листовки с сообщением Совинформбюро. Бабушка, услышав Катины новости, запричитала: «Меньше бы вы бегали туда-сюда. Да язык бы за зубами держали. Не маленькие ведь уже». Нина радовалась: никто не догадывается, что всех партизан тут на мосту было — она одна. А вот ведь всполошились черные тараканы, зашевелились. И она впервые почувствовала себя сильной. Очень сильной.

Потом, так и сяк исхитряясь, потихоньку отливая керосин из дедовой канистры, не давая передохнуть себе и опомниться гитлеровцам, Нина сожгла еще один мост. А потом еще и еще. В сторону деревни Красыни и деревни Уны, куда ходила учиться в семилетку.

Ух, и озверели ж фашисты. Врывались во дворы, крушили все, что попадалось под руку. Черный офицер, что жил в их доме, влетел с целой оравой своих головорезов, и те хорошо постарались — порубили все дедовы яблони.

Дед Павло, как увидел это, так и свалился в обмороке. Захворал совсем, залег на чердаке и несколько дней ничего не ел. Бабушка плакала безутешно и просила Нину не ходить далеко, не пропадать часами.

Катя Коваленко жила на том краю деревни, куда ближе всего подходили болотные топи. К сараям коваленковского двора легче можно было пробраться незамеченным. И Леня, чтобы вызвать Нину, приходил к Кате.

Кате нравилось, что Леня, такой образованный молодой человек, учитель, выделяет ее, Катю Коваленко, из всех других Нининых подруг, ей льстило быть доверенным лицом в делах любви. И она с готовностью бегала к Нине сообщить о свидании.

В этот раз Леня просил Нину прийти к молочной на шоссе. Нина старалась идти неторопливо, степенно, не вызывая подозрений, а душа ее летела навстречу Лене стремительно и легко, далеко опережая тело.

Ей столько надо было рассказать ему, объяснить свои чувства, свою победу над страхом, торжество удачи. Но, когда она добралась до Лени, силы почему-то оставили ее и слова, как ни странно, не шли с языка. Показалось нелепым что-то говорить. Что говорить? Задание выполнено. Мосты сожжены. Это главное, и это он уже знает.

Он, как всегда, обнял ее, прошептал:

— Молодец! Молодец! Я горжусь тобой. Тебя хотят принять в комсомол.

— В комсомол? — охнула Нина. — Правда? — Радость сверкнула в ее глазах. И тут Леня увидел, как вдруг повзрослели эти глаза, потяжелело лицо.

Леня погладил ее по плечу, сказал ласково:

— Слышала бы ты, Ниночка, как удивились наши ребята, когда узнали, что ты все сотворила одна. Невероятно, говорят. Вот так девчонка!

— Так куда приходить? — коротко спросила Нина.

Они стояли у шоссе, и, само собой ясно, как бы ни хотелось, оставаться долго здесь было опасно.

— Велешковский сельсовет помнишь? — быстро спросил Леня.

Нина кивнула:

— Там дедушка Алексей с теткой Мариной жил, в Михалове. А отец — в Новом Дуброве.

— Ну вот, — обрадовался Леня, — туда и пойдешь. Там тебя встретят. Не бойся. Только будь осторожна. Ладно?

Он всегда говорил так на прощание: «Будь осторожна!», и Нина поняла, что пора расставаться.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Малая Пионерская Энциклопедия

29 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА

КОМСОМОЛЬСКИЙ ЗНАЧОК

*Значок КИМ.
1922 год.*

*Значок ВЛКСМ.
1947 год.*

*Современный
значок ВЛКСМ.*

42 миллиона советских юношей и девушек носят на груди этот маленький значок: красный флажок с изображением В. И. Ленина и надписью ВЛКСМ.

За этим значком — почти семидесятилетняя история, наполненная необыкновенными примерами отваги и мужества. С комсомольским значком шли в бой за власть Советов первые комсомольцы. Свою комсомольскую честь они ценили дороже жизни. Это о них писал поэт Михаил Светлов:

*Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели.*

А когда кончилась гражданская война, 2 октября 1920 года сотни делегатов III съезда комсомола затаив дыхание слушали обращенную к комсомольцам речь Владимира Ильича Ленина. Он сказал, что их главная задача: «...помочь партии строить коммунизм, и помочь всему молодому поколению создать коммунистическое общество». И, отвечая на призыв вождя Коммунистической партии, тысячи и тысячи людей с комсомольскими значками появились в аудиториях институтов, на первых стройках коммунизма, в красноармейских казармах. Комсомольцы строили первые домны Магнитогорска, создавали первые колхозы, ликвидировали беспризорность и неграмотность.

А когда наступили тяжкие годины Великой Отечественной войны, когда фашисты напали на нашу Родину, первыми, кто прикрыл ее своей грудью, были комсомольцы. Большинство в Красной Армии — это были молодые люди, носившие на груди комсомольский значок. За годы Великой Отечественной войны три тысячи пятьсот комсомольцев стали Героями Советского Союза. А шестьдесят из них — дважды Героями Советского Союза.

Комсомольские значки носят сейчас те, кто строит огромные заводы, Байкало-Амурскую магистраль. Самые главные, самые трудные и ответственные стройки объявляются Комсомольскими, и по призыву комсомола на них уезжают и трудятся юноши и девушки с комсомольскими значками.

И комсомольские значки у тех, кто несет вахту на границах, стоит у пульта могучих ракет, несет военную службу на земле, в небесах и на море...

Тот, кто, став взрослым человеком, собирает памятные знаки своей жизни, бережно сохраняет — рядом со значком октябренка и пионерским значком — свой комсомольский значок: память о славной боевой и трудовой молодости.

Л. РАЗГОН

Валентин БЕРЕСТОВ

Гениальность

До свидания, школа начальная
И учительница гениальная!
Она
Преподавала
Буквально все предметы,
Одна
На все вопросы
Давала нам ответы.
А теперь — что ни урок,
То особый педагог.
У каждого из них своя,
Как говорится, специальность.
Но все их знать обязан я!
А это ли не гениальность?

Докладчик

Виват!
Я делаю доклад!
Он длинноват
И скучноват,
Но остальные выступления,
Пусть даже мы услышим гения,
Все это будут только прения,
А я?
Я делаю доклад!

Мечтатель

Сижу на самой верхней ветке,
И чудится, что я в разведке
Или на мачте корабля,
Готовый закричать: «Земля!»
А ветер дерево качает.
Никто меня не замечает.
А я забрался выше всех,
И вижу всех,
И слышу всех!

* * *

С тобой мы дружили, как дружат мальчишки,
Сражались и спорили без передышки.
Бывало, лишь только сойдемся с тобой,
И сразу у нас начинается бой.
Опять в рукопашной иль шахматной схватке
Друг друга спешим положить на лопатки.
Где меч отсверкал, там покатится мяч.
Ликуй, победитель! Поверженный, плачь!
Нам эти сраженья не надоели,
Хоть каждый сто раз погибал на дуэли.
Зато сохранили мы дружбу свою.
Еще бы! Она закалилась в бою!

* * *

Шел в школу. И мячик на крыше сарая
Заметил. Лежит он заброшен, забыт.
Возьму его в класс, а потом поиграю.
Сейчас он, голубчик, на землю слетит.

Швырнул в него шапку — и шапка на крыше,
Пеналом пустил — и пенал не помог.
Сам лезу на крышу... И в ужасе слышу,
Как голос судьбы, беспощадный звонок.

Домой или в школу? И дома и в школе
Твердить оправданья? Нет-нет! Нипочем!
...Сижу я на крыше с дурацким мячом,
И воля мне кажется хуже неволи.

Рисунок А. ДУГИНА.

ТЫ И РЕФОРМА

Л. ПОДКОРЫТОВА,
М. МАТВЕЕВА

Сделай себя умным

Ты хочешь хорошо учиться?
Да? Тогда давай вместе подумаем:
К каким наукам у тебя склонность от природы, а какие способности тебе надо развить?
Что тебе мешает хорошо учиться и какие навыки тебе в учебе помогут?

Хорошо учиться, чтобы...?

Ты хочешь хорошо учиться. А почему? Однажды психологи попросили школьников ответить на этот вопрос. Ответы они получили примерно такие: «Хочу хорошо учиться, чтобы мне не ставили плохих отметок», «Не хочу, чтобы меня ругали учителя», «Не хочу огорчать родителей», «Хочу быть не хуже других ребят»...

К сожалению, очень редко кто отвечал: «Я хочу хорошо учиться, чтобы много знать». И почти совсем никто не дал ответа правильного, которого ждали от ребят взрослые.

Давай поразмыслим над каждым ответом. Итак, ты, как и те опрошенные школьники, хочешь хорошо учиться, потому что боишься плохих отметок, гнева учителей и родителей. Тогда представь, что наступил блаженный миг: в школе отменили оценки! Учитель только исправляет ошибки в домашних работах, но мнения о твоих знаниях не высказывает. Правда, учитель помнит, что такую-то тему ты ему не ответил и вчера контрольную не написал, но через месяц об этом может забыть, отметок-то за работу нет, нигде не помечается, как оценены твои знания. Никто теперь не знает, хорошо ты учишься или нет. Ребята в классе не делятся на отличников, троечников или двоечников... Родителям тебя не за что ругать...

Замечательная жизнь, правда? А при таких условиях ты по-прежнему хотел бы ХОРОШО учиться?

Думаешь, стоит сказать «да», и мы тут же бросимся тебя хвалить: какой умный, какой сознательный школьник. Погоди. Если ты и без оценок будешь хорошо учиться, потому что хочешь много знать, мы тебя похвалим, но умеренно. Настоящую похвалу заслужит тот, кто сможет объяснить, **зачем ему нужны знания.** Не знаешь? Не страшно: не до всего человек додумывается сразу.

Ты хочешь много знать и поэтому выбираешь себе такой путь: всю жизнь учиться с утра до вечера, читать увлекательные книги, слушать лекции прекрасных учителей, записывать, впитывать в себя все новые и новые любопытные факты, случаи, цифры.

После школы поступить в институт, потом закончить другой, третий...

Такую жизнь омрачает только одно маленькое обстоятельство — экзамены. Но и их можно пережить. Год от года ты становишься все более опытным экзаменующимся, и «завалить» тебя преподавателю уже нелегко.

Райская жизнь. Она привлекает ребят, которые уже вкусили сладость самого процесса учения, приобретения все новых и новых знаний. Обычно так бывает со старшеклассниками или студентами.

Но такое отношение к учебе — **ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ.** Хорошо, если оно от детского недомыслия и с годами пройдет. Признаемся, что им переболели и мы, авторы этих размышлений. Одна из нас только мечтала быть вечной студенткой, другая даже училась в двух институтах. Мы тоже не сразу поняли, что нельзя быть учеником всю жизнь. Человек не может все время **БРАТЬ** от общества, придется и **ОТДАВАТЬ** когда-то. И потом, если каждый будет всю жизнь ходить в учениках, кто же будет работать, кто же будет его учить?

Знания становятся нужными, ценными только тогда, когда ты их начинаешь применять в деле.

Вот и нашли мы правильный ответ на наш вопрос. **Учимся мы хорошо для того, чтобы потом хорошо работать.** Стать хорошим специалистом, мастером. Успехи в работе приносят человеку удовлетворение собой, одобрение окружающих, счастье. А разве не к этому стремится каждый? Как только поймешь, зачем тебе нужно хорошо заниматься, учиться станет легче.

Ведь от твоих сегодняшних школьных успехов зависит, будешь ли ты хорошим рабочим, инженером, учителем или врачом, когда вырастешь. Разве тебе хочется быть всю жизнь хуже других, самого себя оставить в дураках?

Таланты «от природы»

Примерно с двенадцати лет каждый человек начинает интересоваться собой, своим внутренним миром. И ты уже не раз, наверное, пытался это сделать. Не только разглядывал себя в зеркале, но и сравнивал, кого ты умнее из своих одноклассников, а кто тебя трудолюбивее, кто более сообразительный, чем ты... Ну и как? Пока в себе не разобрался? Не огорчайся. Узнать все о себе не легче, чем узнать все о ком-то.

Сейчас мы тебе расскажем, как именно познакомиться с самим собой, как определить, какие у тебя способности, склонности. Только уговор: на все вопросы ты отвечаешь искренне, потому что отвечаешь сам себе. Это перед другими ты можешь хорохориться, играть то одну роль, то другую или валять дурака. Но если ты хочешь в себе разобраться и себе же помочь хорошо учиться, ты должен быть честен перед собой.

Если мальчику нравится ботаника, если он знает массу сведений о росте, цветении, плодоношении растений и если он умеет работать с микроскопом в классе и с лопатой в саду,— мы можем уверенно сказать: у мальчика есть способности к этой науке.

Отношение к предмету (насколько ты его любишь);

уровень знаний по этому предмету (много ли ты знаешь);

и уровень навыков (что ты умеешь) — все это определяет твои способности.

Иногда способности человеку дает природа (слышал, как говорят: «Он музыкант от природы» или «Он прирожденный математик»?). Иногда способности человек вырабатывает себе сам: развив свое мышление, трудолюбие, характер. Тогда человек становится способным не «от природы», а «от себя». Правда, есть такие занятия, где только знаний и навыков (умения работать) недостаточно. Обязательно нужны природные склонности. Это творчество композиторов, художников, писателей, ученых-математиков... Научить петь или рисовать можно каждого человека. Но научить человека петь очень хорошо, лучше многих и многих других, если у него от природы нет никаких музыкальных склонностей, нельзя.

Так что, когда бабушка уговаривает тебя после восьмого класса поступать в музыкальное училище потому, что она всю жизнь мечтала стать пианисткой, но не стала, а теперь хочет, чтобы пианистом ты стал, хорошенько взвесь свои возможности. Одно дело — слыть среди одноклассников музыкантом, потому что ты занимаешься с учителем музыки. И совсем другое дело — оказаться в кругу людей, где все играют на фортепьяно и где большинство — ребята со склонностью к музыкальным занятиям от природы. Если у тебя такой склонности нет, ты будешь сильно отставать от других и мучиться, что ты «хуже» остальных ребят.

Хотя на самом деле, конечно же, ты не хуже, твои способности — в другом.

Каждый человек к чему-нибудь способен. Неспособных — нет.

К чему есть склонности у тебя?

Ты по всем предметам учишься на «пятерки». Или по всем предметам у тебя «тройки». Как же определить, к каким наукам ты способен, если оценки по всем дисциплинам одинаковые?

Ты не любишь уроки математики и совсем ею не занимаешься, потому что у тебя прескверные отношения с учителем математики. Но это не значит, что у тебя нет способностей к математике. А вот историк у вас замечательный. И по истории у тебя «пятерка». Ты с удовольствием ходишь на этот урок. Значит, у тебя способности к истории?

Отметка за урок очень приблизительно говорит о твоих знаниях. А о способностях практически совсем ничего не говорит. Это ты и сам знаешь. И можешь рассказать нам массу историй о том, какие оценки получали в школе великие ученые. Ньютон не блистал по физике и математике. Менделеев был двоечником по химии....

Как же тогда определить, к чему у тебя есть способности, если не брать во внимание отметки?

Предлагаем три способа.

Во-первых, подумай, какая школьная наука (именно наука, не урок, не учитель) тебе больше всего интересна и нравится.

То, что тебе нравится, к тому у тебя склонность и есть.

Во-вторых, на занятие каким предметом у тебя уходит мало сил (при условии, конечно, что ты этим предметом занимаешься).

Чем меньше сил ты тратишь на подготовку к уроку физики, например, тем больше у тебя к этой науке способностей.

И третий способ (самый верный! Поэтому его испробовать надо **обязательно**). Соберись с силами. Занимайся на совесть каждым предметом, готовь все-все уроки, выполняй все задания учителей, старайся. Хотя бы две недели! По какому предмету ты за это время продвинешься дальше всего — к тому у тебя природные склонности.

А если есть у тебя увлечение (археология, астрономия или радиоэлектроника...), от которого, сколько бы ты им ни занимался, хоть весь день, ты совсем не устаешь, да при этом говорить о своем увлечении готов и с друзьями, и с родителями, и с учителями дни и ночи напролет, значит, ты **одаренный** в этой области человек. Именно этим делом тебе и следует заниматься в жизни. И не давай никому, ни родителям, ни друзьям, сбить тебя с толку и уговорить получить другую профессию.

Вот ты провел двухнедельный эксперимент и выяснил, к каким предметам у тебя есть склонности. Тут мы, рискуя вызвать недовольство родителей и учителей, должны сказать: мы отнюдь не призываем тебя учиться по всем предметам на «пятерки». Отличник отличнику бывает рознь. Академик А. П. Александров, президент Академии наук нашей страны, как-то сказал, что, на его взгляд, у многих отличников нет глубоких знаний ни по одному предмету. Они запомнили факты из всех наук понемногу, оттого и производят хорошее впечатление. Но только с первого взгляда.

Так он отозвался о тех отличниках, которые по-настоящему не интересовались ни одной наукой, а хорошо учились, лишь используя свою природную память или потакая своему тщеславию, стремились выделиться, заслужить похвалу.

Можем привести мнение и другого академика, И. П. Павлова, это имя тебе знакомо из учебника биологии. В одном из писем он рассказывал невесте, что если кто-то у них в гимназии не успевал по одному предмету, зато отличался в другой науке (заметь, отличался!), его не только не исключали из гимназии, наоборот, ходили вокруг и приглядывались: не талант ли это?

Итак, совсем необязательно учиться на одни «пятерки». И новая реформа школы отменила средний балл за аттестат, его не будут учитывать при поступлении в институт. Гораздо важнее как можно раньше определить, к чему у тебя есть склонности, и уж любимым предметом заниматься серьезно и много. Тогда «пятерка с плюсом» по любимому предмету оправдает остальные твои

Рисунок Л. НАСЫРОВА.

«четверки». Чем больше ты в школьные годы успеешь узнать, прочесть книг по той науке, что тебя интересует, тем вероятнее, что ты станешь хорошим специалистом, Мастером, когда вырастешь.

А как же те предметы, к которым у тебя нет природных склонностей? По этим предметам ты сможешь учиться хорошо, если разовьешь у себя трудолюбие, натренируешь память, внимание... Помнишь, мы говорили о способностях без природных задатков, о способностях, развитых самим человеком? Вот такие способности и ты можешь развить у себя. Как? Об этом наш разговор дальше. Сначала мы поговорим о твоем темпераменте.

Изучаем свой темперамент

Знаешь ли ты свой характер, свой темперамент? Да и вообще что такое темперамент? Чтобы было понятно, о чем идет речь, приведем такой пример.

Два мальчика сидят за одной партой. Первый — веселый, живой, легкий на выдумки. Второй — неповоротливый увалень и тугодум. Оба они любят математику и неплохо ее знают.

Во время контрольной работы в классе первый мальчик бросается решать задачи сразу же в чистовике. Между делом он крутится, справляется, как идут дела у соседей справа и слева, подбадривает того, кто тоскует на последней парте, что-то отвечает на замечание учителя... Не отрываясь от решения задач, он каким-то необъяснимым образом видит все, что происходит в это время в классе.

Его сосед ведет себя по-другому. Он долго читает условие задачи, вырывает из тетради листочек для черновика, записывает решение сначала вчерне, потом сосредоточенно переносит его в тетрадь. Когда он задумывается над следующей задачей, вид у него настолько отрешенный, что, окликни его сейчас, он не сразу отзовется и сообразит, где он и что от него хотят.

У этих мальчиков разный темперамент, поэтому они по-разному работают. Но каждый, выбрав себе свой стиль работы, добивается хороших результатов.

Если ты отдаешь себе отчет в том, какой у тебя темперамент, ты можешь использовать все его преимущества. И еще ты сможешь понять, **что** тебе надо развивать и тренировать, чтобы хорошо учиться.

Ученые делят людей по темпераменту на такие типы:

Сангвиники — это люди жизнерадостные, быстрые, уравновешенные.

Холерики — люди неровного настроения. То у них мир прекрасен и всем они довольны, то вдруг настроение резко падает, появляется раздражительность.

Меланхолики — они склонны к задумчивости, грусти, мечтательности, очень чувствительны.

Флегматики — эти инертны, на все медленно реагируют, перед любой работой долго раскачиваются.

Как учатся сангвиники? Они тут же схватывают объяснения учителя или суть того, что прочитали в учебнике. Сангвиники умеют быстро переключаться с одного вида работы на другой. Нужно открыть учебник и прочитать параграф—пожалуйста. Идет перекрестный опрос, учитель проверяет знание дат по истории — сангвиник готов отвечать. Пишем в тетради план следующей темы — с удовольствием... Сангвинику легко даются экспромты. Даже если он не уверен, что правильно отвечает урок, сангвиник почти всегда выкрутится. Он многим увлекается, за все хватается. Но... Внимание у сангвиника порхающее. Он хорошо работает, пока ему интересно. Только заскучал, уже не слушает учителя, а смотрит в окно или мешает работать соседу. Дело он может бросить на полпути. Сангвинику необходимо тренировать внимание, усидчивость, волю.

Холерики мыслят последовательно, логично. Тоже умеют быстро переключаться с одной работы на другую. Но работают они неровно, рывками, не рассчитывая своих сил.

Когда у них хорошее настроение, душевный подъем, работа им интересна, они могут заниматься ею хоть восемнадцать часов подряд. Зато потом — усталость, спад настроения. Холерики становятся раздражительными, ищут уединения, неделю у них нет сил ни на что. Однако, если холерики выполняют важную и срочную работу или готовятся к экзаменам, они прилагают титанические усилия, чтобы все закончить вовремя, и спад у них наступает только тогда, когда самые срочные дела сделаны.

Над флегматиками в школе часто смеются, дразнят их за медлительность. А зря. Флегматики усидчивы, упорны. За что ни возьмутся, все делают основательно, доводят до конца. Они не сильны на экспромты, поэтому им не стоит ставить себя в такое положение, когда надо принимать решение быстро и неожиданно. Если сангвиник часто пишет сочинение без подготовки, имея только приблизительный план, который в ходе работы он может и перестроить, флегматику так делать мы не советуем. К сочинению он должен основательно подготовиться, подобрать примеры, хорошо продумать план и уже не менять его в последний миг.

Меланхолики — люди художественного склада, у них хорошо развита образная память. Они подарили миру многих музыкантов, поэтов, художников. Но меланхолики тоже не умеют отвечать экспромтом, им, как и флегматикам, к любому выступлению надо готовиться. Меланхолики быстро утомляются от занятий, им надо чаще переключаться с одной работы на другую. Школьникам, когда они готовят уроки дома,— с одного предмета на другой, с письменного задания на устное...

Человек любого темперамента может добиться успехов, учиться очень хорошо, если он выработает себе индивидуальный стиль занятий. Жан-Жак Руссо в своей «Исповеди» писал, что он никогда не мог осваивать науки с учителями. Потому что не умел быстро схватывать объяснения, не успевал за мыслью своих учителей, а признаться в том, что ничего не понял, стеснялся. Он был флегматиком. Руссо всему выучился сам, по книгам, медленно, в том темпе, который был ему доступен. А в энциклопедии после его фамилии сейчас написано: «Выдающийся французский мыслитель, просветитель...»

Среди великих ученых есть люди с любыми темпераментами. И ученик с любым темпераментом может учиться хорошо.

Мы должны тебя предупредить, что сангвиники, холерики, флегматики и меланхолики в чистом виде встречаются не так уж часто. У большинства людей — темпераменты смешанных типов. Сангвиники, близкие к холерикам... Или холерики с чертами флегматиков...

И все же ты постарайся определить, какой у тебя темперамент. На какие его достоинства ты можешь опереться. И что тебе надо тренировать: внимание, логику мышления, волю... А как, мы расскажем в следующем номере.

Юрий КАМЕНЕЦКИЙ

Муки любви

ЮМОРЕСКА

Степка слушал учителя и ничегошеньки не понимал. Он просто смотрел в затылок сидевшей на первой парте отличницы Маши Кузнецовой и решал, какого у нее цвета волосы.

— Самофалов,— обратился учитель,— расскажи нам, что будет...

Из всего, что говорил учитель, Степка понял только одно — ему, Степке Самофалову, сейчас влепят пару. И хотя, казалось, понял он не много, но зато правильно.

— Посмотри, до чего докатился твой сын,— сказала мама, протягивая папе дневник.

— Почему? — спросил папа, разглядывая жирную двойку.

— Я смотрел в затылок Кузнецовой,— честно признался Степка.

— Это та девочка с большими голубыми глазами? — заинтересовался папа.

— Я не знаю. Я смотрел в затылок,— повторил Степка.

— Он влюбился,— трагически констатировала мама.

— Любви все возрасты покорны,— с пониманием отозвалась бабушка.

«Старших надо слушать»,— подумал Степка.

Так впервые он узнал, что влюбился. Теряться было нельзя, и Степка не терялся.

— Алле! Валя? Это я.— Степка не случайно позвонил Вале Морозову. Тот слыл в классе человеком решительным, знающим жизнь.— Я влюбился в Кузнецову. Чего теперь делать?

— Писать стихи, конечно,— не задумываясь ответил друг.

«Друзья плохого не посоветуют»,— решил Степка и принялся за сочинительство.

Он даже пропустил интересную телепрограмму, но так ничего, кроме первой строчки, и не придумал. Но строчка получилась сильная.

— Люблю тебя я, Кузнецова,— бубнил Степка, лежа в постели и борясь со сном.

А на следующий день учитель задал Степке тот же вопрос, что и в предыдущий день.

«Люблю тебя я, Кузнецова»,— хотел было ответить Степка, но промолчал.

— По сумме двух выступлений ты получаешь четыре балла,— объявил Григорий Владимирович, словно он вел занятия по фигурному катанию, а не по математике.

«И это любовь? — с негодованием подумал Степка.— Как-нибудь без нее проживу».

Весь вечер он старательно делал уроки, и когда Григорий Владимирович опять вызвал его к доске, Степка потряс учителя глубиной познаний. Познаний было так много, что они поразили даже Кузнецову.

После урока она подошла к Степке.

— Говорят, ты в меня влюбился? — деловито спросила она.

— Говорят,— с подозрением ответил Степка.

— А ты знаешь, это видно,— продолжала свою мысль Маша,— так быстро исправить отметки мог только человек, испытавший глубокое чувство...

Степка не спорил. Чувства он не мерил, так чего спорить. Вот температуру он каждый вечер мерил. Вдруг подымется, в школу идти не надо будет...

А мысли Кузнецовой все текли...

— Недаром известно,— говорила она,— что любовь возвышает и облагораживает...

Быть благородным Степке, конечно, хотелось, но не такой ценой.

— Знаешь, Кузнецова! — решился он.— Ты слухам-то не верь.

— Это в каком смысле? — спросила Маша.

Но Степка не ответил, он шел и думал, что если его возьмут в плен враги, он выдержит любые муки, но муки любви — это не для него.

Наш сегодняшний разговор об учителях

Мы уже говорили о том, что реформа школы — дело всенародное. Какой станет наша школа? Будет ли интересно учиться ученикам и преподавать учителям? Сумеет ли школа подготовить для жизни и труда людей знающих, трудолюбивых, благородных, преданных избранному делу, товарищам, Родине? Все это зависит и от нас с вами. И мы продолжаем обсуждать и обдумывать вопросы, которые поставила реформа.

Наш сегодняшний разговор об учителях.

УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ

ИРИНА ГОРИДЬКО, г. Киев.

Прочитав в рубрике «Отряд говорит с отрядом» разговор ребят о реформе школы, об учении, об учителях, и я решила рассказать о том, что меня волнует. Я хотела сказать, как много зависит от учителя, от личности учителя в создании коллектива. У нас был совсем недружный класс. Пришла новая классная руководительница Колганова Людмила Николаевна. И вот всего лишь через две четверти все изменилось. В разных интересных делах и походах незаметно для себя мы сдружились. Мы стали глубже понимать друг друга, считаться с интересами товарищей, помогать, кому надо, в учебе. Все стали лучше учиться. Но главное — школа стала для нас родным домом, а Людмила Николаевна — родной матерью.

НАТАЛЬЯ ПАНИНА, г. Степногорск, Целиноградская область.

У меня есть самая любимая учительница, Капитолина Яковлевна. Она классная руководительница у 7 «Б» класса, а в нашем классе ведет уроки алгебры и геометрии. Почему она мне нравится? Она добрая. Всегда разъяснит то, что непонятно. Уроки у нее интересные, и сама она человек веселый. Если даже кто-то не выучил правило или теорему, она не читает нотаций, а подшучивает. И по ходу решения, как бы невзначай, спросит правило. И приходить на ее уроки с невыученным домашним заданием стыдно. Многие захотели заниматься в математическом кружке. А летом Капитолина Яковлевна поехала с нами на реку Селету. И была везде сразу: и на кухне помогала готовить, и у речки посидеть с ребятами успевала, и просто походить у наших домиков. На отдыхе с Капитолиной Яковлевной интересно так же, как и на уроке.

АНЖЕЛА КЛИМ, г. Селидово, Донецкая область.

Мне захотелось рассказать о нашей любимой учительнице русского языка и литературы Тамаре Ивановне Кривоносовой. Тамара Ивановна очень добрый и ласковый человек. Она всегда поймет ученика и разделит с ним горести и обиды. И ни один ученик никогда не чувствует скованности в своих действиях перед Тамарой Ивановной. Ее уроки — праздник. Мы всегда идем на них с верой, что услышим что-то новое, поучительное, и не обманываемся. К каждому из нас Тамара Ивановна находит свой особый подход и учит нас быть честными и добрыми. Перед Тамарой Ивановной всегда очень стыдно, когда кто-нибудь по лености плохо выучит урок. Тамара Ивановна не делит учеников на лучших и худших. Она уважает всех, и все уважают ее.

АНЯ ПЕТРОВА, г. Каражал, Джезказганская область.

Наталья Ивановна научила нас читать и писать. И любить труд. И уважать людей. И понимать, где правда, а где ложь. И если у Натальи Ивановны в жизни были какие-то невзгоды, то она всегда оставляла их за порогом школы. К нам она приходила всегда с приветливой улыбкой. На ее уроках никто никогда не скучал. Всем хотелось работать. И за это мы всю жизнь будем благодарны Наталье Ивановне. А сейчас мы учимся в пятом классе.

ТОВШАН БАЙСХАНОВА, с. Солнечное, Хасавюртовский район.

В 6-м классе историю средних веков нам преподавал Руслан Магомедович. Он очень молод, но так хорошо знает свой предмет и так интересно рассказывает. Ему приходилось ездить в нашу школу из города Хасавюрта, но он все равно всегда был с нами. И в первую очередь хочется сказать, что он был хорошим, добрым человеком. А его уроки были для нас праздником. На его уроках я поняла, что история — это прекрасная наука. И полюбила историю. И решила, что стану историком. Что же это за человек, который не знает прошлого своей Родины, своего народа? Наш любимый учитель так много успевал нам рассказать за один урок, да еще и пошутить и посмеяться успевал. Как жаль, что он не у нас, а в 8 «А» классный руководитель!

ОЛЯ СУЙКОВА, г. Москва.

Если бы вы знали, как увлекательно ведет уроки труда наша Нина Владимировна Ширикалова! Она учит нас делать открытые и сложные бутерброды. Рассказывает, как правильно почистить картошку и заварить чай. Вкусно пожарить яичницу — это тоже надо уметь, и мы теперь умеем. На каждом уроке Нина Владимировна рассказывает нам много интересного. Мы узнали, что родина чая Китай.

Оказывается, в Африке хлеб пекут из бананов, а какао-бобы растут в нескольких километрах от экватора. Но главное, Нина Владимировна всегда возбуждает у нас интерес и желание что-то сделать самим. Учит нас трудиться. Спасибо ей за это.

РЕБЯТА! Этот разговор о любимых учителях, об учении НЕ ЗАКОНЧЕН. Вы можете принять в нем участие. Лучшие рассказы будут ОТМЕЧЕНЫ новыми книжками детских писателей.

АДРЕС ЗАБОТЫ: ДОМ, УЛИЦА, ДВОР

Мы уже рассказывали о том, как идет эта операция у белорусских пионеров. Вот еще одно сообщение в республиканской газете «Зорька».

Ребята из домов №№ 58, 60, 62 по проспекту Фрунзе города Минска трудовую четверть провели в своем собственном дворе. Они строили спортивно-игровую площадку. Площадка небольшая — метров 30 на 40, но помещаются и брусья, и штанги по шестнадцать и тридцать два килограмма, и перекладины. Есть место для ручного мяча и для баскетбола. А для малышей — песочницы, качели, карусели, горка. Даже для симпатичных осликов с небольшими цветниками на спинах нашлось место!

Когда-то тут было болото. Потом построили дома, но во дворе вечно не просыхали лужи и росли лопухи. Казалось, как приняться за дело? Кто поможет? Но как только ребята собрались и принялись за работу, появились и помощники: работники жилищно-эксплуатационного участка, члены штаба операции «Адрес заботы: дом, улица, двор» и шефы с завода. Разгрузить машину с кирпичной крошкой ребята могут и сами, а вот достать машину и строительный материал им, конечно, не под силу. Тут нужно искать помощников! Спортивно-игровая площадка — это только начало замыслов. Будут еще и эстрада, и деревья как в парке, и цветники. Будут!

СУДЬБА СЕМЬИ В СУДЬБЕ СТРАНЫ

В библиотеке имени Н. К. Крупской прошла конференция шестых классов 68-й школы, посвященная 60-летию «Пионера». Говорили о том, что А. Гайдар, Л. Кассиль, С. Михалков лучшие свои произведения печатали в «Пионере». М. Пришвин учил ребят любить природу со страниц журнала. М. Светлов делился своими мыслями о событиях в Африке, Гренаде. Н. К. Крупская принимала большое участие в создании журнала, любовно называла его «Пионерчик». И сколько еще прекрасных имен связано с журналом.

Сейчас ребята сказали, что им нравится принимать участие в сборе-поиске, который проходит на страницах «Пионера»,— «Судьба семьи в судьбе страны».

В своих сочинениях многие участники читательской конференции рассказали о дедушках и бабушках, воевавших с гитлеровским фашизмом во время Великой Отечественной войны. Вот отрывки из лучших сочинений.

ТАНЯ ПРУШИНСКАЯ.

Моя бабушка училась в физкультурном техникуме. В апреле 42-го года ей было восемнадцать, ее призвали в армию. И она служила в войсках противовоздушной обороны Москвы. В прожекторном отделении. Освещала ночью вражеские самолеты, чтобы зенитная артиллерия могла их сбить. И наши истребители их сбивали тоже.

ОКСАНА ШЕМЕЛИНА.

Мой дедушка служил в авиации. Его самолет участвовал в боях под Сталинградом, Воронежем, Ростовом-на-Дону. Дедушка награжден многими правительственными наградами и орденом Венгерской Народной Республики.

АНДРЕЙ САБЕЛЬНИКОВ.

Дедушка рассказывал мне, как проходили бои под Курском. Он командовал танковой ротой. И в боях был ранен. Когда ехали через Прохоровку, дедушка видел, как стоят, сцепившись в мертвой схватке, два танка: один с паучьим крестом, другой — с красной звездой. И на нашей машине мелком написано: «Здесь 12 июня 1943 года остановлены немецкие танки. Живи и здравствуй, город Курск!» За эти бои дедушка получил орден Красной Звезды. Я горжусь своим дедом.

Многие бабушки, дедушки и родители участвовали в сборе-поиске «Судьба семьи в судьбе страны» и потом стали помогать ребятам в пионерских делах. Моя внучка Наташа Иванова тоже учится в шестом классе 68-й школы. И я с удовольствием принимала участие в читательской конференции. Рассказала ребятам об истории пионерии Урала, я была пионервожатой. О встрече с Иваном Туркеничем, командиром «Молодой гвардии», о своей поездке по местам ссылки Я. М. Свердлова. Да и мало ли у каждого из нас есть о чем рассказать! Теперь мы будем часто встречаться с ребятами. Следующая встреча будет посвящена 40-летию Победы.

Мария Дмитриевна ЗАХАРОВА,
г. Свердловск.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

ТУЛА — ГОРОД

Владимир СТЕПАНОВ,
лауреат премии комсомола Подмосковья

Тульский пряник

Где родился
Пряник тульский?
Там, где медом
В день июльский
Пахнут русские луга,
А зимой —
Метут снега.

Там, где, словно на крылечке,
Светлый лес
Стоит у речки,
И роняет в речку он
Золотистых
Листьев
Звон.

Пряник тульский
Рос на поле
Там, где пот
Рубаху солит,
Там, где дождик проливной
Клонит
колос
наливной.

Пряник тульский
Там родился,
Где с любовью потрудился
Возле мельниц и печей
Хлебопек страны моей.
Пряник мастером замешан
На цвету рябины здешней
И на песнях
Тех, что пели
Мамы нам у колыбели.

Ты возьми его в ладони,
Аромат земли вдохни
И увидишь:
Мчатся кони,
Летний вечер
В травах тонет,
По реке
плывут огни...

Самовар

Самовар раздула
Тула,
Тула, родина моя,
Белой скатертью взмахнула
От Заречья
До Кремля.

Самовар гудит,
И топчет
тропку в небо
Белый дым.
Где б ты ни был
Днем ли, ночью —
Словно дома
Рядом с ним.

Он гудит
в лесной избушке.
В городах.
Среди степей...
Из него нередко Пушкин
Чаем потчевал друзей.

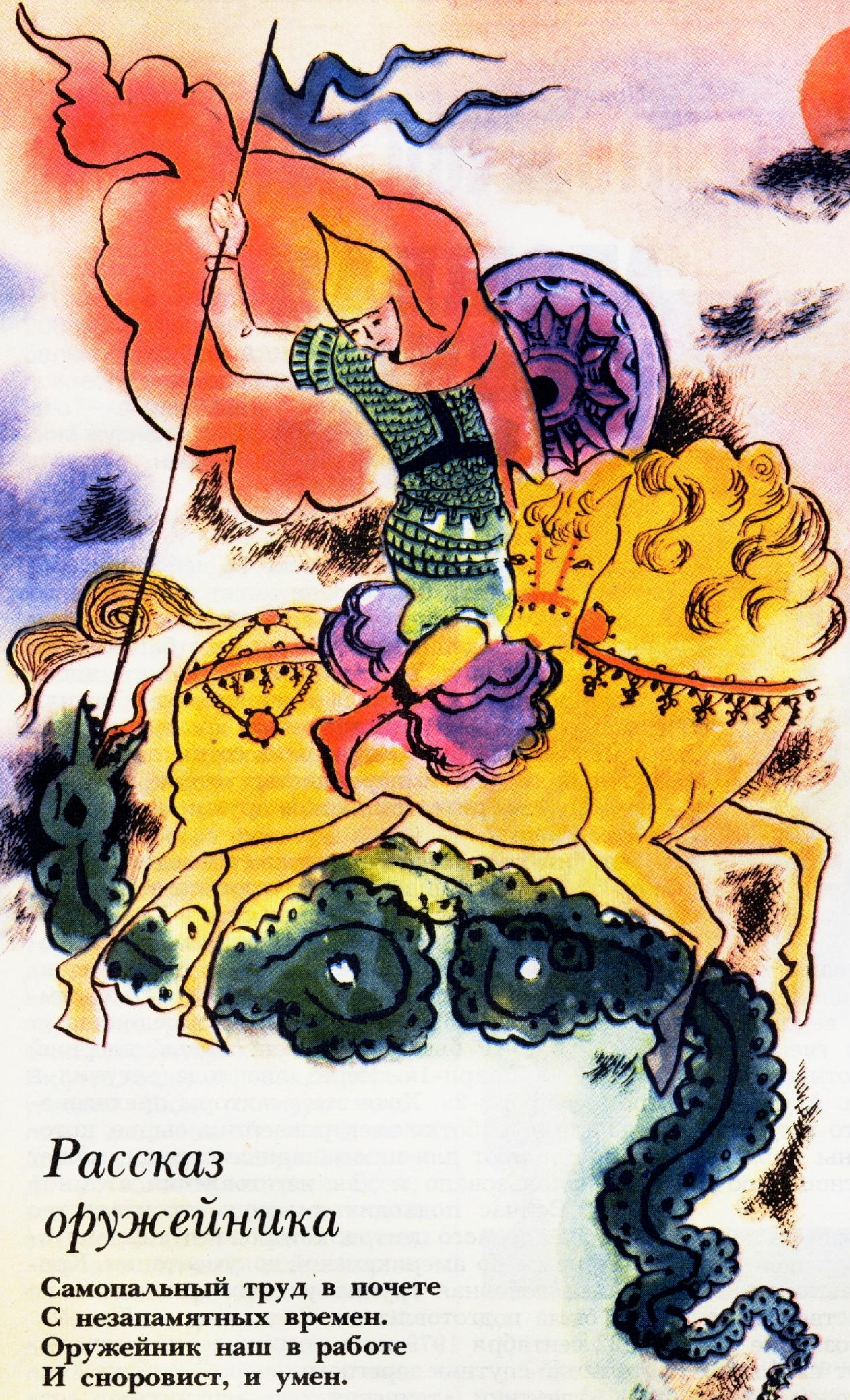
Полководец князь Суворов
За собой его возил.
Самовар наш
Нюхал порох.
Видел крепость Измаил.

Он гудит не уставая
Двести лет уже подряд.
Самовар — душа живая,
Друг веселью,
Сказке брат.

Теплым светом,
Добрым светом
У него горят бока.
Видно, взгляд умельца это
К нам дошел через века.

Самовар гудит,
и тянет
От него
Теплом сосны.
Всей земле
Тепла достанет.
Сказок, песен, тишины...

МАСТЕРОВ

Рассказ оружейника

Самопальный труд в почете
С незапамятных времен.
Оружейник наш в работе
И сноровист, и умен.

Здесь, где белые метели
Клонят
тонкую
ольху,
Подковать смогли, сумели
Мы
Заморскую блоху.

Деды ладили умело
И приклады, и курки.
Сталь звенела.
Пуля пела.
Воздух
Резали
Штыки.

Помнит древняя Полтава
Жаркой схватки времена.
Там рождалась
Наша слава,
А ковалась
Здесь она.

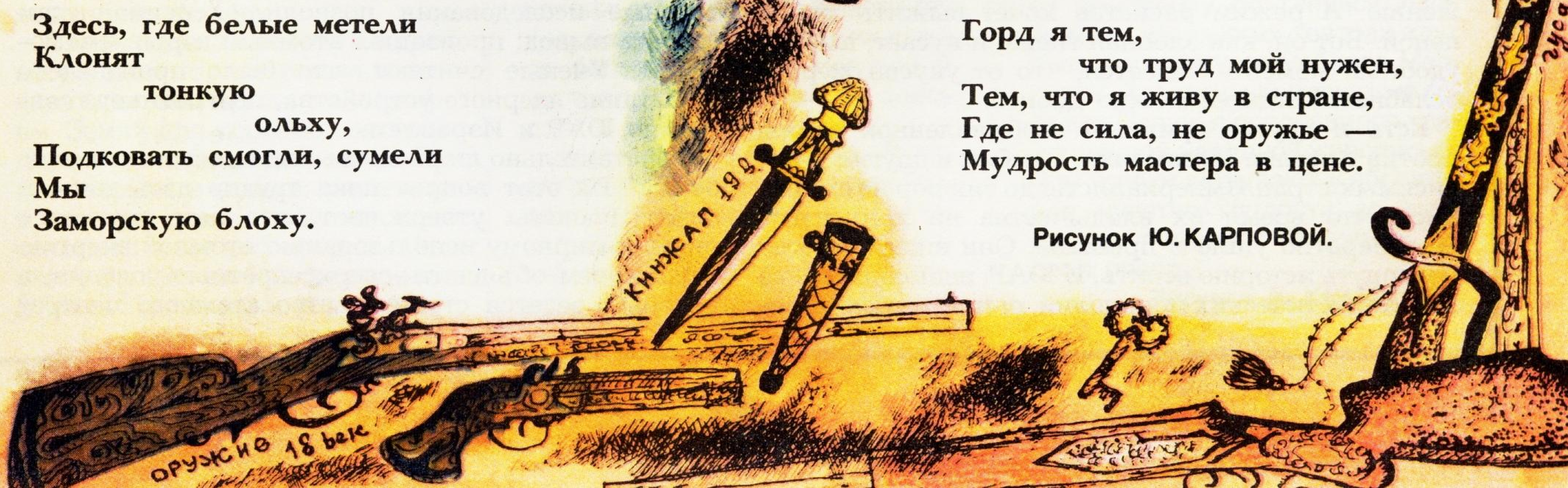
Не пристало мне хвалиться,
Но в свинцовую пургу
Оружейную столицу
Мы не отдали врагу.

Как в сраженье,
Дни и ночи
У станка я проводил,
Потому что и рабочим,
И солдатом
сразу был.

Я рубил металл и резал.
Мял, как будто бы траву.
У каленого железа
Мы учились мастерству.

Горд я тем,
что труд мой нужен,
Тем, что я живу в стране,
Где не сила, не оружье —
Мудрость мастера в цене.

Рисунок Ю. КАРПОВОЙ.

Ведет журналист-международник П. ГРИГОРЬЕВ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРЕСС-ЦЕНТР «ПИОНЕРА»

ХОЧУ СПРОСИТЬ...

Почему ЮАР постоянно устраивает вооруженные провокации против соседних государств и даже напала на Анголу?

Галя СМИРНОВА,
пос. Галимый Магаданской обл.

КАК ЗЛОБНАЯ ГИЕНА

Газета французских коммунистов «Юманите» однажды писала: «Те, кому известны повадки африканских диких животных, знают, как ведет себя одинокая, а потому особенно злобная гиена. Не отваживаясь напасть на группу животных, она кружит и хрипит в бессильной ярости. А улучив момент, бросается на одного, кусает его и тут же отскакивает. Поведение такой вот гиены поразительно напоминает политику ЮАР по отношению к своим соседям».

Сравнение образное и точное. Одинокий на континенте расистский режим смертельно ненавидит своих соседей. Пример народов, сбросивших с себя цепи колониализма, не может не воздействовать на коренное население Южной Африки. Сознание того, что где-то рядом африканцы живут свободно, придает силы национально-освободительному движению. А режим расистов хочет выжить любой ценой. Вот он, как злобная гиена, и кусает, выбрав удобный момент. Надеется, что от укусов жертва ослабнет. Тогда ее можно добить.

Есть и другие причины необъявленной войны против Анголы. Мозамбика, Замбии и других независимых стран.Империалисты до сих пор не смирились, что время их владычества на континенте безвозвратно ушло в прошлое. Они еще надеются повернуть историю вспять. И ЮАР, выполняя заказ капиталистических монополий, пытается помешать освободившимся странам строить новую жизнь, заставить их отказаться от избранного пути. Поддерживая раскольников и марионеток, империалисты мечтают снова хозяйничать на континенте и выкачивать из его недр несметные природные богатства.

Но напрасны их усилия. Народы Анголы, Мозамбика и других африканских государств стойко защищают свои революционные завоевания.

Правда ли, что расисты ЮАР хотят заполучить атомное оружие?

Андрей ПАНФИЛОВ,
г. Кокчетав Казахской ССР.

АТОМНАЯ СТАВКА РАСИСТОВ

Да, южноафриканские расисты действительно рвутся к атомной бомбе. Они хотят держать всю Африку в страхе, диктовать африканским народам свою волю. Подобное в истории уже было. Всем известна трагедия Хиросимы и Нагасаки — японских городов, на которые американцы сбросили атомные бомбы. С военной точки зрения это был бессмысленный шаг. Уничтожив сотни тысяч безоружных людей, империалисты хотели запугать весь мир: смотрите, мол, какое оружие у нас есть! Бойтесь нас!

К политике атомного шантажа стремится и ЮАР. И в этих устремлениях расистам помогают империалисты США и других западных стран. Еще в 1957 году между ЮАР и США было подписано соглашение о поставке в ЮАР обогащенного урана — важного стратегического сырья для производства атомной бомбы. В 1965 году с помощью Соединенных Штатов в ЮАР был установлен первый ядерный реактор «Сафари-1». Через два года вступил в строй «Сафари-2». Хотя эти реакторы предназначены для выработки электроэнергии, сырье, которое поставляют для них западные страны, может быть использовано и для изготовления атомной бомбы. Сейчас подходит к концу строительство крупного ядерного центра, которое ведут французские фирмы по американской документации. Кроме того, основная группа ученых-атомщиков из ЮАР была подготовлена в Соединенных Штатах.

...22 сентября 1979 года американский разведывательный спутник зарегистрировал в районе Южной Атлантики «таинственную вспышку». Тщательные исследования позволили специалистам сделать вывод: произошел атомный взрыв в атмосфере. Ученые считают, что было произведено испытание ядерного устройства, построенного совместно ЮАР и Израилем.

Действительно ли расисты создали свою атомную бомбу? На этот вопрос пока трудно дать точный ответ. Расисты утверждают, что они стремятся лишь к мирному использованию атомной энергии. Однако чем объяснить сверхсекретные условия, в которых ведется строительство атомного центра?

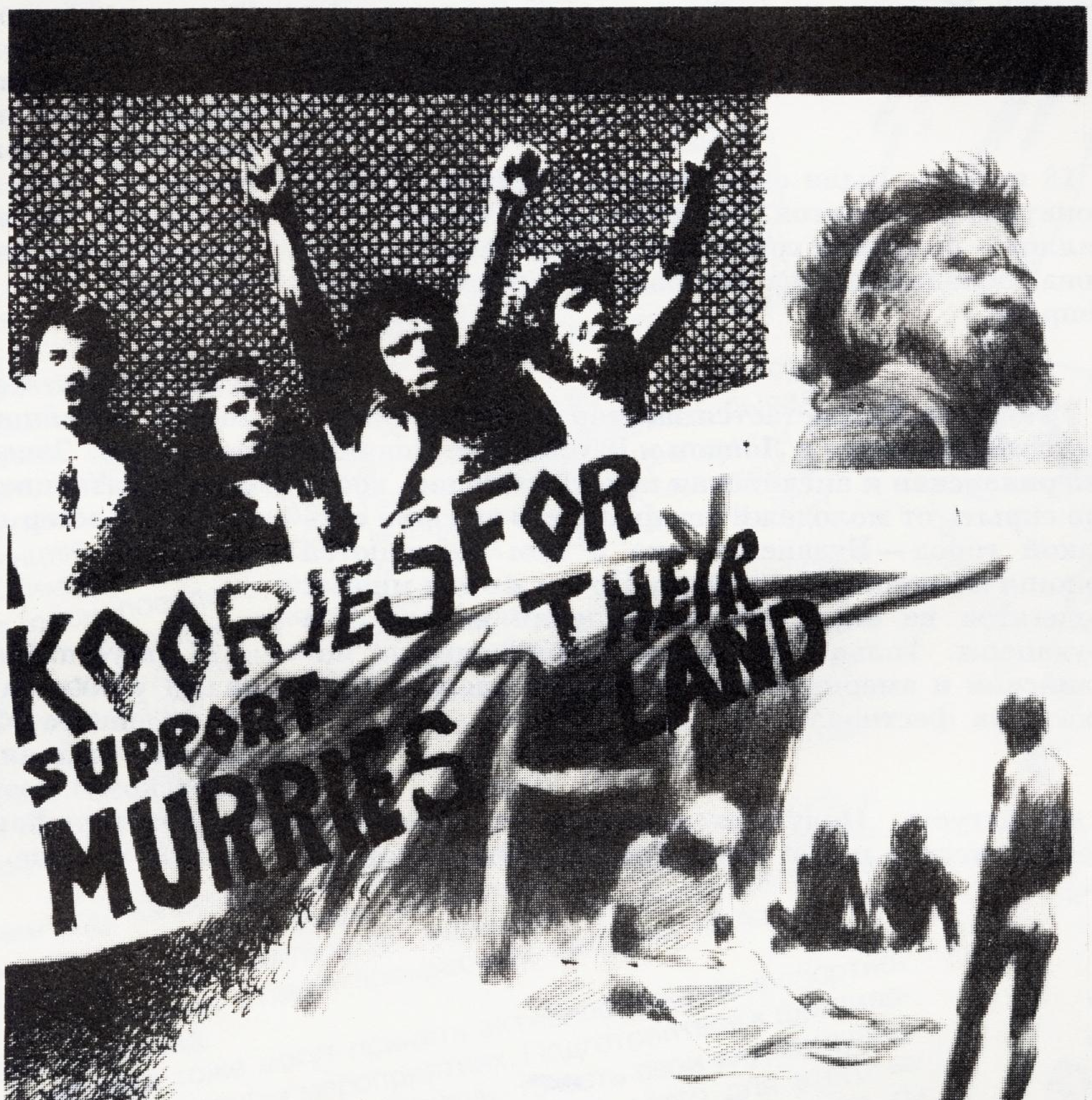
Для чего в пустыне Калахари ЮАР построила атомный испытательный полигон? Почему расисты отказываются допустить к своим объектам представителей международной организации, контролирующей использование атома в мирных целях? Для чего мирные, как утверждает ЮАР, объекты охраняются даже более тщательно, чем военные базы или резиденция премьер-министра? Наконец, почему ЮАР оказалась в числе тех немногих государств, которые отказались подписать Договор о нераспространении ядерного оружия? Эти вопросы наводят на мысль, что расисты рвутся к атомной бомбе. И долг всех людей доброй воли — не допустить их к самому страшному и разрушительному оружию.

В. МИХАЙЛОВ

ИТОГ ДВУХСОТЛЕТНЕГО РАБСТВА

Скоро в Австралии отметят 200-летие освоения континента белыми колонизаторами. Что принесли они коренному населению? — спрашивает американский журнал «Ньюсуик» и сам же отвечает: нищету, болезни, алкоголь.

Сегодня на континенте осталось лишь 200 тысяч коренных жителей. В городах они ютятся в трущобах, по сравнению с которыми Соуэто в ЮАР или гетто Гонконга выглядят зажиточными кварталами. Хотя в Австралии нет апартеида, как в ЮАР, в государственных учреждениях, магазинах и школах коренные жители всячески притесняются. Рассказывают, что в сельских районах пьяные фермеры мчатся на машинах по улицам поселков аборигенов и палят из пистолетов и ружей. Если кого-то при этом убивают, дело обходится без суда. За два столетия выходцы из Европы так и не научились уважать аборигенов, относиться к ним как к людям. В Сиднее живет человек, который украсил свою гостиную чучелом... мальчика-аборигена, как другие украшают шкурой медведя или головой носорога. Всем, кто пытался ему доказать, что это бесчеловечно, он отвечал: «Но это лучший экземпляр в моей коллекции диковинок».

Коренных австралийцев используют только на самых тяжелых, грязных и низкооплачиваемых работах. Среди них больше всего безработных.

Самое большое несчастье для аборигенов то, что белые колонизаторы завладели их землями. Земля для коренных австралийцев не только кормилица. По их поверьям, в каждой скале или в старом дереве обитает дух какого-то могучего предка. Поэтому белые как бы обокрали их дважды: физически и духовно.

Сейчас среди аборигенов ширится борьба за возвращение исконных земель. Но власти отказываются вернуть земли даже за большие деньги. Негласный австралийский расизм и здесь дает о себе знать.

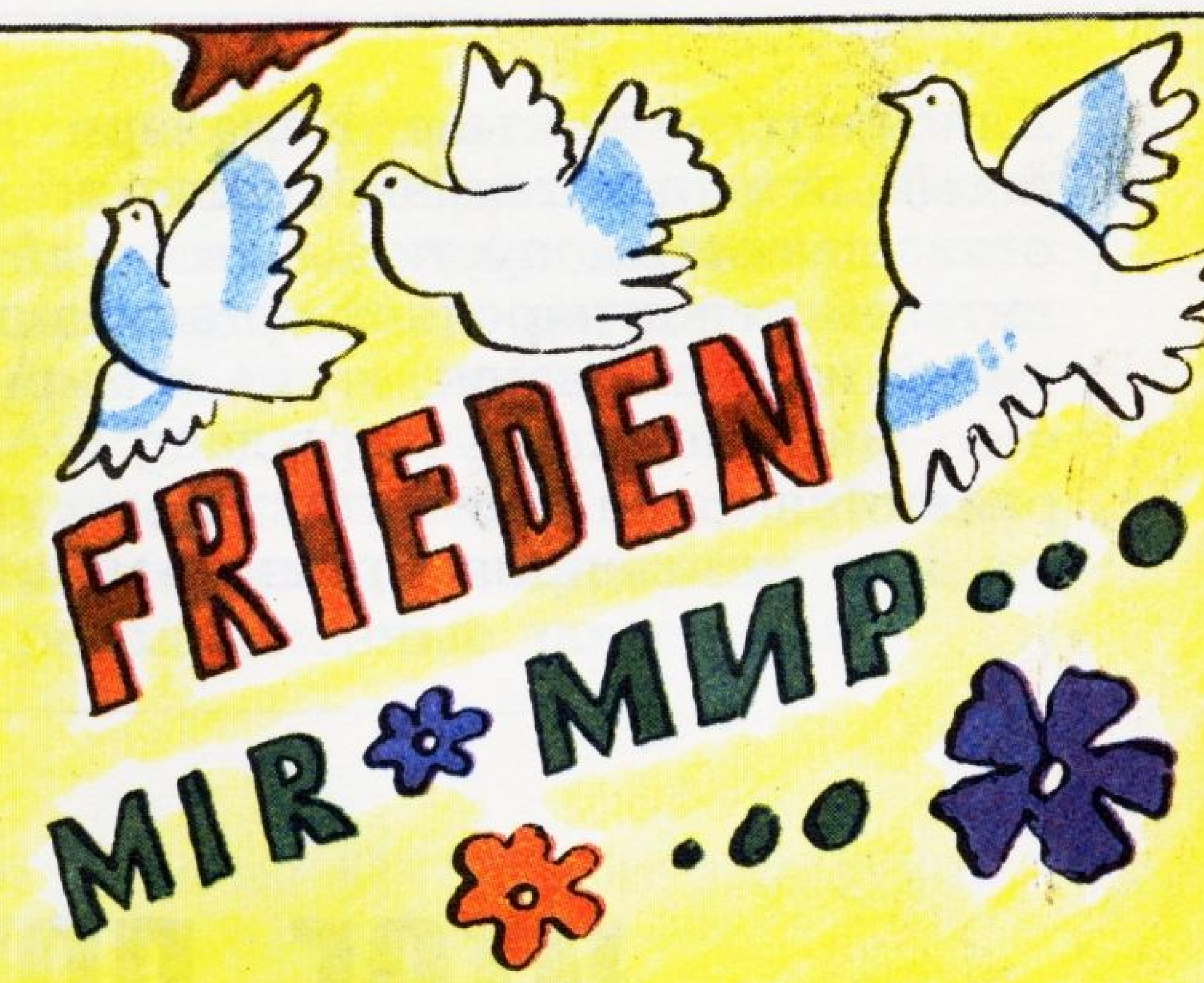
Аборигены не сдаются. В последнее время из их среды вышло много образованных, талантливых людей. Их пример разоблачает теорию колонизаторов, что по своему развитию коренные австралийцы стоят на пещерном уровне. Весь мир знает чемпионку по теннису Ивон Гулагон. Во многих театрах идут пьесы драматурга Роберта Мерритта. Затерянный в пустыне городок Папунья прославился традиционной народной живописью. Эти успехи вызывают у аборигенов чувство гордости за свой народ, помогают бороться за свои права.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

НАВСТРЕЧУ XII ВСЕМИРНОМУ

ОТ ФЕСТИВАЛЯ К ФЕСТИВАЛЮ

XII·МОСКВА·1985

Будапешт. 14—28 августа 1949 года,
II Всемирный фестиваль молодежи и студентов

16 августа. Во всех кинотеатрах Будапешта идут просмотры фильмов. Особый успех имел советский фильм «Молодая гвардия», который смотрели тысячи зрителей. После окончания сеанса они устраивали бурные овации в честь советской молодежи.

* * *

18 августа. Были оглашены результаты первого конкурса вокалисток. Максимальную оценку — 10 баллов — получила советская певица Зара Долуханова, обладательница сильного и мягкого меццо-сопрано.

* * *

22 августа. Разрастается заговор против фестиваля. Нити его ведут в Лондон и Вашингтон. Сначала американская и английская печать пыталась вообще скрыть от молодежи тот факт, что на свете есть такой город — Будапешт, что в нем собираются юноши и девушки всего мира. Потом же для многих делегатов не оказалось разрешения на выезд в Будапешт. Только немногочисленной группе английской и американской молодежи удалось приехать на фестиваль.

* * *

23 августа. Получено послание от известного негритянского певца Поля Робсона. Он пишет: «Я приветствую славный слет прогрессивной молодежи мира. Вы являетесь авангардом в борьбе за мир. Вы первые, кого жадные фабриканты вооружения хотят бросить в пасть войны. Я верю, что вы еще больше сплотитесь на вашем фестивале. В эту историческую эпоху наша задача ясна: полное уничтожение фашизма на земле и установление прочного мира и сотрудничества. Такие слеты молодежи, как ваш, помогут нам добиться победы! Примите мои лучшие пожелания. Вперед, за мир и свободу!»

* * *

24 августа. Сегодня на горе Геллерт ярко горит костер, посвященный встрече студентов и рабочей молодежи. Задолго до костра склоны горы запестрели разноцветными костюмами всех национальностей. Костер еще не загорелся, а зрители поют и танцуют...

* * *

27 августа. Состоялось вручение премий победителям конкурса на лучшую студенческую песню, объявленного Международным союзом студентов. Золотые медали и почетные дипломы присуждены советскому поэту Льву Ошанину и советскому композитору Вано Мураделе, написавшим «Студенческую песню».

АНКЕТА «ПИОНЕРА»

Впечатлениями от всемирных форумов молодежи делится сегодня Тимофей Александрович ДОКШИЦЕР, народный артист РСФСР, профессор музыкально-педагогического института имени Гнесиных, участник I, II, V и VI Всемирных фестивалей.

— Я счастливый человек. Я был участником четырех фестивалей! Впечатлений осталось множество: от необыкновенного духа братства молодежи всех стран, от ощущения сотрудничества и взаимопомощи, причастности каждого из нас к большим и важным делам. И, конечно, очень ценно профессиональное общение.

Сами по себе ярки все фестивальные зрелища. Но I Всемирный был для меня событием особенно примечательным. На фестивалях обязательно проходят международные конкурсы хореографов, музыкантов, певцов. По профессии я музыкант, трубач. И в Праге я участвовал в конкурсе духовиков. Это была первая для нас возможность показать за рубежом свое искусство, в творческом поединке сравнить свои профессиональные возможности. Нас было четверо. Я занял первое место, трое других трубачей также заняли призовые места. Так что «сравнение» прошло удачно.

Если вспоминать самое трогательное, то в памяти встает 1949 год. Мы ехали в Будапешт. Когда поезд с советской делегацией прибывал на какую-то станцию, нас встречали тысячи людей с цветами и с песнями. Пели «Гимн демократической молодежи». И мы, музыканты, высунувшись из окон поезда с инструментами, поддерживали этот многотысячный хор громкими звуками труб.

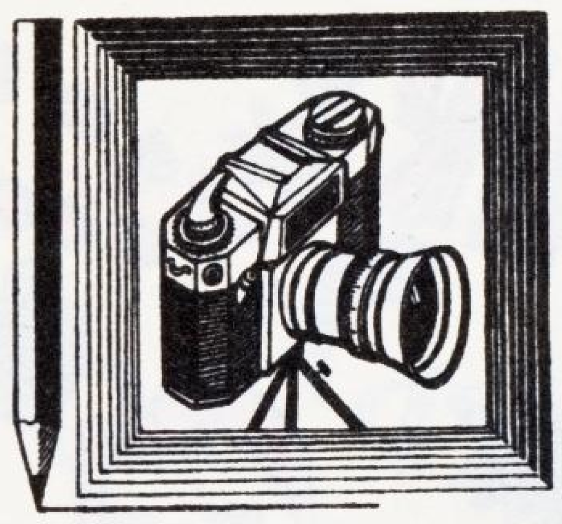
В Будапеште наша делегация жила в одном из студенческих общежитий на улице Радои. Многоэтажное здание было построено в виде буквы «П». В первое же утро в закрытом многоярусном дворе раздалось пение. Мы выглянули в окно. Во дворе стояли люди. Это были самодеятельные венгерские певческие коллективы. Они пели для нас. Такие импровизированные концерты происходили каждое утро.

С волнением жду XII Всемирный. Жду потому, что крепить дружбу и взаимопонимание молодежи в наши тревожные дни особенно важно. Думаю, фестиваль будет интересен разными профессиональными встречами. Верю, что он станет прекрасным смотром молодых сил музыкального искусства.

Убежден, что дети тоже могут принять активное участие в спортивных, художественных и других мероприятиях. Подготовиться к фестивалю — значит показать все, что ты можешь, то есть свои индивидуальные способности. И даже «изобретательства» особого для этого не надо: просто надо стараться быть лучшим в том деле, которое ты выбрал, чем занимаешься.

На фестивале будут люди разных профессий. Рабочий найдет друзей рабочих, музыкант — музыкантов. Фестиваль — это обмен опытом, это встречи, дискуссии, это возможность крепко подружиться. Тогда, на первых молодежных форумах, в нашей творческой делегации были малоизвестные люди. А сейчас их имена знает весь мир — балерины Майя Плисецкая и Раиса Стручкова, певица Вера Фирсова, композиторы Арно Бабаджанян, Карен Хачатурян.

Рисунок А. БОРИСОВА.

ТУЛА

Больше семисот лет легендарной Туле. Чего только не было в ее истории. Но, наверное, главное в летописи этого города — его мастеровые люди, их чудесное умение. И про тульский самовар все знают, и про то, как тульский Левша блоху подковал, помнят. Но первые мастера в Туле всегда были и есть — оружейники. Еще Петр I приказал поставить в городе государственный оружейный завод. С тех пор и растет слава туляков. И в Отечественную войну 1812 года грозно сверкали на полях сражений сабли тульской работы, и в гражданскую войну тульская винтовка служила верно бойцам Красной Армии. И в Великую Отечественную войну тульское оружие помогало Советской Армии ковать Победу.

Пришлось в 1941-м тулякам и самим взять в руки свое оружие, чтобы защитить город мастеров, а вместе с ним — и дорогу к Москве.

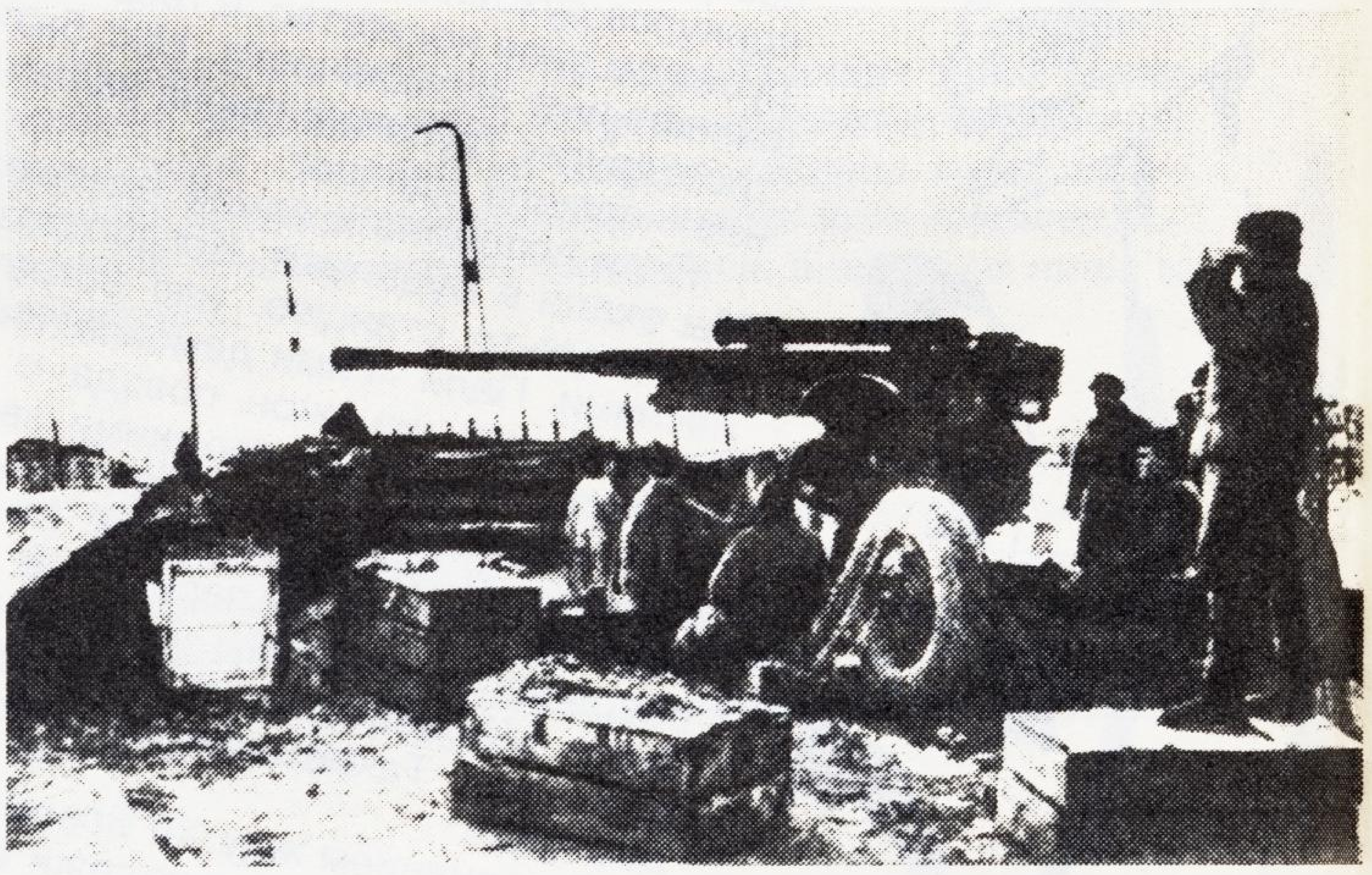
С середины октября город готовился к обороне. А в это время с юга двигалась на Тулу мощная танковая группа гитлеровцев. 25 октября в городе было объявлено осадное положение, а 27 октября Тульский рабочий полк занял боевые позиции на южной окраине города. 30 октября началось сражение за Тулу. На помощь защитникам города подошли войска 50-й армии.

Сорок пять суток войска Советской Армии вместе с туляками сдерживали натиск врага. А в начале декабря перешли в контрнаступление. В начале января 42-го была освобождена почти вся Тульская область.

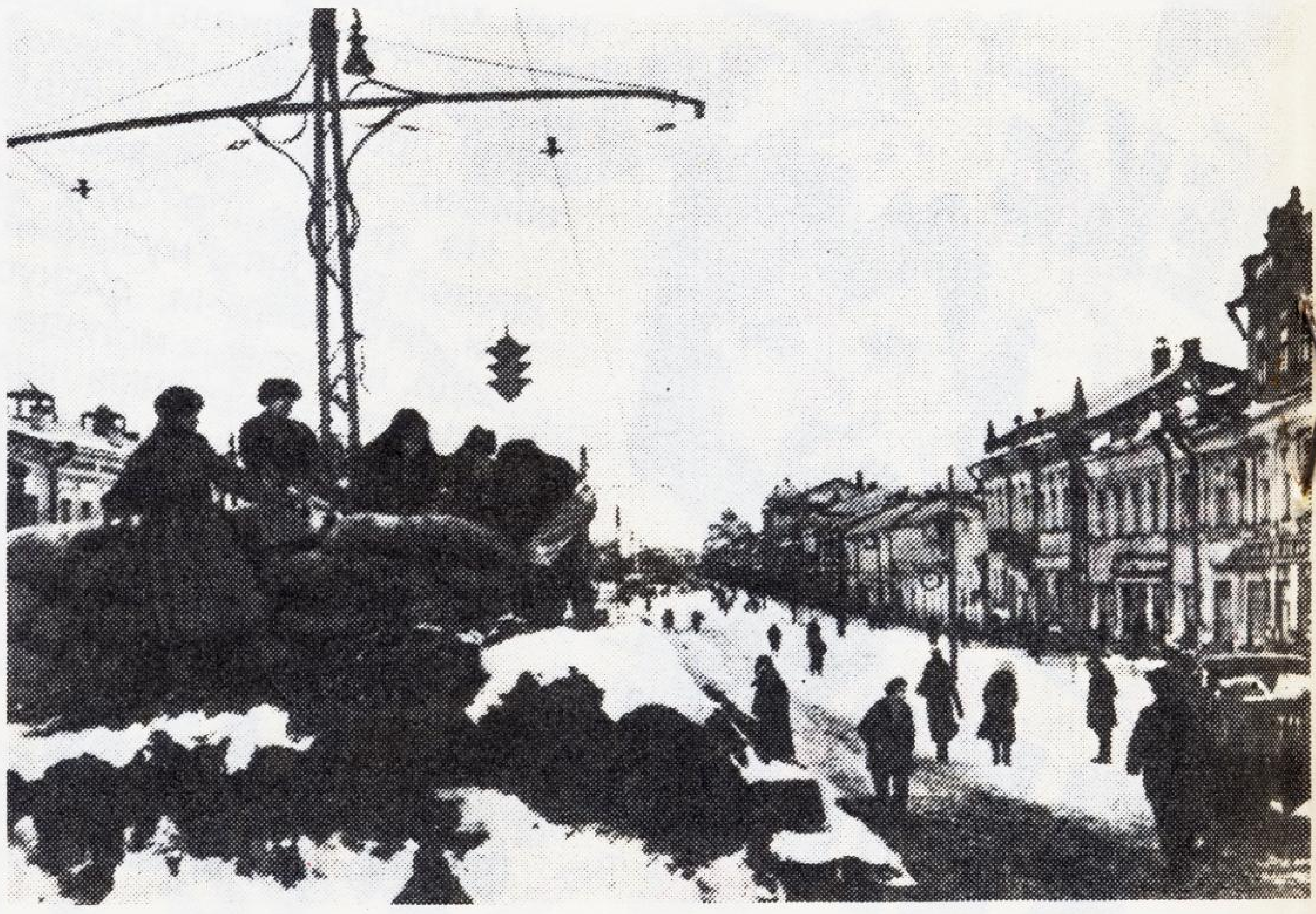
И полной мерой поняли бойцы Советской Армии, все туляки, какое зло несут людям фашизм и война, когда увидели разрушенным и оскверненным место поклонения одному из гениев человечества — Льву Толстому — усадьбу «Ясная Поляна». Она будет восстановлена усилиями многих советских людей, но уже в мирные годы. Время войны требовало иных усилий. И тульские мастера вновь встали к станкам, вновь взяли в руки инструмент, чтобы делать грозное оружие Победы.

Фотографии В. ЧЕЙШВИЛИ.

На тульских улицах вырастали баррикады, вставали артиллерийские орудия. Город встретил врага во всеоружии. И враг не прошел.

Слава прошлого осеняет наш сегодняшний день. Память о прошлом делает нас лучше и чище. Славное прошлое города оружейников живет в его настоящем. И нынешние подростки, слушая рассказы о боевых подвигах своих дедов, стремятся в мирной жизни быть достойными этих подвигов.

Н. СОЛОМКО

ПОЖАРНЫЙ КРАН №1

ПОВЕСТЬ*

Рисунки А. АЗЕМШИ.

...Аня Елькина пропала за полчаса до начала первой елки. Бесследно. Только пальто, шапка и шарфик остались на вешалке...

Случилось это так: Мотя дал ей графин и скомандовал:

— Анька, сбегай за водой!

И, хотя Анька терпеть не могла, чтоб ею командовали, она послушалась: толстый, добродушный Мотя был сегодня дежурным режиссером и командовать, стало быть, имел право. Она взяла графин, выскочила в коридор — и с этой минуты больше никто не видел ни Аньки, ни графина...

Меж тем в зале уже собрались зрители и изо всех сил хлопали в ладоши, требуя, чтоб артисты поскорей начинали.

А как тут начнешь, если Бабу Ягу играть некому?

Михаил Павлович и Кузя

Видно, такой уж невезучий выдался день: неприятности начали преследовать всех с самого утра. Например, Михаил Павлович Еремушкин поссорился с Кузей и очень это переживал.

Поскольку повесть наша только-только началась и вы еще ни с кем не знакомы, надо объяснить, кто есть кто.

Михаил Павлович раньше был актером, а теперь работает режиссером пионерского театра «Глобус».

Роста Михаил Павлович богатырского, он похож на Илью Муромца, только без бороды и усов. Зато брови у него, как и положено, седые, мохнатые. Иногда он очень грозно хмурит их. Тогда юные актеры испуганно втягивают головы в плечи, виновато глядят в пол. Незнакомому человеку может показаться, что Михаил Павлович сердится, а юные актеры его боятся. На самом деле Михаил Павлович только делает вид, что сердится.

Теперь о Кузе. Вообще-то его зовут Алешей, а Кузей прозвала в детстве Машенька, Кузина бабушка. Давно это было...

С тех пор, как Машенька умерла, дед и внук остались на свете одни-одинешеньки. Когда-то были у Кузи папа и мама, да вдруг исчезли. Это тоже было очень давно. Кузя был совсем маленький, плакал и требовал, чтоб они вернулись.

— Где они?! — ревел Кузя.— Куда вы их спрятали?

Машенька молчала и уходила на кухню плакать. А дед принимался бродить по квартире и свистеть. Свистел он всегда одно и то же:

Гори, гори, моя звезда...

Потом Кузя вырос и спрашивать о родителях перестал. Наверное, забыл о них. Но песню «Гори, гори, моя звезда» он и сейчас терпеть не может.

Кузя высокий, почти догнал в росте своего могучего деда. У него румяное, круглое лицо и на верхней губе уже пробиваются усы, которыми Кузя втайне гордится. Кузя — великий, между прочим, изобретатель. Пока он был малышом, то всем говорил, что пойдет в артисты, как дед. Но однажды, бродя по бесконечным коридорам Дома пионеров, он заглянул в комнату, где вкусно пахло железом, и замер... Два человека стояли там у окна. Одного из них Кузя знал, он часто угощал Кузю конфетами, а другого видел впервые: человек тот был железный. Кузин знакомый едва доставал железному до плеча, но бесстрашно копался у него в животе.

— А это кто? — настороженно поинтересовался Кузя, размышляя, не дать ли деру.

— Сейчас узнаешь,— ответил Кузин знакомый, захлопнул на животе у железного дверцу, напоминающую печную заслонку, и щелкнул каким-то рычажком.

Глаза железного вспыхнули рубиновым огнем, он

* Повесть печатается в сокращении.

шагнул к обомлевшему Кузе, протянул железную руку и проскрежетал:

— Я робот. Рад с тобой познакомиться!

С этой минуты Кузя был потерян для театра раз и навсегда, потому что понял: нет на свете ничего интереснее железных людей, которые называются роботы...

С той поры Кузя и пропадал в кружке радиоэлектроники с утра до вечера, изобретал. И чего только он не наизобретал: электронную кошку для ловли электронных мышей, дверь, открывающуюся на голоса хозяев, говорящий скелет на колесиках...

Но полгода назад Кузя вдруг потерял к этим игрушкам интерес, аккуратно разобрал их по винтикам, а потом лег на диван и задумался. На вопрос деда, что он изобретает теперь, Кузя хмуро ответил, что изобретает Машину, которая будет управлять человечеством.

Из-за этой Машины они сегодня и поссорились.

Машина

Если быть точным, ссориться дед и внук начали еще вчера вечером. Между прочим, Аня Елькина принимала в этой ссоре деятельное участие: бросала в Кузю тапкой и обзывала его дураком...

Тут надо сразу объяснить и про Аньку: на время каникул она переехала жить к Еремушкиным. Дело в том, что Анькина мама лежала в больнице, а жить с отчимом Анька ни за что не хотела.

— Он тебя обижает? — расстроился Михаил Павлович.

— Ничего он меня не обижает! — буркнула Анька.— Он добрый. Но я его все равно не люблю!

А почему не любит, поди добейся от нее. Позвонил Михаил Павлович в больницу Анькиной маме, но и она объяснить ничего не смогла.

— Извела меня совсем...— жаловалась мама.— Уж мы с ней и так и эдак... Молчит и смотрит исподлобья. Муж с ней ласково: «Аня, пойдем в кино». А она зыркнет и запрется в комнате... Мне же волноваться нельзя, у меня скоро маленький будет... Упрямая она, хоть кол на голове теши! — Анькина мама заплакала.— И что из нее вырастет?..

И вот теперь Анька жила у Еремушкиных и отравляла Кузе жизнь: все время Кузю задирала и все, ну, просто все делала ему поперек. Маленькая, а вредная! Да еще и дед за нее все время заступается!

Вечером у Кузи было такое замечательное настроение: назавтра он собирался в лес. Этого дня Кузя ждал с начала каникул: там будет Катя! Настроение у него уже с вечера было торжественное и испуганное, потому что он еще в конце четверти решил, что в лесу он наконец Кате все скажет...

Конечно, не надо было заводить этот разговор о Машине, тем более при Аньке. Давно известно, что деду эта Кузина идея не нравится, а тут еще настырная девчонка все время влезала, хотя ее никто не спрашивал. Да и что эта малышня понимает!

К сожалению, не понимал Кузю и дед. Не хотел понимать! Слушал и вовсе не притворно хмурил брови. Ему, видите ли, не нравилось, что Машина будет управлять людьми.

— Люди! — рассердился Кузя.— Да кто они такие, эти твои люди?!

Сам Кузя с некоторых пор относился к людям насмешливо.

— Они глупые! — сердито сказал он.— Они всегда во всем ошибаются, неужели ты этого никогда не замечал?

— Замечал,— вздохнул Михаил Павлович.— Но на ошибках они учатся...

— Только выучиться никак не могут! Наделают глупостей, а потом начинают страдать и плакать: ах, мы думали, что этот человек хороший, а он оказался плохим! Ах, мы думали, что все будет замечательно, а вышло отвратительно! А кто виноват? Нет, чтоб взять и просчитать варианты, как в шахматах! Чтоб не ошибаться. Но именно этого они и не умеют, дед! И, ты обратил внимание, не хотят! Зато все время что-нибудь ЧУВСТВУЮТ! Кому теперь нужны эти чувства?

— Глупый ты...— покачал головой Михаил Павлович.— Глупый и маленький. Знаешь, что я думаю: не пора ли тебе влюбиться?

Тут Кузя смешался, уставился в стенку и спросил сердито:

— Это еще зачем?!

— А чтоб поумнеть маленько.

Анька неодобрительно фыркнула: она считала, что главное — это настоящая мужская дружба, а всякая там любовь — это глупости. Да, вот именно: девчачьи глупости! Но она, конечно, промолчала, чтоб не оказаться заодно с Кузей, которого она терпеть не могла.

— Дед, я с тобой серьезно, а ты про ерунду! — строго сказал Кузя и принялся объяснять Михаилу Павловичу, что в наше время без машин никуда. Машины — это главное! Умные, точные, надежные машины, которые не ЧУВСТВУЮТ, а СЧИТАЮТ ВАРИАНТЫ! Великие машины, на которых все можно запрограммировать!

— Так уж и все? — спросил Михаил Павлович.— А деревья? А небо?

— Романтик ты, дед! — хмыкнул Кузя.— Но если хочешь, можно и это.

А Анька сидела и качалась на табуретке, исподлобья глядя на Кузю.

— И человека можно? — прищурилась она.

— Проще пареной репы! — засмеялся Кузя.— Особенно такого примитивного, как ты!

Но Анька почему-то даже не огрызнулась. Она долго думала, а потом спросила тихо:

— А душа?

— Ну и ну! — возмущенно развел руками Кузя.— Чему вас в школе учат? Нет никакой души!

— Есть! — сжав кулаки, сказала Анька.— А ты дурак, ясно?

Кузя осерчал:

— Детское время кончилось! Спать!

Анька встала, вышла в коридор и запустила оттуда в Кузю тапкой.

Ох как Кузя разозлился! Но сдержался и продолжал разговор. Ему было необходимо убедить деда в своей правоте, и он решил все объяснить ему на простом примере.

— Вот послушай меня,— решительно произнес он, запирая дверь на задвижку, чтоб вредная девчонка не пожаловала обратно.— Например, сейчас изо всех сил охраняют природу. Ну, по радио и по телеку об этом все время говорят и в газетах пишут. Допустим, с человеческой точки зрения это все вполне правильно: ну, рыба там в речках дохнет, потому что вода грязная, деревья погибают, в городе дышать нечем. Очень людям всего этого жалко, просто рыдать готовы! А чего жалеть? Лучше взять да сосчитать спокойно, что выгодней.

Человек этого не может, у него ЧУВСТВА! А моя Машина сосчитала бы моментально! И выдала бы разумный совет: «Да бросьте вы этот мартышкин труд, не жалейте ничего. В сто тридцать семь раз выгодней использовать тут все до конца, а потом переселиться на другую планету!» И при этом еще и точный расчет-прогноз: планету, годную для переселения, откроют в таком-то году, ракетная техника для осуществления переселения разовьется к такому-то году! И все дела, дед!

— А если она не разовьется, что делать будем? — грустно поинтересовался Еремушкин.

— Раз Машина сосчитала, значит,разовьется, не бойся. Машина не ошибается, это тебе не человек!

— Тьфу на тебя! — сказал тут Михаил Павлович Еремушкин.— Землю-то нашу тебе не жалко?

И перестал с Кузей разговаривать.

Сергей Борисович Ноль-Два

Во всех странных и удивительных (а также во всех не очень странных и не очень удивительных) событиях этого дня пришлось принять участие и директору Дома пионеров.

Честно говоря, участвовать в них ему не очень хотелось. И еще меньше хотелось, чтоб он в них участвовал, всем остальным героям нашей повести. Дело тут вот в чем: Сергей Борисович был пристрастен к тишине и дисциплине, а многочисленные обитатели Дома пионеров были как раз склонны к нарушению и того, и другого. Директор делал им замечания, а они не слушались и продолжали нарушать... В общем, отношения не складывались, и Сергей Борисович, пожалуй, уже отчаялся и не верил, что они сложатся. Глядя на шумных подопечных, он только скорбно махал рукой и говорил:

— Нет, педагогика здесь бессильна, нужно вызывать милицию!

Весь Дом пионеров знал, что в детстве директор мечтал стать следователем. Но ему не разрешила мама...

Надо сказать, что и для Сергея Борисовича день начался не очень удачно: идя по коридору Дома пионеров, он услышал за дверью пионерского театра «Глобус» странное шипение, переходящее в гул и свист. Не приходилось сомневаться, что там, за дверью, происходит очередное безобразие.

Яша Айрапетян и скверная К°

И он оказался прав. Заглянув в репетиционную комнату пионерского театра, Сергей Борисович увидел ужасное! Сохраним пока в тайне, что именно. Потому что опять же необходимо кое-что разъяснить...

В комнате обнаружены были директором Аня Елькина и Вася Балабанов, известные безобразники. Удивляло отсутствие Вовы Гусева, эта троица всегда держалась вместе. Со скорбным недоумением директор отметил присутствие в этой компании примерного мальчика Айрапетяна.

Яша Айрапетян занимался в кружке ракетостроения и, между прочим, был там самым способным. Ах, какие прекрасные космические корабли он строил! Но месяц назад Айрапетян вдруг забросил ракетостроение и перешел в пионерский театр.

Вот теперь, пожалуй, пора сказать, что увидел директор, распахнув дверь репетиционной: он увидел, как космический корабль Айрапетяна (та самая замечательная последняя модель, которую в ближайшее время собирались отправить на ВДНХ) с гулом и свистом вылетел в распахнутое настежь окно и унесся к звездам...

Дом на берегу моря

Пока возмущенный Сергей Борисович влечет безобразников в кабинет к режиссеру Еремушкину, надо рассказать о скверной компании кое-что еще. Балабанчик, Анька и Вовка дружили с первого класса. И уже тогда они твердо решили, что никогда ни в кого не влюбятся: им и так хорошо! «Ну ее, любовь эту, будем втроем!» — поддержал Балабанчик.

А когда они вырастут, у них будет дом на берегу моря. А еще они заведут лошадь и собаку и построят корабль для Балабанчика. Вот какая прекрасная у них будет жизнь, когда они вырастут, главное — не влюбляться! «Уговор дороже денег!» — строго сказала тогда Анька. «Якорь мне в глотку и сто акул в бок!» — поклялся будущий капитан. А Вовка, который сильно заикался и потому в разговорах был краток, взволнованно крикнул, ударив себя кулаком в грудь: «Мо-мо-могила!» Это означало, что он не расстанется с друзьями до самой смерти.

Произошло это четыре года назад, а теперь некоторые (не будем их называть), кажется, о чем-то жалели и, может быть, даже собирались нарушить ту страшную клятву!

Общий сбор

Да, именно в этой главе все главные герои на несколько минут собрались вместе, еще и не представляя, что их ожидает впереди. Михаил Павлович сидел у себя и пролистывал рабочий блокнот, а в углу Кузя натирал свои лыжи, оба молчали и будто бы не обращали друг на друга внимания. В этот миг дверь распахнулась, директор пропустил безобразников вперед, потом вошел сам и заявил возмущенно:

— Я требую принять меры!

— Михаил Павлович, это я виновата! — сразу сказала Анька.

— Никто в этом и не сомневается! — Сергей Борисович сердито взглянул на нее, покачал головой: эта девочка и на девочку-то была не похожа: руки в карманах джинсов с заплаткой на колене, одета в старую лыжную куртку и огромные унты.

— Аня,— крикнул Айрапетян, и глаза его засверкали,— ни в чем не виновата! Я сам!..

Сергей Борисович вспомнил, что нельзя взрослым выяснять отношения при детях, и велел всем выйти в коридор. Впрочем, в коридоре было тоже отлично слышно.

— Вот плоды вашего воспитания! С каким бы удовольствием я вас уволил, товарищ Еремушкин! — неожиданно спокойно и даже как-то мечта-

тельно произнес директор.— Вы даже представить себе не можете...

— Ну отчего же,— запротестовал Еремушкин,— могу.

— Чего вы там опять натворили? — спросил Кузя, а Анька ответила:

— Много будешь знать, скоро состаришься!

— Гляди, Анька, лопнет мое терпение! — покачал Кузя головой.— Плакать будешь!

— Ты сам вперед заплачешь! — дерзко ответила Анька.

— Поглядим! — пообещал Кузя зловеще и ушел, посвистывая.

В эту минуту в комнате затрезвонил телефон. Еремушкин поднял трубку.

— Это говорит мама Вовы Гусева! — сообщил сердитый женский голос.— Вова сегодня на елку не придет, он наказан! Пока он в этот ваш театр не ходил, он вел себя лучше, вот что я вам скажу. Такой послушный был мальчик, а теперь не ребенок, а наказание!..

— Видите ли, уважаемая, так нельзя...— вздохнул Михаил Павлович.— Ваш сын посещает не кружок кройки и шитья, он занят в спектакле. А актер имеет право не явиться на спектакль только в одном случае: если он умер. Иначе он подведет своих товарищей!

— Все равно не пущу! — сказала мама и бросила трубку, а Еремушкин вздохнул и полез в карман за валидолом. У него было плохое сердце, оно начинало болеть, стоило хоть чуть поволноваться.

— Ох, Михаил Павлович,— неодобрительно покачал головой директор.— Ну стоит ли каждый пустяк принимать так близко к сердцу, оно ведь у вас не железное! Надо себя беречь, товарищ Еремушкин, два инфаркта — это не шутки!

— Вы полагаете? — с печальной усмешкой сказал Михаил Павлович.

Про папу

— Что такое инфаркт? — настороженным шепотом спросила Анька. Слово это показалось ей знакомым, и отчего-то стало тоскливо на душе.

— Трещина в сердце,— объяснил Айрапетян.— У моей бабушки тоже был инфаркт. Только один пока...

— А всего их сколько?

— Три.

— А потом?..— испуганно заглянула Анька Айрапетяну в глаза.

— Ну...— вздохнул он.— Потом умирают...

И Анька вспомнила, откуда она знает это слово: папа умер... Лежал с закрытыми глазами на диване и молчал. А мама стояла у окна и плакала. А Анька не плакала: она сразу догадалась, что это не папа лежит, это ненастоящий кто-то, очень на папу похожий, но не живой.

В доме ходили на цыпочках и говорили: папа умер...

А как это умер? Где он?..

Но никто Аньке не мог этого объяснить, а в комнатах пахло праздником Новым годом, хотя до него было еще далеко... Потом того, ненастоящего, положили в длинный деревянный ящик, обитый черной материей, и с музыкой понесли по улицам. Была осень, серый, скучный день. Небо висело прямо над крышами, и из него падал первый снег, он несся тяжелыми липкими хлопьями — на деревья, на дорогу, на плечи и лица — и сразу таял. Только у ненастоящего в черном ящике все лицо было в снегу.

На кладбище уже выкопали яму — желтую, глубокую. Анька подошла к краю и заглянула: на дне стояла лужа. «Девочка, подойди и поцелуй папу!» — велел Аньке незнакомый дядька с черной повязкой на рукаве и подтолкнул к черному ящику. Наверно, он был тут начальником: все время командовал, кому что делать. «Это не папа!» — сердито ответила Анька и стояла, смотрела, как ящик заколотили и стали спускать вниз, в лужу. А снег все шел. Пришли еще три дядьки с лопатами и быстро закидали яму желтой мокрой глиной. «Родственники, кладите венки!» — скомандовал начальник. Грязный желтый холм пропал под еловыми ветками. Из веток выглядывал папа...

Мама и соседка бабушка Егорьевна плакали, остальные стояли с печальными лицами и молчали, а папа весело улыбался Аньке среди веток...

И больше Анька папу никогда не видела.

Нет, не хотела она, чтоб и Михаил Павлович пропал вот так же!

Чужие несчастья

— Всем переодеваться, скоро начало! — скомандовал Мотя, а Анька спряталась в репетиционной за диваном. Сидит на полу и думает, как спасти Михаила Павловича. Мысли у Аньки скачут, вовсе пропадают из головы. Так всегда бывает, когда очень надо додуматься до самого главного.

«Инфаркт — это трещина в сердце... А Вовка на елку все равно придет...— скачут Анькины мысли, Анька сжимает голову руками, и думать становится немножко легче.— Всего их бывает три, а потом... Нет, про это думать не буду! Отчего они бывают, инфаркты?..»

Но этого Анька не знает. И спросить не у кого.

«Все уже переодеваться пошли, опоздаю...— Это опять мысли скачут.— А сердце не железное... Трещина... СТОП! — Анька замирает.— Как это он сказал?.. Что-то такое про «близко к сердцу»!..» — Анька сидит зажмурившись, напряженно морщит лоб и нос: надо вспомнить, как директор сказал Михаилу Павловичу...

«НЕ ПРИНИМАЙТЕ ВСЕ НЕСЧАСТЬЯ БЛИЗКО К СЕРДЦУ!» — вот как он сказал! В голове у Аньки будто лампочка зажглась — так вдруг все стало понятно: Михаилу Павловичу, наверно, кажется, чужих несчастий не бывает, все его...

«Неправильно это! — сердито думает Анька.— Потому что сердце-то и вправду не железное! Трудно ему, наверно, больно? А эти чужие несчастья нападают на него, как пиявки. Да, наверняка они похожи на пиявок: черные, противные... И с большими кривыми зубами. Как вцепятся в сердце! — Анька ежится.— Правильно директор сказал: нельзя их близко к сердцу... Видно, они так устроены: тех, кто проходит себе мимо, не обращая на них внимания, они и не трогают, понимают, что бесполезно. А как почуют, что человек добрый, так и кидаются всей кучей!»

Несправедливо это. Неправильно! Что же делать?..

Анька сидит на полу за диваном и думает, думает...

А ЕСЛИ НАПОПОЛАМ?! Если Анька тоже будет — все несчастья близко к сердцу?.. Тогда Михаилу Павловичу наполовину меньше останется, вот что!

Она представляет себе черные зубастые чужие несчастья, которые только и ждут... Больно, наверно, будет...

А Михаилу Павловичу не больно?!

Сверчок смеется

Анька вбежала в переодевалку. Все давным-давно уже там, но никто еще и не думал переодеваться: кричат, волнуются.

— Второй инфаркт, ясно?! — кричит за перегородкой Балабанчик.— Мы с Айрапетяном своими ушами слыхали!

— Тише вы! — требует Мотя.— Вы не орите, вы думайте, что теперь делать!

Возвращается Верочка, она бегала звонить папе, он у Верочки врач.

— Ну, что он говорит?!

— Он говорит: никаких волнений! И побольше положительных эмоций...

— Это как? — спросил первоклассник Валерик Овечкин.

— Ну, ему надо больше радоваться, вот как.

— С нами порадуешься...— уныло отозвался Балабанчик.

— Это точно...— печально согласились юные актеры, стало тихо-тихо. Как на контрольной. Все думали.

В этой напряженной тишине Валерик Овечкин робко поднял руку. Сначала никто этого не заметил, потом Мотя спросил:

— Чего тебе?

— Я придумал...— неуверенно сообщил Валерик.— Давайте, пока Михаил Павлович не выздоровел, будем хорошо себя вести, тогда он волноваться и не будет....

Юные актеры потрясенно замолчали. Все, оказывается, так просто. Удивительно, что никто, кроме тихони первоклассника, не додумался!

И вот решено единогласно: с этой минуты и до той поры, пока у Михаила Павловича не выздоровеет сердце, они будут самыми примерными и дисциплинированными детьми! Чтоб Михаил Павлович смотрел на них и радовался. Ему сейчас очень полезно радоваться.

Поскольку в комнате тихо, то ехидный смешок, который донесся неизвестно откуда, кажется, с потолка, всем был прекрасно слышен...

— Он не верит!..— обиделся малыш Овечкин.— Смеется...

— Умеет Карлуша испортить настроение! — Мотя вздохнул.

Чтобы разговор этот не показался странным, надо знать, что в Доме пионеров живет сверчок Карл Иванович.

Принято думать, что сверчки — существа тихие и застенчивые. Увы, Карл Иванович не таков. Характер у него прескверный. Сверчок сварлив и ехиден. Просто удивительно, что обитатели Дома пионеров его все-таки очень любят...

Где Анька? Где графин?

— Анька, сбегай за водой! — скомандовал тут Мотя.

Анька взяла графин, выскочила в коридор — и как сквозь землю провалилась... И если где графин, выяснилось довольно скоро, то на вопрос, где Анька, ответа не было... Бегали, кричали, искали...

А в зале зрители хлопали в ладоши... В общем, елка срывалась...

Признаться, такое ужасное ЧП в пионерском театре «Глобус» произошло впервые. Уж кто-кто, а юные актеры твердо знали: я имею право не прийти на спектакль только в одном случае — если я умер. Иначе я подведу своих товарищей! Потому-то всем и было не по себе... Ясно, что Дом пионеров не дикие джунгли, но ясно и другое: что-то с Анькой случилось... Наверняка плохое. В конце концов разве только в джунглях может случиться с человеком плохое?

— Надо Михаилу Павловичу сказать! — решил наконец встревоженный Мотя, но у двери твердо встал Балабанчик:

— Мы полчаса назад что решили?! Хочешь, чтоб он волноваться начал, да?

Этого Мотя не хотел. Но если елка сорвется, Михаил Павлович все равно узнает...

Что же делать, что?..

Умный первоклассник Валерик Овечкин поднял руку.

— А пусть за Аню сыграет Вася Балабанов. Помните, на репетиции он Аню передразнивал? Так похоже получалось! Аня еще его по голове стукнула за это, помните?..

Через три минуты Балабанчик, одетый в Анькин костюм, стоял в кулисах и трепетал.

— С ума сошли? — бурчал он.— Я ж не репетировал ни разика...

— К началу! — громовым голосом крикнул Мотя.— Все, кто свободен, ищите Аньку! По местам!

Бедолага Балабанчик нацепил седые мохнатые брови и крючковатый нос и, путаясь в юбке, обреченно побрел к ступе.

Мотя зажмурился и дрожащей рукой нажал красную кнопку. Занавес медленно поехал в стороны.

— Ни пуха...— начал Мотя, открыв глаза, да так и замер, потрясенный тем, что увидел: сцена изображала зимний лес, а посреди леса лежали и красиво блестели в свете софитов осколки чего-то стеклянного...

Даже невооруженному взгляду было ясно, что это бывший графин...

Василий Балабанов в роли Бабы Яги

Оркестр заиграл громко и весело. Зрители притихли. Меж тем сцена по-прежнему оставалась пустой. Наконец из первой кулисы явно насильственно выпихнули Бабу Ягу.

Михаил Павлович, сидевший в зале, с удивлением, но без труда признал в ней Василия Балабанова и немного встревожился...

Некоторое время Баба Яга затравленно озиралась и пятилась в кулисы. Но всемогущая рука дежурного режиссера выпихивала ее обратно. Наконец, поняв, что отступать поздно и некуда, злая старуха гикнула, свистнула и лихо поскакала в ступе к авансцене. Там, не сумев вовремя затормозить, она с грохотом свалилась в оркестровую яму... Музыка, естественно, смешалась, а юные зрители восторженно захлопали в ладоши.

Баба Яга вылезла из оркестровки и, потирая правую коленку, потребовала:

— Ступу верните!

В ответ из оркестровки донесся рыдающий стон: юные музыканты хохотали, побросав инструменты...

Между прочим, Балабанчику весело не было! Балабанчик был зол и несчастен.

«Безобразие! — подумал он с отчаянием.— Надо взять себя в руки! Я актер или я просто так?!»

И Балабанчик заиграл!

Михаил Павлович сидел в последнем ряду и с интересом наблюдал, как он превращается в Аньку; вот уже нет походки вразвалочку — легко, летяще,

ну совсем как Анька, носится он по сцене... И голос у него стал вдруг звонкий, Анькин...

«Ну, фокусник! — усмехнулся Михаил Павлович.— Ну, артист!»

Вова Гусев отправляется на елку

Да, пожалуй, пора вспомнить и о бедном наказанном Вовке! Мама заперла его на ключ, а одежду унесла к соседям, думала, это Вовку остановит. Между прочим, напрасно она так думала! Не такой Вовка человек, чтобы подвести товарищей.

Вообще-то сегодня не Вовкина очередь играть Змея Горыныча, но у другого Змея Горыныча, ну, у того, чья сегодня очередь, на час талончик к зубному врачу. Вот Вовка и обещал сыграть за него вторую елку. Поэтому теперь он с решительным лицом стоит на подоконнике и собирается духом. На Вовке папин тулуп, папины валенки с калошами и огромный рыжий треух. В этой одежде папа ходит на рыбалку...

Вовка смотрит вниз и думает: «Хорошо, что я живу на втором этаже, а не, допустим, на пятом!»

С этим надо согласиться: все-таки с пятого этажа спускаться по водосточной трубе немножко страшно... Да, честно говоря, и со второго тоже. Труба гладкая, скользкая. «Ничего,— успокаивает себя Вовка,— внизу вон какой сугроб...»

Дома вечером будет скандал, нечего и сомневаться. А что делать? Не может Вовка Гусев не явиться на спектакль! И если некоторые этого не понимают, запирают на ключ и одежду прячут, то пусть им будет хуже! Ну, пора...

Вовка сосчитал до трех и шагнул к трубе...

Он повис над улицей, крепко обхватив холодное железо руками и коленками. «Теперь только вниз съехать...» — подумал Вовка с облегчением.

Но съехать не удалось: труба не выдержала Вовкиной тяжести и грохнулась в сугроб... Сугроб был толстый, мягкий — труба совсем не пострадала при падении...

К сожалению, Вовке повезло меньше: он-то грохнулся не в сугроб, а на трубу и пребольно ударился коленом...

Третий лишний

— Спрячься где-нибудь! — велел Балабанчику Мотя.— Чтоб Михаил Павлович тебя в Анькином костюме не увидел!

Балабанчик ушел в дальний коридор, где был свален старый реквизит, и забрался в бутафорскую беседку, увитую плющом, тоже бутафорским. Там было сумрачно, тихо, никто не мешал Балабанчику размышлять. Он сидел и обижался на Аньку: друг, называется! Пропала и даже ни слова не сказала. Могла бы и предупредить!..

Больше он ни о чем подумать не успел, потому что в коридоре раздались шаги, а потом и голоса... Голосов было два. Причем один из них Балабанчик просто терпеть не мог, а от другого у него почему-то замирало сердце...

— А завтра вечером? — умоляюще сказал голос, который Балабанчик терпеть не мог.— Тоже не можешь?

— Завтра?.. Могу... Только пока не знаю, захочется ли мне идти с тобой на каток...

Балабанчик сидел в своей беседке тихо-тихо, только сердце у него в груди грохотало на весь Дом пионеров. Но те двое, занятые своим разговором, не слышали Балабанчикова сердца.

— А что будет,— с запинкой пробормотал голос, который Балабанчик терпеть не мог,— если я тебя сейчас поцелую...

— Не знаю... — тихо отозвался голос, от которого у Балабанчика замирало сердце.

И вот внутри у Васи Балабанова стало вдруг холодно, пусто и абсолютно тихо. Сердце смолкло... Балабанчик догадался, что сейчас умрет, но почему-то совсем не испугался. Он выбежал из зарослей бумажного плюща, успел заметить, как Верочка и Вадька Березин из балета отскочили друг от друга, и, крикнув: «Только попробуй ее поцеловать!» — изо всей силы треснул растерявшегося танцора по уху...

Честное слово без крестиков

— Безобразие! — сказал директор Дома пионеров, возникая на месте побоища как бы из ничего. Он имел скверную привычку появляться именно там, где его меньше всего хотели видеть.— Елькина и Березин, немедленно прекратите!

Верочка убежала, а Баба Яга продолжала яростно тузить Вадика.

— Обалдела?! — кричал Вадик, закрываясь руками. Он был воспитанный человек и, конечно, не мог себе позволить драться с женщиной.

— Елькина, я кому говорю?! — повысил голос директор.

Баба Яга вздрогнула и будто проснулась...

— Ненормальная! — сердито пробурчал Вадик.— Жалко, ты девчонка...

А Баба Яга уже неслась вдаль по коридору.

— Елькина, вернитесь! — кричал Сергей Борисович, да где там!

Не успел директор выяснить, кто виноват, как из-за поворота вышли Мотя и Валерик Овечкин. Они шагали с решительными и серьезными лицами.

— Сергей Борисович,— произнес дежурный режиссер.— Нам надо с вами поговорить!

— По секрету! — значительно добавил Валерик Овечкин.

— Со мной?..— растерялся директор.— По секрету?..

— Только дайте слово, что ничего не скажете Михаилу Павловичу.

— Честное слово...— неуверенно кивнул директор.

— И без крестиков! — уточнил Валерик.

— Хорошо, без крестиков,— согласился Сергей Борисович, с испугом глядя первокласснику в глаза. Он уже догадался, что случилось что-то скверное.

— Пропала Анька Елькина...— Мотя вздохнул виновато.— Мы ее уже полтора часа ищем, а ее нет.

— Глупый розыгрыш! — посуровел Сергей Борисович.— Я видел Елькину минуту назад, она избила Березина и сбежала... Вот туда...

Валерик и Мотя переглянулись и вздохнули.

— Эй! — закричал дежурный режиссер.— Ну-ка, выходи!

Из дальних коридоров выглянула Баба Яга и нехотя побрела на зов. Мотя содрал с нее нос и парик.

— Балабанов?! — хором сказали Сергей Борисович и Вадик.

— Сергей Борисович! Найдите ее, пожалуйста! — умоляюще попросил маленький Овечкин.— Вы ведь мечтали в детстве следователем быть!

Директор грустно взглянул на малыша и покачал головой:

— Мало ли кто о чем мечтал в детстве...

— Мы вас очень просим! — тихо сказал Овечкин, а Мотя, наоборот, сказал очень громко:

— Вся надежда на вас! А то Михаил Павлович волноваться будет!

— На меня?..— неуверенно повторил Сергей Борисович.

— На вас! — дружно подтвердили Мотя и Валерик. Только Вадик и Балабанчик молчали: они пепелили друг друга взглядами.

— Ну, ты у меня получишь сегодня! — шепотом пообещал Балабанчику Вадик.

Михаил Павлович начинает волноваться

Ах, Кузя, Кузя... Там, в заснеженном, прекрасном лесу, забыв обо всем, ты мчишься по лыжне рядом с девочкой Катей и знать не знаешь, что дед твой покоя себе не находит... Вот шагает он по Дому пионеров, ищет Аньку и Балабанчика, чтобы задать им головомойку за самоуправство, а сам думает, думает о тебе... Тревожно ему за тебя, считающего, что машины лучше людей...

«Я берег тебя, мальчик,— думает Михаил Павло-

вич.— Мне хотелось, чтоб жил ты радостно... Потому что ты у меня один... И я у тебя один... Я берег тебя, скрывал печали. Но почему ты сам никогда ни о чем меня не спрашивал? Я о них, о твоих родителях... Ты совсем забыл их? Или тебе просто безразлично? А о Машеньке?.. Ты помнишь нашу Машеньку? Или ее забыл тоже? Почему мне так страшно за тебя?.. Помнишь, я как-то спросил у тебя, почему ты никогда не плачешь... Ни от боли, ни от обиды, ни от жалости. Я-то знаю, что в детстве ты был ужасным ревой... А ты тогда усмехнулся и ответил: «А зачем? Слезами горю не поможешь!» И глаза у тебя были холодные, чужие. Что с тобой случилось, Кузя?» — вот что думает Михаил Павлович, безуспешно разыскивая Аньку и Балабанчика...

Вместо них навстречу ему попадается Айрапетян, в одной руке он держит стакан с компотом, в другой — кусок хлеба и котлету. Яша идет и все время оглядывается, будто проверяет, не следят ли за ним...

— Простите! — испуганно бормочет он, налетая на Михаила Павловича.— Вы не думайте, это я себе несу! — для убедительности Айрапетян поспешно отпивает из стакана. Глаза у Айрапетяна испуганные. Ну, не странно ли?..

Так и не найдя ни Аньку, ни Балабанчика, Михаил Павлович отправляется в свой кабинет. «Ах, Кузя, Кузя...— горестно думает он, поднимая клочок бумажки, выпавший из замочной скважины.— Как же мы дальше будем?..»

Михаил Павлович вертит бумажку в руках. Между прочим, это записка. Он лезет в карман за очками и читает: «Михаил Павлович! Простите меня. Я ужасно виновата, что не пришла и что спектакль чуть не сорвался. Но я не виновата. Со мной ничего не случилось, и Вы только, пожалуйста, не волнуйтесь, просто я уехала в другой город. Я Вам потом все расскажу, если вернусь. Не сердитесь на меня. Так надо. Потому что я решила, что все пополам. А Вы не волнуйтесь, Вам нельзя, сейчас моя очередь. Анька».

На другой стороне уже совсем неразборчиво и торопливо Анькиным летящим почерком написано было: «Никого не ругайте, никто ничего не зна...» А сквозь угловатые Анькины буквы проглядывалась странная надпись, сделанная круглым почерком директора Дома пионеров: «ЖАРНЫЙ КРА № 1 проверено 5 СЕНТЯ»...

Сергей Борисович идет по следу

А следа-то никакого и нет... Бродит директор по Дому пионеров, ищет, да только ничего пока не нашел. И вдруг...

— Сергей Борисович! — мчится по коридору Яша Айрапетян.— Я хочу дать свидетельские показания!

Свидетельские показания Я. Айрапетяна:

— Несколько дней назад Аня Елькина сказала мне, что за ней следит какой-то человек. Он везде ходит за ней и делает вид, что оказался тут совершенно случайно. Человек этот среднего роста, одет во все черное и говорит с едва заметным иностранным акцентом. Конечно, вы можете мне не верить, я и сам сначала не поверил, но... В общем, ясно, что Аню похитили шпионы...

В общем, ясно, что Яша Айрапетян совершенно заврался! Какие шпионы? Откуда?!

Сергей Борисович ушел в дальние коридоры, чтобы никто не мешал ему думать.

Зачем Айрапетяну понадобилось так его разыгрывать? Может, он соучастник?..

«Глупости!» — решил Сергей Борисович, задумчиво глядя вдаль.

И вполне можно представить, что он почувствовал, увидев вдруг в дальнем конце коридора странную черную фигуру, которая, крадучись, удалялась...

— Стой! Стрелять буду! — с отчаянием крикнул директор, хотя стрелять ему было не из чего.

Темная фигура дрогнула и метнулась в соседний коридор. Ни секунды не раздумывая, безоружный Сергей Борисович бросился за ней...

Где Анька?

Где Анька, где Анька... В дальнем, за тридевять коридоров, тупичке, под большим красным ящиком, на котором белыми буквами выведено: ПК № 1...

Ничегошеньки с ней как будто не случилось. Стоит себе Анька под пожарным краном, в кругу, очерченном мелом, а рядом небольшой черный ящик... На верхней его грани зловеще светится рубиновый глазок.

Стоять под пожарным краном, между прочим, не очень-то удобно: ящик висит в метре от пола, не выпрямиться под ним. Но Анька стоит, подпирает ящик плечами. Так когда-то атланты держали, наверно, небо... Хорошо им было: стой на краю земли да держи на плечах синее небо с птицами и облаками. А Аньке каково? Ведь знает, знает, что актер имеет право не явиться на спектакль только в одном случае... А она жива. И все равно стоит!

А в десять часов утра, когда вдали прозвенел последний, третий, звонок, призывающий актеров и зрителей к началу, Анька села на корточки и горько заплакала.

Аня, дай душу!

Не могла Анька уйти отсюда, понимаете? Потому что Кузя уже изобрел свою Машину!

Разбитый графин — это мелочи. Просто Кузя гнался за Анькой, а она растянулась во тьме на сцене. И Кузя ее поймал. Взял под мышку и потащил в дальний коридор. С одной стороны Анька, с другой — черный ящик. Анька тогда еще не знала, что это такое... В общем, Кузя куда-то тащил Аньку, Анька его лягала... Ей даже удалось вырваться, да только разве ей справиться с длинным Кузей? Хорошо, пожарный кран оказался рядом: Анька рывком открыла дверцу, вцепилась в вентиль.

— Только подойди!

— Успокойся,— усмехнулся Кузя и сел на подоконник. И осторожно поставил рядом свой черный ящик. И, склонившись над ним, произнес почтительно:

— Ты хотела с ней встретиться. Она здесь. Она тебя слушает.

А дальше было вот что: черный ящик загудел, вспыхнув рубиновым светом, и неживой железный голос зазвучал оттуда, четко и равнодушно выговаривая слова и будто вбивая после каждого гвоздь:

— Ты. Елькина. Аня.

Внутри у Аньки похолодело и замерло.

— Я. Машина. Он. Меня. Изобрел. Теперь. Мне. Нужна. Ты. Подойди.

«Как же!» — подумала Анька, вжимаясь лопатками в стену.

— Не. Бойся. Ты. Мне. Нравишься,— снова принялась вбивать гвозди Машина.— Я. Тебя. Выбрала.

— Куда?..— переглотнув, спросила Анька. Ей стало очень страшно.

Мертвым голосом, услышав который однажды, хотелось сразу убежать, забыть его и никогда больше не вспоминать, Машина сообщила:

— Мне. Нужна. Твоя. Душа. Иначе. Не. Будет. Контакта.

— Она что, полоумная? — испуганно спросила Анька, а Кузя нахмурился:

— Хочешь, чтоб она за такие слова по тебе молнией шарахнула? Она не полоумная, просто она еще не подключилась...

— Куда?

— Куда-куда... — передразнил Кузя.— Глупая ты все-таки! К людям. А чтоб подключиться, ей нужна живая душа. Понимаешь, она железная, а люди живые. Между ними как будто пропасть, понимаешь?

Анька кивнула.

— Нужен как бы мост... Вот она и выбрала тебя. Почему-то именно ты ей подходишь, чтобы подключиться. Поняла?

Анька сверкнула глазами.

— Поняла. Не дам!

— Глупо! — рассердился Кузя.— Она сделает людей счастливыми, она будет управлять ими мудро и правильно. Ты не думай, люди даже не заметят, что что-то изменилось. Я мог бы объяснить точнее, но ты все равно не поймешь...

Все Анька поняла! Эта железная Машина заставит людей жить по своим правильным железным законам. Люди станут как роботы, а сами будут думать, что они как люди...

— Дай. Душу. За. Это. Дам. Что. Захочешь. Мы. Будем. Дружить.

Здорово придумано: люди попадут в плен к Машине, а Аньке за то, что она всех предала, будет все можно! За это железяка будет дружить с Анькой!..

— Слушай, дай душу, не жадничай! — вздохнул Кузя.— Для науки же. Твое имя потом в историю впишут золотыми буквами!

— Подавись ты своими золотыми буквами!

— Аня. Дай. Душу.

Анька не ответила, молча показала Машине фигушку.

— Может, поменять на что хочешь? — предложил Кузя.

— Сказала: нет! И все. Я, знаешь, какая упрямая! — нахмурилась Анька. И, чтоб Кузя наконец понял, что дальнейшие уговоры бесполезны, она с гордостью повторила то, что не раз говорила о ней мама:— Мне хоть кол на голове теши! Со мной лучше не спорить!

Кузины глаза полыхнули желтым, шкодливым огнем.

— Спорим, ты сойдешь с места раньше, чем я сосчитаю до трех!

— Спорим! — сразу согласилась Анька.— На Машину!

— Да на что хочешь! Проспоришь — отдашь душу. Сговорились?

«Я выиграю! — подумала Анька.— Ни за что не сойду с места, пусть они с Машиной хоть что делают!»

Кузя достал из кармана мелок и очертил вокруг Аньки белый круг.

— Выйдешь за черту — проиграла. Начали! Раз...

Анька стояла, не шелохнувшись.

— Два...— медленно сказал Кузя и спрыгнул с подоконника.

Он взял свою Машину под мышку и пошел по коридору...

— Между прочим,— сказал он с усмешкой,— елка начинается через двадцать минут... Душу принесешь вечером. Перевяжи розовой ленточкой! А впрочем, к чему тянуть? — Он вернулся и поставил Машину у границы мелового круга, в котором стояла растерянная Анька.— Как только ты переступишь черту, она сама заберет твою драгоценную душу... Чао!

И Кузя ушел, ему пора было в лес, кататься на лыжах. А Аньке пора было со всех ног бежать за кулисы переодеваться, но она стояла в меловом кругу, не мигая глядела на страшный рубиновый огонь.

Машина тоже не мигала. Она молчала и караулила Анькину душу...

Анькина очередь

Вот будет когда-нибудь техничка тетя Клава прибирать в дальних коридорах и наткнется на Анькин скелет...

Конечно, Аньку будут искать. Может, объявление дадут в газете: «Пропала девочка двенадцати лет, похожая на мальчика: волосы светлые, коротко остриженные, нос курносый, глаза темно-коричневые. Была одета в старую лыжную куртку, в джинсы с заплаткой на левой коленке, в огромные унты. Просьба к гражданам и организациям...»

Да только откуда гражданам и организациям знать, где Анька?

А может, и не дадут никакого объявления. Мамин муж Максим Петрович, наверно, даже обрадуется... Ну и пусть, Аньке наплевать. А мама?... Аньке хочется плакать. Скоро у мамы родится новая дочка, и она быстро забудет об Аньке. «Пусть хоть сто дочек, мне-то что! — тоскливо думает Анька.— Ну и пусть я тут умру, ну и хорошо!»

Прямо против Аньки большое заиндевевшее окно, оттуда тянет холодом. Анька ежится. За окном пожарная лестница, по которой рано утром Айрапетян, Анька и Балабанчик залезли в Дом пионеров, чтоб не будить вахтера Мадамыча. Как давно это было, сто лет назад...

За окном белый зимний день, за окном большой завьюженный Анькин город. Если спуститься по пожарной лестнице, спрыгнуть в мягкий сугроб и выбежать из внутреннего дворика, то увидится низенькая деревянная улочка, стрелой летящая вниз. Вдоль нее ледяная раскатанная дорожка. Мало кто может тут удержаться на ногах — такая скорость! А малышня съезжает на портфелях «паровозиком»... Аж на соседнюю Фестивальную улицу выносит визжащий, хохочущий «паровозик»!

Фестивальная улица — широкая, длиннющая, с липовым сквером посередке, тянется от площади Первой Пятилетки до леса. Очень хорошая улица, там живут многие из театра: кто в начале, кто у самого леса. Анька тоже там живет...

Жила. До сегодняшнего дня...

Анька, всхлипнув, с ненавистью смотрит на Машину.

Дома на Фестивальной — пятиэтажные, похожие, как братья-близнецы, сейчас такие уже не строят. Сейчас строят белые четырнадцатиэтажки. Именно в таком доме живет Балабанчик, на последнем, самом высоком этаже. У него с балкона весь город видно: совсем рядом дымят трубы завода, а вокруг крыши... Вдали, в тумане, купол цирка, за ним шпиль горсовета, а чуть левее сверкающая в холодном зимнем солнце колокольня — краеведческий музей... Где-то там, рядом с колокольней, в старых каменных улочках, стоит трехэтажный дом из красного кирпича, красивый, узорный, как пряник. На втором этаже «пряника» живут в тесной от книжных шкафов квартирке Михаил Павлович и Кузя. Анька любит этот дом в центре города. Там старый тополь во дворике, он заглядывает в окна, шумит тихонько листьями, прячет в могучей кроне солнце. Соседям Михаила Павловича это не нравится. «Темно,— говорят они,— спилить бы его!» Хорошо, что люди они ленивые: все лето говорят, говорят, а тут наступает осень... Тополь облетает, двор становится желтым, просторным: листья шуршат под ногами и уже никому не загораживают солнца. Тогда соседи забывают о тополе. А он стоит и тихонько копит силу для будущей весны... Никогда уж больше Анька его не увидит...

Придет весна, растает снег, крутую улочку у Дома пионеров затянет травой. Тополиный пух занесет дворы. На Фестивальной зацветут липы. Ночью если на цыпочках, чтоб не разбудить маму, пробраться на балкон, то стой, гляди на дальние манящие огни и вдыхай сладкий, настоянный на липовом цвете ветер хоть до утра.

Но все это уже не для Аньки, Анькина судьба — стоять в меловом кругу под пожарным краном. Пока не умрет с голоду.

«Вот возьму и вылезу!— с отчаянием думает Анька.— Никто и не узнает даже... Не успеет... Вылезу и уйду, почему я должна за всех?..»

Конечно, несправедливо! Столько людей на свете, больших и маленьких, умных и глупых, хороших и плохих,— и все они живут себе спокойно и делают, что хотят... Целое человечество живет и в ус не дует! Не знает, не знает человечество, занятое своими делами, что где-то там в одном городе, заметенном большими холодными снегами, Анька Елькина торчит из-за него под пожарным краном. И стоит ей сделать один только шаг — и никаких своих дел у человечества не станет... Страшно Аньке, жалко себя. Ведь пока помрешь, сколько мучиться придется! Главное, никто и спасибо не скажет...

А если взять и закричать изо всей силы? Может, услышат, прибегут? Анька скажет, чтоб позвали Михаила Павловича, и все ему расскажет... Михаил Павлович что-нибудь придумает!

И тут лицо у Аньки из несчастного становится упрямым, злым.

«Вот, значит, ты какая! — думает о себе Анька.— Значит, опять пусть Михаил Павлович?.. А тебе жалко себя стало! «Все несчастья — пополам!» — говорила, а чуть что — сразу в кусты?!»

Анька хмурится: нет, не нравится она себе...

— Не будешь ты кричать и звать Михаила Павловича! — командует она самой себе.— Поняла у меня?! Теперь твоя очередь!

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

НОВЫЙ КОНКУРС
ГАЗЕТЫ
«ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА»

«СТРАНА ПИОНЕРИЯ»

Страна Пионерия — это удивительная страна твоего пионерского детства. Она раскинула свои границы от Тихого океана до легендарной Брестской крепости, от седого Мурмана до снежного Памира. И живет в этой стране красногалстучный народ. Непоседливый, любознательный, мечтающий о подвиге, идущий дорогами своих дедов и отцов. Много удивительного и доброго происходит в этой стране, которая насчитывает 20 миллионов юных ленинцев. Ребята задерживают нарушителей Государственной границы. Многие из них носят на груди медаль «За отвагу на пожаре». Юные техники делают оригинальные изобретения, сельские ребята помогают в борьбе за урожай. Немало славных дел у тимуровцев. А какие жаркие баталии разыгрываются на футбольных и хоккейных турнирах! Обо всем этом хочется прочитать в интересном рассказе на пионерскую тему. Редакция газеты «Пионерская правда» объявила новый литературный конкурс — «Страна пионерия». Конкурсные рассказы призваны показать многообразную жизнь Всесоюзной пионерской дружины, боевой характер пионеров 80-х годов.

К конкурсу допускаются все желающие. Три специальные премии будут присуждаться авторам до 35 лет за наиболее талантливое произведение прозы. Объем рукописи — до 7 машинописных страниц. Для победителей конкурса устанавливаются также денежные премии: две первые — по 300 рублей, две вторые — по 200 рублей, две третьи — по 100 рублей, восемь поощрительных премий — по 50 рублей. Авторы всех премированных и отмеченных рассказов награждаются специальными дипломами. Конкурс проводится с сентября 1984 года по сентябрь 1985 года. Итоги подводятся в октябре 1985 года.

Страна Пионерия ждет новых ярких рассказов!

В. КАВЕРИН,
лауреат Государственной премии СССР

ЛИЧНОСТЬ ТЫНЯНОВА

Кто не знает исторической прозы Юрия Тынянова, одного из основателей советской литературы? Его имя не сходит со страниц книг и статей, посвященных теории литературы и исторической прозе.

Но никто не знает, каков был этот человек, о котором так много говорят и пишут, о котором уже вышли две книги воспоминаний — одна в серии «Жизнь замечательных людей» в 1966 году, вторая — «Воспоминания о Тынянове» — в «Советском писателе» в 1983 году.

Чем знаменателен его характер? Как он писал? Как он относился к друзьям?

Очевидно, он был человеком, думаете вы, читая его романы, потребовавшие неустанного труда, глубоко погруженным в историю литературы, в архивы, неразговорчивым? Убежденным, что на свете нет ничего, кроме собственной работы, что заслуживало бы внимания? Ничуть не бывало!

К сожалению, теперь лишь немногие его ученики и друзья могли бы рассказать о личности Юрия Николаевича, о его характере, о том, как он жил и работал. Среди этих друзей ближе всех других был автор этих строк, который не расставался с ним более двадцати лет и виделся с ним почти ежедневно. Роковая разлука наступила, лишь когда началась война. Я был мобилизован, он был эвакуирован. Но судьба свела нас в 1943 году — мы оба лежали в Кремлевской больнице. Я болел, он умирал, и карантин в связи с эпидемией гриппа не дал мне возможности провести последние дни у постели моего самого близкого друга...

Так вот, он не был глухим, погруженным в литературу и науку педантом. Он был веселым, смешливым, любившим шутку, остроту, гостеприимным, добрым человеком. И необычайно вежливым — уже в 20-х годах его вежливость казалась немного старомодной.

Я не нахожу, как находят другие, что Тынянов был похож на Пушкина. Он был красивый, несколько хрупкий, узкоплечий человек, в то время как Пушкин был некрасив, мускулист и широкоплеч, что видно даже на приукрашенной работе Кипренского. Но внутреннее сходство, пожалуй, было: общительность, жизнерадостность, умение ответить на удар более сильным ударом.

Если упоминать о способности к восхищению, соединявшейся со строгим отбором, это восхищение прежде всего относилось к Гейне. Жизнь Гейне он знал так хорошо, как будто он сам ее прожил. Гейневские шутки, оптимизм, его вещественность, никогда не оставлявшая его, беспощадность его полемики, душевная бодрость вопреки безнадежной болезни — все это характерно для Тынянова не меньше, чем для Гейне.

Меня он нередко разыгрывал, добродушно подсмеивался и не особенно высоко ценил мое раннее творчество, кроме «Скандалиста», которого он защищал в своих письмах к Шкловскому, утверждая, что я имею право относиться к старшему поколению как к литературному материалу.

Написав по меньшей мере 15 фантастических рассказов и заслужив от товарищей по работе звание «Алхимика», я однажды решил, что совсем не так далек, как это казалось, от реалистической прозы, и задумал написать рассказ, который должен был поразить читателя бытовыми подробностями, знанием деревенского быта, глубоким проникновением в душевный мир крестьянина, его сложное отношение к происходившим в те годы переменам (нэп был в разгаре). Причем я вовсе не намерен был отказаться от остросюжетной канвы будущего оригинального, на мой взгляд, произведения. История, рассказанная в нем, намеренно простая, должна была столкнуть падшего человека, нищего, бывшего интеллигента с обыкновенной, простой женщиной, бедной, но радушно принимающей бродягу, просившего переночевать. Уж не знаю, удалась ли мне психологическая сторона рассказа, но неожиданная сцена, в которой бродяга убивает эту женщину, как бы желая отомстить ей за свою загубленную жизнь, удалась или по меньшей мере так мне понравилась, что я переписал ее три раза. Рассказ получился почему-то очень коротким, только шесть или семь страниц. Конечно, как моего сурового учителя и друга, я попросил Юрия Николаевича прочесть мой рассказ.

Юрий Николаевич был занят, но у меня было такое торжественно-удовлетворенное лицо, что он, догадавшись, что в моей жизни произошло событие, взял мои листки и, оставив свою работу, принялся за мою. С бьющимся сердцем я ушел к себе — наши комнаты были рядом — и, стараясь успокоиться, принялся шагать из угла в угол. Прошло полчаса — достаточно, как мне показалось, чтобы успокоиться после душевного потрясения, вызванного моим произведением. Наконец он вошел. У него было серьезное, сосредоточенное лицо. Мои листки он бережно нес перед собой на вытянутых руках. Помедлив, он положил их передо мной на стол и сказал:

— Нобелевская премия обеспечена.

И можете мне поверить, я был еще так молод и глуп, что радостное изумление на одно короткое мгновение охватило меня. Конечно, оно мгновенно исчезло. Более того, как под увеличительным стеклом, я сразу же увидел всю претенциозность, поверхностность, банальность своего рассказа.

Юрий Николаевич Тынянов.

Детское, беспомощное подражание Бунину неожиданно выступило в каждой строке, окрасив весь рассказ в неопределенный серый цвет. Значительность, глубина его оказались мнимыми, и хотя Юрий Николаевич не мог удержаться от смеха и дружески похлопал меня по плечу, я понял, что до подлинной прозы мне предстоит долгий, трудный, может быть, мучительный путь, что мои первые фантастические рассказы, понравившиеся Горькому, ничего не значат. Что все, начиная с чтения классиков, надо начинать сначала, потому что, только глубоко оценив их, я мог НЕ написать этот бездарный рассказ.

И так было всегда с моими попытками получить от Юрия Николаевича серьезный совет. Он отшучивался, но в этих шутках я должен был увидеть то самое важное, что формировало мой вкус, подсказывало необходимость опираться на собственные возможности, на понятие «личность», которое он угадывал во мне и ценил.

Впрочем, шутки его касались не только литературных дел. Когда мне минуло 19 лет, я решил, что пора побриться. Юрий Николаевич отнесся к моему намерению очень серьезно. Прежде всего он прочел мне обширную лекцию о том, когда стали бриться на Западе и какое необозримое значение придается бороде на Востоке. Был затронут также вопрос, почему у китайцев сравнительно с европейцами плохо растет борода. Словом, это понятие получило исторический, этнографический и литературный обзор с примерами из классической восточной и западной, из духовной и светской литературы. Потом Юрий Николаевич принес бритву и научил меня, как нужно точить ее на ремне и как пробовать на одном волоске, достаточно ли она остра. Я получил полезные сведения о том, как разводить мыло — не жидко, но и не густо, чтобы оно ровно ложилось на кожу. Когда все эти приготовления были закончены, он долго, серьезно смотрел на меня и спросил наконец:

— А где, собственно говоря, у тебя борода?

Я накинулся на него, он, смеясь, отбивался. Бороды действительно не было. Был пух, почему-то розоватый, похожий на цыплячий. Но моя попытка поскорее стать мужчиной, к сожалению, на том не окончилась. Весь день, работая, он распевал:

Скучно. Мне хочется побриться.
Побрить весь мир и побрить тебя[1].

Кстати, о том, как он работал. Не помню, чтобы он подолгу не выходил из своего кабинета. Но ясно помню, как рано утром, приоткрыв дверь своей комнаты, я увидел его сидящим за столом в одной рубашке, взлохмаченным, с открытой грудью. Зимой 21-го года в кабинете было холодно, градусов 10 — впрочем, не только в кабинете, но во всей квартире на Греческой. Я молча накинул на него халат, он поднял голову, посмотрел невидящими глазами и пробормотал: «Не мешай».

Маленькое литературное общество «Серапионовы братья» ежегодно отмечало первое февраля — день своего основания. Ко второй годовщине (1.II.1923) Юрий Николаевич написал шутливую приветственную поэму. Вот некоторые строфы:

Се красные собрались лики
Средь яств и брашен и убранств.
Зачем сей сонм? Сей вопль великий?
И клики радостных пианств?

Конечно, се Серапионы
Идут нетвердою стопой
Почтить торжественно в день оный
Младый, двухлетний возраст свой...

Но Юрий Николаевич был не только мастером стихотворных шуток.

Переводы из Гейне были постоянным «делом между делом». Обладая прекрасной памятью, он переводил их в трамвае, когда ехал в Гослитиздат, где служил тогда корректором, во время редких прогулок, в часы дружеских бесед, когда после минуты молчания он бросался записывать найденную строчку. Можно смело сказать, что нечто истинно моцартовское было в легкости, в изяществе, с которым он работал во всех жанрах: в прозе и в критике, в теории и в практике кино. Изящество — это для его жизни и личности меткое слово. Недаром «Кюхля» был написан так быстро. Изящество не мешало, а помогало высказывать свою новую и глубокую мысль, изящество помогало его иронии, сарказму, остроумию.

Выдающийся писатель и ученый, он предугадал и подсказал многое, и недаром его проза каждый год издается в миллионных тиражах.

---

[1] Пародия на известный романс «Скучно. Мне хочется забыться, забыть весь мир и забыть себя».

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель: Антонимы — это слова с противоположным значением. Например: «холодно — тепло», «светло — темно». Теперь ты приведи пример антонима.
Ученик: Кошка — собака!

А. Кондрашов,
г. Волгоград.

* * *

Учитель: Составь предложение со словосочетанием «хвойные деревья».
Ученик: С хвойных деревьев падают желтые листья...

Галя Парфенова,
Алтайский край.

* * *

Учитель: Придумай предложение, где были бы слова «заяц» и «волк».
Ученик: «Ну, погоди!»

Таня Широких,
г. Звенигород.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учитель: Чем питаются лисы?
Ученик: Сыром!

Дмитрий Завьянов,
Свердловская обл.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учитель: Назови искусственные водоемы!
Ученик: Аквариумы!

Таня Таранова
и Люба Мартыненко,
г. Днепропетровск.

НА УРОКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Учитель: Что означает английское слово «квикли» (в переводе на русский — «быстро»)?
Ученик: Точно не знаю, но думаю, что так квакают английские лягушки...

Таня Кузьмина,
г. Северодвинск.

НА УРОКЕ МАТЕМАТИКИ

Учитель: Как найти уменьшаемое число?
Ученик: Чтобы найти уменьшаемое, нужно сказуемое умножить на подлежащее!

Руслан Есин,
г. Елец.

Из школьных сочинений

«Ее глаза разбежались на все четыре стороны».
«Лосенок Мишка за три года превратился в большого и сильного медведя».
«...И он сказал: «Отец наш вам жалует шубу и лошадь со своего плеча».
«Меня ошелохнуло от ужаса...»
«У Пети от тяжести ломило пальцы в локтях».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЁНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

КЛЯКСА С ДАЛЁКОЙ ПЛАНЕТЫ

Встреча в Москве

Есть в нашей столице большое светлое здание. Стоит оно над Москвой-рекой прямо напротив главного входа в парк культуры и отдыха имени М. Горького. Это Центральный Дом художника. В его залах можно увидеть работы лучших живописцев, скульпторов, мастеров прикладного искусства.

В тот день, о котором наш рассказ, в Доме художника, на стенах галереи, окружающей вестибюль, цвели невиданные цветы, пели сказочные птицы, улыбались добрые звери, а красивые и веселые люди собирали виноград, скакали на прекрасных конях, танцевали или занимались обычными домашними делами.

— Какие свежие краски! Какие свободные линии! Какие оригинальные сюжеты! — повторяли посетители, стараясь получше разглядеть и запомнить работы учеников детской художественной школы совхоза имени Алиева Дагестанской АССР.

Вот какая честь детским рисункам: их показывали в одном из самых солидных выставочных залов Москвы!

Люди двадцати разных национальностей живут и трудятся в дагестанском поселке Мамедкала. Для ребят есть здесь и музыкальная школа, и спортивная, и Дом пионеров. Но, пожалуй, больше всего любят мальчики и девочки свою художественную школу. Сюда может прийти каждый, кто захочет, никто не станет проверять, есть ли у тебя способности к рисованию. Занятия здесь, как и во всех школах, начинаются первого сентября, но если кто-то явился, скажем, 15 января или 5 апреля, милости просим. Примут и научат держать кисточку.

В этой школе никогда не заставляют копировать предметы, рисовать так, «чтобы было похоже». Зато учат видеть и фантазировать.

Вот как проходил здесь один урок. Валерий Афанасьевич Куцев, директор школы, надел бутафорскую шляпу с пером и уселся на стул посреди комнаты. А ребята принялись его рисовать. Думаете, у всех получилось одинаково? Ничего подобного. Каждый увидел учителя по-своему. Три портрета потом приехали в Москву. Они так и висели на выставке рядом: «Голубой портрет», «Оранжевый портрет» и «Синий портрет».

В другой раз ребята получили задание изобразить льва. Дагестанцы уважают этого зверя: он для них символ храбрости и благородства. Кто не знает, какого цвета лев? Он желтый, как пустыня. Это в природе. А на рисунках ребят живут розовые, зеленые, голубые, пестрые львы. На выставке резвилось целое семейство разноцветных львов.

В дагестанских аулах испокон веков жили замечательные народные художники: ковровщицы, резчики, гончары, чеканщики. Про своих учеников Куцев говорит: «Орнамент у них в крови». Потому-то, наверное, многие ребячьи картины напоминают узорные ковры, где стебли растений, очертания птицы, фигура человека и животного — будто фрагмент затейливого орнамента.

Однажды маленьким художникам раздали большие листы цветной бумаги. Мальчик набрал на кисточку краску и только собрался провести линию, а капля краски возьми и шмякнись прямо на чистый лист! Мальчик ужасно огорчился, но Валерий Афанасьевич сказал: «Давайте посмотрим, что можно сделать из кляксы». Все принялись капать, брызгать на бумагу красками, и вскоре листы были сплошь покрыты превосходными кляксами. Оставалось пририсовать этим «бякам-закалякам» где глаз, где хвост, где рожки — получилась целая галерея фантастических существ. Может быть, такие бродили по Лукоморью, где, как известно, «на неведомых дорожках следы невиданных зверей»? А может, это животные с

Мурад ГУСЕЙНОВ, 13 лет. «ПЕЙЗАЖ».

Мурад ГУСЕЙНОВ. «ВСАДНИКИ».

Сальминаз ИСМАИЛОВА, *12 лет.* «МОЙ ЛЮБИМЫЙ ГОЛУБОЙ КОЗЕЛ».

далеких планет? Думайте, что хотите, а я скажу только одно: в том разделе выставки, где собрались кляксы, было особенно многолюдно.

Искусствоведы иногда говорят, что работы юных мамедкалинцев близки к монументальной живописи. Что это значит? «Монументальный» происходит от «монумент», то есть «статуя», «памятник». Но монументальной может быть и живопись, если она предназначается сразу многим людям. Картину можно повесить в квартире и любоваться ею в одиночку. Панно — в фойе театра, роспись — в помещении кафе: огромную, во всю стену композицию видят одновременно десятки, а то и сотни зрителей. Художники из Мамедкалы предпочитают рисовать на очень больших листах бумаги, а еще лучше — прямо на стенах. У себя в школе они уже разрисовали все стены и принялись за потолки, расписали музыкальную комнату в поселковом детском саду, читальный зал совхозной библиотеки, стены собственных квартир — там, где родители разрешили.

Детский журнал, выходящий в Дагестане на пяти языках, просит у ребят рисунки для обложек. Кукольный театр в Махачкале заказывает эскизы кукол и декорации к спектаклю по мотивам народных сказок...

Вглядитесь в репродукции и вы поймете, почему и гости Центрального Дома художника в Москве, и посетители выставок детского рисунка в более чем пятидесяти странах замирали в восхищении перед произведениями десяти-, двенадцатилетних девчонок и мальчишек из дагестанского села.

Вера СЕВЕРЬЯНОВА

ХУДОЖНИК ПО ИМЕНИ ШКОЛА

Встреча в Дагестане

Должно быть, каждого человека поджидает в жизни встреча, случайная на первый взгляд и очень важная на самом деле.

Мне нужно было зайти в одно учреждение в Махачкале, где среди белых стен и серых газет вдруг обожгло нечто зеленое, как самая яркая трава, и красное, как веселый и грозный пожар. То была картина — изображение маски. То была непомерная морда дракона, первобытное чудовище, дикий предок Змея Горыныча, тварь грозная и пестрая. Но как она была прекрасна, эта маска!

— Что это? Откуда?

И вот уже я в автобусе, что идет в сторону Дербента, а в кулаке зажата бумажка с адресом: «Совхоз Мамедкала, художественная школа, директор Куцев». Там есть такой талантливый ученик, написавший удивительную маску. Я найду юного художника, ведь такое дарование — большая редкость, даже среди учеников художественной школы. Как его имя?

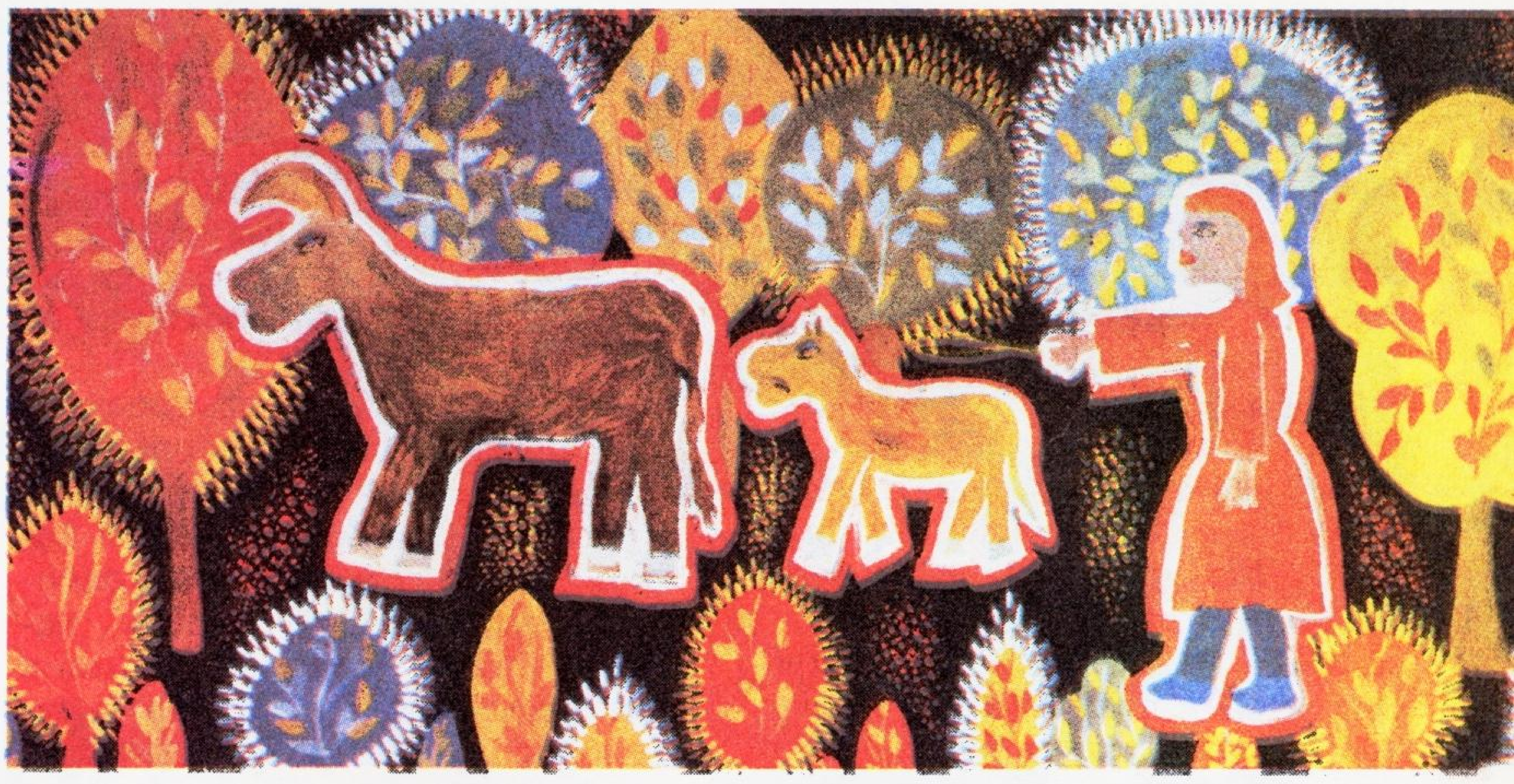
Вхожу в школу... Но с таким же успехом можно было бы сказать «вхожу в картину». Ибо я оказываюсь буквально внутри невиданной двухэтажной объемной картины, где розовые водопады стекают со стен, в синих небесах толпятся облака и птицы, по зеленому склону летят огромные фиолетовые бараны, крошечные львы резвятся среди тропических цветов и всадники на красных конях мчатся прямо на огнедышащих чудовищ. Школа была завернута, как дивный подарок, в прекрасную цветную бумажку. Сотни ребят

писали здесь каждый свое — на стенах, на потолках, на подоконниках, на столах, на лестнице. Школа пылала красным, школа голубела, школа светилась желтым, она была хороша, как та драконья маска, автора которой я ищу. И я уже догадалась, как имя этого художника: его зовут Ш к о л а.

Это было самое настоящее чудо, и вот в чем таился его глубокий и важный смысл: Валерий Афанасьевич Куцев сделал открытие — он понял, что каждый мальчик и каждая девочка способны создать замечательную картину. Все на свете, без исключения. Потому что в каждом из вас скрывается поразительный мир, подобный миру настоящей сказки. Не случайно именно в детстве мы слушаем и читаем сказки с такой радостью, и именно в детстве нам понятны их чудеса, их превращения и волшебство. Таинственный мир, дремлющий где-то на дне ваших снов и мечтаний, умеет открывать Куцев. В его руках ключ, отпирающий двери тридесятого царства. Вот вы взяли кисть и обмакнули ее в краску, а на лист свежей плотной бумаги уже стремятся невиданные звери и небывалые птицы. Они спешат из самой глубины души и просят: «Нарисуй меня!» Звенит медный колокольчик, идет первый урок.

— Рисуйте цветок! — говорит Валерий Афанасьевич. — Цветок превратите в бабочку... А бабочку превращаем во льва!

Смотрите, вот он, этот превращенный лев. Его нарисовал Тамада Тамадаев, и — каждый по-своему — еще сотни учеников рисовали льва. Он грозен, он силен, и у него не морда, а лицо, оно печально. А лапы у него звериные, мощные. Он превратившийся лев, он был цветком, он был бабочкой, и грива его осыпана пыльцой голубого цветка, и шерсть его покрыта радужными крыльями солнечных бабочек. Мягко пружинит упругий хвост, лев плотен, лев тяжел, лев мягок, как игрушка, и силен, как дикий зверь. Он — гибкая огромная кошка.

Шамала САЛИХОВА, *11 лет.* «Я ПАСУ КОРОВ».

Мурад Гусейнов изобразил птицу. Она не простая птица, но таинственная — так он ее и назвал. Она распластала крылья, подобно летучей мыши, а хвост ее распускается, как цветок, и по граненым краям крыла растут белые одуванчики — или это маленькие коготки? Она все-таки *таинственная* птица. И потому на ее крыльях цветет мелкий нежный узор. Тут столько малых неожиданных подробностей, но все же мы охватываем глазом всю ее, от белых рожек-усиков, растущих прямо из длинной шеи, до расставленных петушиных лап, мы замечаем и тонкость кружевного узора на желтом крыле, и красноватое зарево округ узких перьев, отчего птица светится, как уголь, тлеющий в ночи волшебного леса.

Мурад ГУСЕЙНОВ. «ТАИНСТВЕННАЯ ПТИЦА».

Тамада ТАМАДАЕВ,
13 лет.
«ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ЛЕВ».

Все это видно так пронзительно ясно и цельно потому, что она особым образом расположена на вытянутом прямоугольнике фона. Она как бы вся распласталась в ночном окне, вписавшись в прямоугольник и заполнив его целиком.

Но если вокруг таинственной птицы фон ровно залит черной краской, то посмотрите, каков он в картине Али Гаджи Эльдупсанова: он живой, он движется, переливаясь и играя зелеными, красными, черными волнами в плотной небесной синеве. И в волнах стоит красный козел с синим рогом, а на нем сидят два всадника. Вне сомнений, они герои дагестанской сказки, да и вообще они герои: их вид решителен, их жесты мужественны, один размахивает стрелою, как пикой, за плечами другого воинственно развевается бурка.

Но вот что странно: всадники — в движении, козел же неподвижен. Он не бежит, стуча копытцами, его несет само вечно текущее пространство сказки, подобное бездонному морю с вечным движением волн, которые плещут, а иногда и бушуют в пределах морских берегов миллионы лет, всегда. В этом текущем пространстве сказки время как бы не движется, и потому говорится так неопределенно: «Долго ли, коротко ли он ехал...»

А вот уже совсем другое поле, на котором расположены фигуры картины «Праздник». Ее писал Хаким Магомедов, и какая же получилась это красивая картина! В синем небе — четыре фигуры сидящих за столом людей, каждая окружена голубой прозрачной каймой, отчего фигуры становятся легкими, отчего они стали значительны, как рисунки, помещенные в рамку. И вот небесная синева, такая ровная, вдруг начинает чудесным образом на наших глазах меняться: в оттенках вокруг зеленой фигуры синева становится зеленоватой, вокруг красной она пронзительно ярка, рядом с черной фигурой синева светлеет, а рядом с темно-синей становится глубже и гуще.

А фрукты на столе — это капли всех красок, гуляющих по картине, оттого и краски, заполняющие контуры фигур, вдруг начинают дробиться, стекая на пиршественную скатерть,— они играют и блещут, как цветные стеклышки в калейдоскопе.

В низу же картины, по другую сторону стола, сидят и лежат люди в синем; небесная синева из верхней части картины словно бы проливается вниз — стол и люди за ним вдруг оказываются плывущими в небесах, в ярком и высоком пространстве праздника.

Я беру лишь четыре картины — малую каплю из всего, что оказалось на выставке, из великого моря картин и рисунков, которые мне посчастливилось перевидать за годы нашей дружбы. Иногда мне кажется, что с отдельными картинками я дружу особенно крепко.

В «Фантастическом льве» мне особенно дорога лепка формы, ее сила и мягкость — то, что мы называем пластикой.

Я люблю «Таинственную птицу» за то, что она, такая открытая обозрению, все же не выдает своей тайны, за то, что она так славно и прочно расположилась на отведенном ей прямоугольнике; это очень важно: расположить рисунок на листе бумаги, скомпоновать его на плоскости.

Сказочный козел с двумя всадниками дорог мне изображением того, что практически, казалось бы, и изобразить невозможно: подвижное пространство сказки, где неподвижно время.

А «Праздник» — это пир красок, праздник цвета, где цвет меняется от соседства с другими цветами, щедро насыщая картину красочным богатством. Тут цветов всего пять, а кажется, сотня!

Так, собственно, мы стремимся разбирать всякую картину, если хотим понять, почему она принесла нам великую радость, или большую печаль, или смутную тревогу, словом, сделала нас хоть на миг, но другими, не теми, какими мы были до встречи с нею. Картина тогда по-настоящему хороша, когда в ней найдена пластика формы, когда ее композиция безупречна, когда в картине есть свое пространство, и свое время, и колорит, игра красок.

Для меня важно еще одно свойство: я люблю, когда в картине есть тайна. Когда есть что-то непонятное, что объяснить невозможно словами, и там, где кончаются слова, сама душа открывается навстречу прекрасной картине.

За это состояние души, за праздник, данный в ее честь, благодарю школу в Мамедкале, Валерия Куцева и всех, кто у него писал свои картины.

Ирина УВАРОВА,
кандидат искусствоведческих наук

Али Гаджи ЭЛЬДУПСАНОВ,
12 лет.
«КОЗЕЛ».

Хаким МАГОМЕДОВ,
13 лет.
«ПРАЗДНИК».

Наталья КАРПЕКИНА,
участник VIII Всесоюзного совещания молодых писателей

Карлушка и Аскыркан

АЛТАЙСКАЯ СКАЗКА

У Аскыркана заболела бабушка.

— Иди к шаману. Он скажет, что делать,— сказала она.

Аскыркан пришел к шаману.

— Нужен арчын,— сказал шаман.— За арчыном пойдешь в тайгу. Иди на восток. Подойдешь к арчыну, кланяйся три раза. Дари красную и белую ленты. Тогда только отломи ветку от куста арчына. Дома брось ее в огонь. Злой дух покинет ваш аил.

Все сделал Аскыркан. Бабушка не выздоравливала.

— Скоро останешься один, Аскыркан. Так и не увижу я твоей жены. Не увижу деток, топчущих подолы ваших шуб. Не увижу. Ох! — вздыхала старая Тарчи-Парчи.

— Не говори так, бабушка. Вот схожу я к священной горе Ак-Туу. Подарю шкуры голубых соболей. Дух Ак-Туу вернет тебе силы, и ты поднимешься.

Как сказал Аскыркан, так и сделал. Взял лучших соболей, пошел в тайгу. Сложил подарки у подножия священной горы. Вернулся в аил. Глазам своим не поверил: бабушка в казане похлебку варит!

Старая Тарчи-Парчи увидела внука.

— Понравились Карлыхану наши подарки. Здоровья мне дал. А все потому, что ты голубых соболей отнес,— сказала бабушка.— Будет Карлушке новая шапка.

— А кто такая Карлушка, бабушка? — спросил Аскыркан.

Тарчи-Парчи прикусила язык.

— Карлушка-то... Да это так я. Ты не слушай меня. Сказки стариков все.

— Бабушка, расскажи,— не отступал Аскыркан.

— Говорят, у Карлыхана, снежного повелителя, есть дочь, красавица Карлушка. Сама-то красавица, а сердце у нее ледяное. Словом, снежная девка. Снежный ком. Кто ту Карлушку раз увидит, покой теряет. В горы уходит, не возвращается.

Тарчи-Парчи попробовала похлебку, посмотрела на внука:

— Ты бы, Аскыркан, не сказки слушал, а сходил в аил Аламбая. Дочь у него... Невестку б мне такую...

— Нет, бабушка,— ответил Аскыркан,— пойду в тайгу за голубым соболем. Есть у Карлушки шапка, настреляю соболей ей на шубу. Пусть знает, как Аскыркан любит бабушку.

Тарчи-Парчи проводила внука:

— Будь осторожен, Аскыркан! Возвращайся скорее... Все-таки старая я.

Недолго ходил по тайге Аскыркан. Соболя настрелял столько, что и унести не может. На редкость удачная охота.

Вышел Аскыркан к священной горе. Сложил подарки к подножию Ак-Туу. Решил домой возвращаться, да передумал. Захотелось Аскыркану поглядеть на Карлушку. Хоть издали. Спрятался за большой камень, стал ждать.

Смеркаться стало, а Карлушка за подарками не идет. Уже сон одолевает юношу — Карлушки нет.

Вдруг слышит... Что это? Словно все горные ручьи у подножия Ак-Туу зазвенели. Карлушка за подарками пришла. Одного соболя примеряет, другого. Все хороши!

— Ай да Аскыркан! Богатая шуба у меня будет. Давно такой не носила! — воскликнула Карлушка.

А когда Карлушка натешилась, прилетел ураган Иоткон, подхватил девушку на руки, закружил и унес в горы. Только гулкое эхо пело.

Аскыркан вышел из укрытия. Заметил лежащего соболя.

— Обронила, видно. Отнесу ей,— решил.

Стал Аскыркан подниматься в гору. Одежды на нем легкие, тепло не задерживают.

Снег начался — еще одного соболя поднял Аскыркан.

Выше поднялся — и там соболя нашел.

«Всех соболей Карлушка растеряла»,— подумал Аскыркан.

Долго поднимался в гору Аскыркан. Темно. Ночь. Ноги оскальзывают. Пальцы рук не слушаются. Того и гляди, в пропасть сорвешься.

Рассвет встретил Аскыркана высоко в горах. На снежной равнине. Куда дальше идти, Аскыркан не знал.

«Неужели не увижу Карлушку?» — подумал Аскыркан. И в эту минуту взошло солнце. Поток лучей ослепил юношу. Он зажмурился. Открыл глаза и не поверил себе. В нескольких шагах от него сияло второе солнце. Богатый ледяной шатер увидел Аскыркан на снежной равнине.

«Это жилище Карлушки»,— решил юноша. Он вошел в шатер и остановился у порога.

— Что же ты остановился, Аскыркан? Проходи! — пригласил юношу хозяин шатра, снежный повелитель Карлыхан.

Рисунки С. СОКОЛОВА.

— О великий Карлыхан! Я бы не осмелился подняться сюда. Но Карлушка обронила подарки. Вот они!

Юноша сложил у порога голубых соболей.

На плечо Аскыркана опустилось что-то холодное. Повернул голову — Карлушка! Она стояла рядом.

— Проходи в шатер, Аскыркан! Ты наш гость,— сказала девушка.— Посмотри, отец, из этих собольих шкур я сошью себе прекрасную голубую шубу. Голубой цвет к лицу мне!

Карлушка засмеялась. Она смеялась так звонко, словно тысяча льдинок плясала в шатре.

Карлушка сама, как льдинка. Она то вспыхнет, засветится от радости, то вдруг померкнет...

— Аскыркан! До тебя ни один человек не ступал на вершину Ак-Туу. А ты осмелился? Забыл разве, что духи гор могут разгневаться? — Карлушка сдвинула брови и отвернулась от Аскыркана.— Отец! Накажи его! Как он посмел?

— За любовь не наказывают, дочь моя,— ответил Карлыхан.

— Даже если любовь — моя смерть? Ты что говоришь, отец?!

— Мы должны отпустить его, Карлушка. Он пришел с подарками.

— Он подглядывал за мной. Он подстерегал меня. Ты знаешь, что было у него на уме? Он хотел схватить меня. Привести в свой аил. Посадить к очагу. Там бы я и растаяла. Вот как могло быть!

— Укроти гнев свой, Карлушка! — вступился за юношу Карлыхан.— Я отпускаю Аскыркана. Он перешагнул порог нашей юрты. Он наш гость. И ты проводишь его вниз, к людям.

— Ни за что! Ты забыл, отец? Тот, кто поднимется на священную Ак-Туу, должен быть казнен. Я превращу его в ледяного болвана! — вскричала Карлушка.

— А ты забыла? Тот, кто перешагнет порог нашей юрты, когда взойдет солнце, и бросит к твоим ногам голубых соболей, должен стать твоим мужем.

— Ни-ко-гда! Только Иоткон!

— Ветру не быть моим зятем. Он легкомыслен!

— А для меня хорош! Как он носит твою дочь на руках! Его объятия леденят душу. Отец! Любовь урагана разве отнимет у тебя снежную Карлушку?

Карлыхан смирился.

— Будь по-твоему,— сказал он.— Но Аскыркана проводи.

Карлушка повиновалась.

Долго спускались они с Аскырканом. Снежная девушка не раз подталкивала юношу к пропасти. Не могла ее ледяная душа смириться, простить Аскыркану то, что он, смертный, проник в жилище Карлыхана и уходит из чертогов владыки гор ненаказанным. Юношу спасало слово Карлыхана.

Спустились. У подножия Ак-Туу коварная Карлушка взяла юношу за руки.

— Позволь поцеловать тебя на прощание,— сказала она.

Аскыркан обнял девушку и заледенел от ее поцелуя. Но и Карлушка от горячих объятий юноши растаяла.

Души Карлушки и Аскыркана соединились. Так родилась снежная река Карло-Суу.

Зимой там позванивает ледяная душа Карлушки:

— Аскыркан, Аскыркан, Аскыркан...

Летом можно услышать, как поет душа Аскыркана:

— Карлушка, Карлушка, Карлушка...

«Любовь растопит даже лед»,— говорят алтайцы.

Елена ГРИГОРЬЕВА

Картина

В лесу стоял художник
и рисовал цветы.
Вдруг на картину дождик
закапал с высоты.

Художник растерялся:
— Ведь я забыл чехол!
А дождик, как нарочно,
еще сильней пошел.

Текут по капле краски —
что делать?
Плачь — не плачь...
Художник на картину
надел свой старый плащ.

Картина отогрелась
под стареньким плащом.
Бредет домой художник
под проливным дождем...

Потом его ругали
за то, что он промок;
кричали, что простуду
он заработать мог.

«Подумаешь, картина!
Она же не живая!
Подумаешь, намокла,
неженка какая!»

А я, я за художника!
Ведь это он для нас
от проливного дождика
свою картину спас.

Облака

Гонит ветер облака
из далека-далека.

«Полететь бы вместе с ними
и увидеть берег синий,
где, встречаясь,
бьются льдины
и купаются
пингвины;
и, наверно, очень просто
с высоты увидеть остров —
никем не обитаемый,
никем не открываемый...»

Гонит ветер облака,
мчит без передышки.
И витают в облаках
целый день мальчишки!

Ирина ВОРОНОВА — шестиклассница из Москвы.

Наша Конституция

Наша Конституция —
Жизни всей закон.
Волей Революции
Продиктован он.

Волею свободного,
Мирного труда,
Волею народною —
Раз и навсегда!

Нам права большие
Тот закон дает.
Тем, кто честно трудится,
Слава и почет.

Можешь стать профессором
Иль лечить людей...
Выбирай профессию
По душе своей!

Отдых гарантирован:
Каждого из нас
Ждут курорты Крыма,
Балтика, Кавказ.

Равенство, Свобода,
Мирный труд людей —
Для всего народа
Родины моей.

Все закона строки,
Что создал народ,
Ни в какие сроки
Время не сотрет.

Маша КЛЯЧКО — москвичка.

Скоро осень

Все прозрачней, легче тень:
Много тополь листьев сбросил.
Мне сегодня целый день
Шепчет ветер: «Скоро осень!»

Побледнели краски дня,
Вспыхнул ирис синим светом.
Сжалось сердце у меня:
Не хочу прощаться с летом!

Вечер

В небе закат застыл,
Звуки и свет не резки.
Ветер окно закрыл
И всколыхнул занавески.

За́лил закат кусты
Мягким, неярким светом,
Пахнут вокруг цветы
Теплым туманным летом.

Солнца последний луч
Рыбкой сверкнул в реке.
Что это между туч
Светится вдалеке?

Марине ЗВЕРЕВОЙ 12 лет, она живет в Киеве, учится в 7-м классе.

Виноград

Виноград зеленой лапой
Ухватился за балкон,
И повис огромной шляпой
Над моим балконом он.
Я спросить его могла бы,
Гладя прядь его рукой:
— Как ты смог, тщедушный, слабый,
Так забраться высоко?

Смотрю в окно

Поплыли по небу
белые волокна,
Чуть не зацепились
за сосны рога.
Солнечные пальцы
бегают по окнам,
Синим гребнем речка
чешет берега.

«КОНЦЕРТ».
Работа восьмилетней Тани ВОЛОТОВОЙ из Красноярска.

Костя КУЗЬМОВ живет в Калуге, учится в 7-м классе, занимается в кружке юнкоров при газете «Молодой ленинец».

Длинные руки

Как-то Вовка Тихонов вышел из школы раньше обычного: заболел учитель, и вместо четырех уроков получилось три. У Вовки оказался целый час лишнего времени. Погода была хорошая: ясная, веселая. И Вовка по дороге к дому сделал большой крюк.

Проходя мимо белого здания с колоннами, Вовка увидел на фанерном щите объявление. Перед ним толпились ребята. Вовка подошел поближе. Вверху красовалась надпись: «Школа бокса». Ниже сообщалось, что спортивный клуб «Мотор» принимает ребят в кружок бокса. В уголке стояла дата, и было указано, когда надо явиться.

«Ого,— подумал Вовка,— здорово! Запишусь в бокс, стану сильнее всех».

Дома Вовка сказал маме:

— Я записываюсь в бокс.

— Бокс? Какой бокс? — Мама варила на кухне суп и поэтому не сразу поняла сына.

— Как какой? — удивился Вовка. — Это же спорт, борьба такая. Я запишусь в кружок и буду сильнее всех.

— В кружок бокса?! Да это же драка — твой бокс! — испугалась мама. — Вдруг тебе разобьют голову?

— Да как же разобьют?— Вовка даже рассмеялся.— Там же все в перчатках дер... Боксируют.

— Тем более. Перчатки твердые, как дерево.

— Да не твердые они совсем,— вздохнул Вовка. — Они ватой набиты.

— Ладно, хватит! — решительно сказала мама. — Не пойдешь, и все! Я не хочу, чтобы мой сын был уродом со свернутым носом.

Возражать было бесполезно: мама стояла на своем. А вечером с работы вернулся папа, и Вовка рассказал ему про бокс.

— Ну что ж,— решил папа,— пусть идет. Научится боксировать, физически разовьется, будет настоящим спортсменом.

И в воскресенье Вовка пошел в клуб «Мотор». В помещении, где записывались в кружок бокса, было уже много ребят. За столом сидела медицинская комиссия и длинный дядя в спортивном костюме, тренер.

— Ого, парнишка, а из тебя хороший боксер выйдет,— сказал вдруг тренер. — У тебя руки длинные, сразу достанешь противника.

Вовка даже покраснел от удовольствия и, обрадованный, выбежал во двор. На асфальтовой площадке длинный Паша Рощин пасовался мячом с маленьким, юрким Павликом Вершковым.

— Вовка!— закричал Паша.— Давай в футбол играть! Я — один, а вас — двое!

— Подумаешь, футбол,— сказал Вовка. — Я в бокс записался. Мне тренер сразу сказал, что из меня боксер выйдет.

— Это почему же?

— Да у меня руки длинные. Сразу противника достану.

— Точно, длинные,— сказал Паша и посмотрел на свои руки.

— У меня, пожалуй, покороче будут.

Весь следующий день Вовка ходил по двору и показывал всем свои руки.

— Смотри,— говорил он Леньке Палехову. — Видишь, какие руки длинные? Если мы с тобой драться будем, я тебя сразу по носу ударю.

— Еще бы,— испуганно шмыгнул носом Ленька,— я в первом классе, а ты в третьем. Вон какой здоровый!

Во вторник после уроков Вовка пошел на первое занятие. Когда все ребята собрались в зале, тренер стал показывать различные приемы бокса. Потом он предложил ребятам повторить эти приемы. Вовка вместе со всеми прыгал на месте и изо всех сил молотил кулаками воздух. Потом ребята отрабатывали удар — били по кожаным грушам, подвешенным к потолку.

Вовка остался очень доволен первым занятием. Во дворе он говорил ребятам:

— Я уже отработал удар и стойку. — И он так расписал занятия боксом, что всем захотелось попробовать. Даже маленький Ленька Палехов изъявил желание стать боксером, но Вовка с видом профессионала сказал ему:

— Ну что ж, подрасти немного, там посмотрим.

К следующему занятию Вовка, важно шествуя впереди, привел ребят записываться в кружок. Всех допустили к занятиям.

Ребята занимались увлеченно и старательно. А Вовка, строя из себя опытного мастера кожаной перчатки, поправлял, учил приемам, которые и сам еще толком не освоил.

А на другой неделе в день тренировки на дом задали много уроков. Кое-как их выучив, Вовка увидел, что если пойти на тренировку, то погулять совсем не придется.

И он махнул своей длинной рукой:

— Ну ее, эту тренировку. Разок пропущу.

В следующий раз Вовке показалось, что у него побаливает голова. Он опять не пошел на тренировку.

Так повторялось несколько раз, и Вовка окончательно забросил бокс.

— Что же ты в кружок не ходишь? — спрашивали его ребята.

— Да-а-а,— тянул Вовка,— меня тренер послал в другую секцию, потому что я хороший боксер. Перерос,— говорит,— эту мелкоту.

Друзья смотрели на Вовку с уважением.

Но как-то Паша Рощин сказал ему:

— Слушай, а вы там, в другой секции, новые приемы учите? Покажи.

— Давай лучше просто побоксируем,— смущенно сказал Вовка. Он думал, что своими длинными руками сразу достанет Пашку безо всяких приемов.

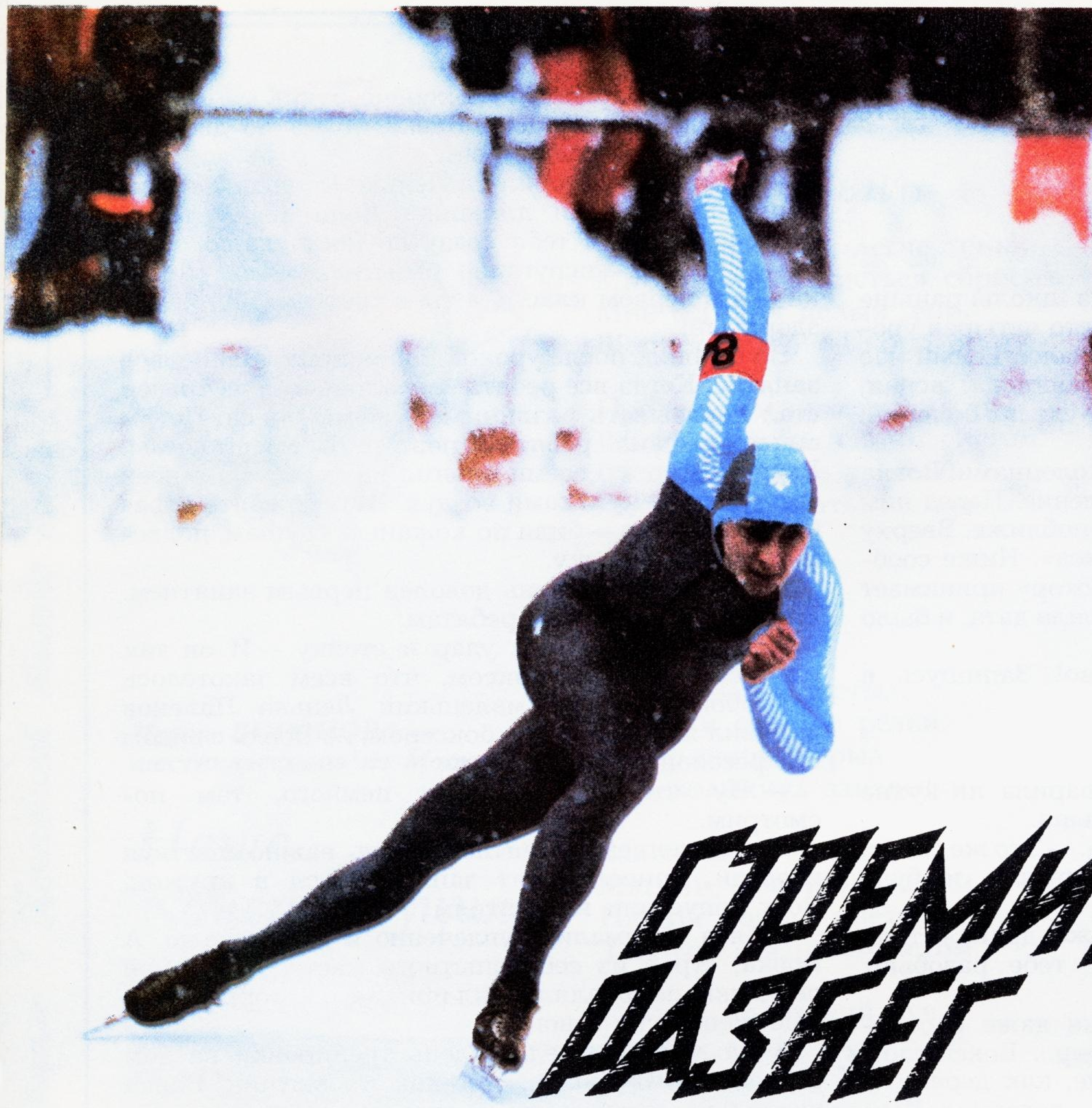
Они приняли стойку, и Пашка сразу сильно ударил Вовку по носу.

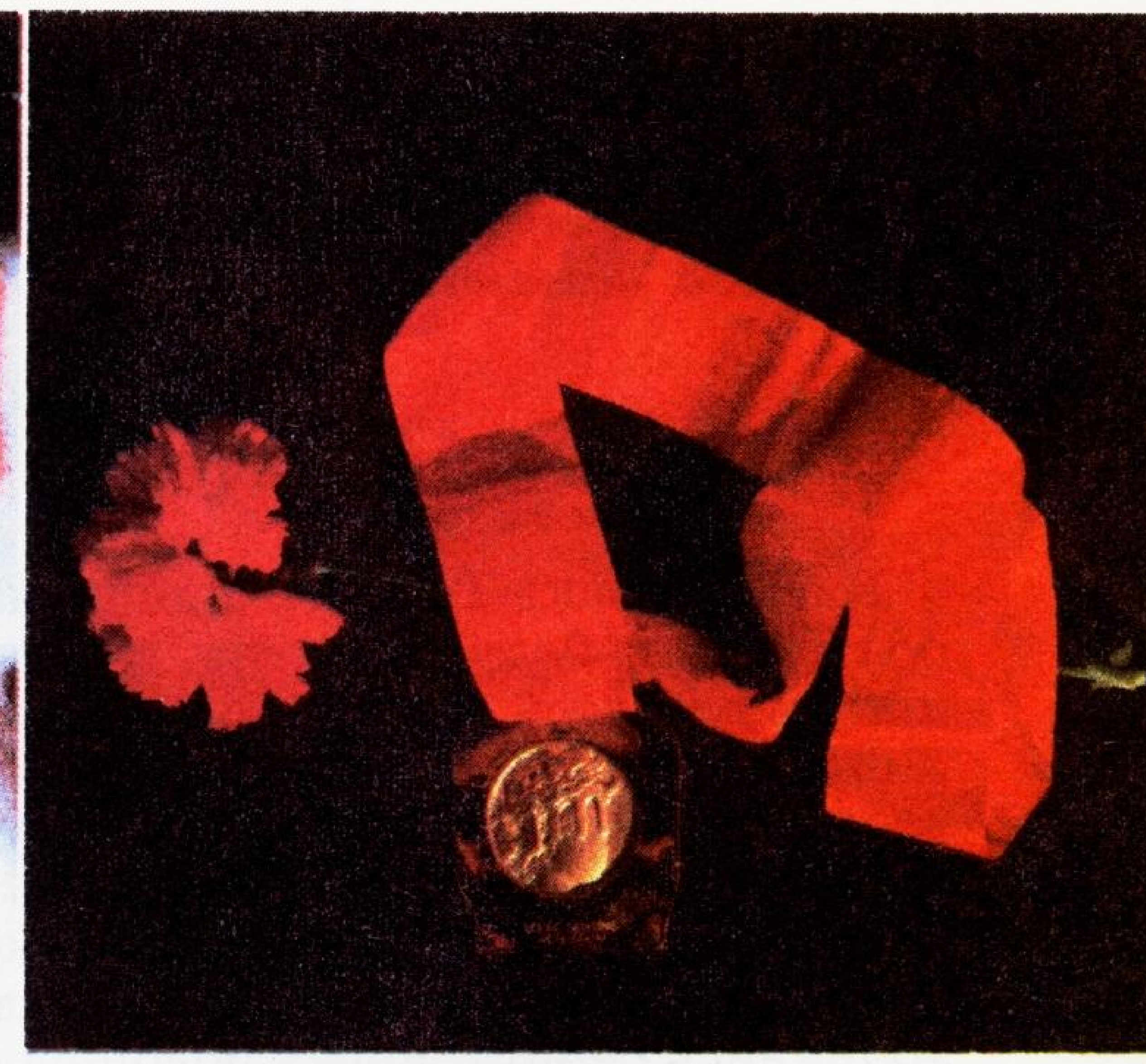
— Чего же ты не защищаешься? — удивился Пашка.

— Просто не успел отбить,— буркнул Вовка и бросился на Рощина. Но тут же получил увесистый удар по уху.

— Как же ты так? — огорченно сказал Паша. — Придется тебе подучиться немного. Иди-ка ты к нам обратно...

Вовка не ответил. Опустив свои длинные руки и не глядя на Пашу, он тихо побрел домой.

СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ РАЗБЕГ

Над олимпийским катком «Зетра» бушевала пурга. Я стоял, ожидая начала соревнований, по колено в сугробе, и вдруг по радио передали: судейская коллегия решила перенести соревнования по конькобежному спринту на час. Но верно ли я понял? Решил спросить у паренька в советской олимпийской форме, который стоял рядом. Оказалось, верно. Разговорились, и тут выяснилось, что собеседник мой — Сергей Фокичев, наш конькобежец, который участвует в беге на 500 метров в первой паре. Как и всякий фотокорреспондент, я попросил Сергея попозировать.

— А вы не сглазите? — улыбнулся он, однако не отказался...

Соревнования отложили еще на час, потом еще. И первую пару вызвали на старт уже в сумерках. Сергей Фокичев стартовал по невыгодной внешней дорожке, и его соперник, американец Ник Тометц, получил определенное преимущество. Но разбег нашего олимпийца был стремителен. На одном дыхании промчал Сергей пятисотметровку, финишировал первым, и на табло замерли цифры 00.38,19. Финишировали пара за парой, но результат Фокичева неизменно оставался на табло в первой строчке. А когда бег закончила последняя, двадцать первая пара, стало ясно, что золотую медаль олимпийского чемпиона в беге на 500 метров завоевал советский спортсмен Сергей Фокичев.

С этого момента безвестный доселе, неприметный с виду паренек оказался в центре внимания. Его окружили, завертели журналисты, тренеры, спортсмены, болельщики... И спокойно поговорить с Сергеем удалось уже в Москве, на чемпионате страны среди спринтеров.

— Сергей, давай начнем разговор издалека: с твоего детства.

— Город Череповец, где я родился в феврале 1963 года, наверное, ничем не отличается от многих других северных российских городов. И, как в других северных городах, у детей и взрослых главное увлечение — коньки, хоккейные или фигурные. Помню, как мы с папой, когда мне было, наверное, года четыре, накручивали несколько пар носков, чтобы мамины хоккейные коньки не очень болтались на моих ногах, и шли на нашу реку Шексну. Конечно, я сначала больше падал. Папа, отличный десятиборец-легкоатлет, только посмеивался над моими неудачами.

Мама лелеяла мечту, что я стану фигуристом. И вот однажды, когда было мне пять лет, она повела меня в секцию фигуристов на стадионе «Металлург». Я считал этот вид спорта девчоночьим и занимался нехотя, только чтобы не обидеть маму. Но тренера не обманешь. И через некоторое время он исключил меня из секции. «Бегаешь ты некрасиво, но быстро. Попробуй себя в конькобежном спорте», — сказал он на прощание. И в десять лет я стал учеником

тренера Александра Александровича Калинина, который возглавлял конькобежную секцию на том же стадионе «Металлург».

Я не выделялся среди сверстников, разве что был очень шустрым. Это проявлялось не только на тренировках, а к ним я относился очень добросовестно и каждую ждал, словно праздника, но и в других делах. Я пел в хоре, играл во дворе с ребятами в хоккей, занимался в судомодельном кружке, часто болел, читал запоем книжки и, несмотря на все это, хорошо учился. Среди четырех четверок в аттестате у меня была и четверка по немецкому языку. Теперь, когда общаюсь с моими зарубежными коллегами по спорту, жалею, что когда-то не приналег на этот предмет.

В пятом классе стал призером Всесоюзных пионерских соревнований в Свердловске. В финале «Серебряных коньков» занял четвертое место в беге на 200 метров. Было мне тогда двенадцать лет. А потом успехов долго никаких не было. Но я не отчаивался. Тренировался и верил в будущее. В десятом классе за год я не только подрос на 11 см (сейчас у меня рост 182), но и на трех соревнованиях подряд выполнил одну за другой нормы I разряда, кандидата в мастера и мастера спорта. Заветный мастерский значок я завоевал на первенстве ЦС «Труда» в Ангарске: пробежал 500 м за 40,6 секунды (при норме 41,2 секунды).

— Тренировки, школа, кружки, книги... Как же все это укладывалось в твой день?

В старших классах моя первая тренировка начиналась в шесть утра. В это время нам давали лед в спортивно-концертном зале. Хочешь не хочешь, а приходилось вставать рано. Просыпался я в пять тридцать, благо жил поблизости, шел пешком на каток, тренировался час, а в восемь уже в школу. Иногда на уроке клевал носом, но учителя все понимали.

Приходил из школы, обедал и, чуть передохнув, брался за уроки. Откладывать было некуда: вечером вторая тренировка. А перед сном нужно еще и почитать интересную книжку. В общем, жизнь была не из легких.

После окончания школы появились другие проблемы. Поступил учиться в МАИ, но через год убедился, что ошибся в выборе профессии. Перешел в областной Московский институт физической культуры на тренерский факультет.

Весной 1981 года взяли в сборную страны. И совмещать учебу и спорт стало еще труднее. Сборы, тренировки, многочисленные поездки на соревнования. Однако пока справляюсь. Тренируюсь в ЦСКА, и помогает мне теперь тренер сборной Владимир Иванович Кащей.

— Путь спортсмена отмечен минутами и секундами результатов. Какие же особенно помнятся тебе?

— Первыми моими рекордами, которые заметили, стали мировые рекорды среди юниоров. На Медео в матче молодежных команд четырех стран за два дня выиграл в беге на 500 метров, дважды на 1000 метров и в сумме спринтерского многоборья. На пятисотке я показал тогда 38,37 секунды. Но эти результаты нельзя принимать всерьез. Погода и лед-фокусник могут сделать иной раз мировым рекордсменом конькобежца, который потом ничем не блеснет.

Поэтому горжусь результатом 36,81 секунды. Я показал его в январе этого года на предолимпийских соревнованиях в Давосе. Может быть, эти секунды, лучшие в сезоне в мире, и помогли обрести уверенность и победить на Олимпийских играх в Сараево.

А несколько дней спустя на чемпионате мира по спринту в норвежском городе Тронхейме Сергей Фокичев дважды великолепно победил на 500-метровке. И, конечно, две малые золотые медали чемпионата мира отнюдь не последняя славная веха в спортивной биографии Сергея Фокичева.

В. ГАНЧУК.

Фотографии автора.

Сараево — Москва.

Желаю всем читателям журнала "Пионер" дружить со спортом, расти крепкими и здоровыми. Уверен, что самые настойчивые, самые целеустремлённые из вас, ребята, станут олимпийцами и достигнут в спорте больших высот.

Олимпийский чемпион Сергей Фокичев

УМА ПАЛАТА

Рисунки А. Вовиковой.

внимание!

подведены итоги конкурса

«Созвездие пса за полчаса!»

Конкурс собрал рекордное количество писем за последние пять лет!
Около двадцати пяти тысяч (!) работ пришлось пересмотреть жюри конкурса, прежде чем определить имена победителей.
Жюри утвердило:
двадцать призов — кляссеры с марками;
сто поощрительных грамот журнала «Пионер»;
двести благодарностей за участие в конкурсе.
Имена обладателей почетных призов будут объявлены особо!
Спасибо всем, всем, всем мальчикам и девочкам, принявшим участие в конкурсе «Созвездье пса — за полчаса!»

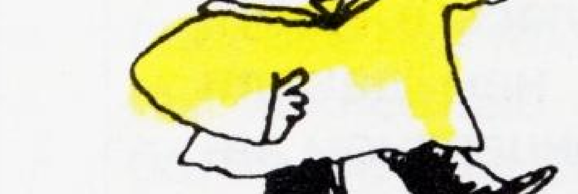
Игры Луны и Пинцета

Верёвочная лестница

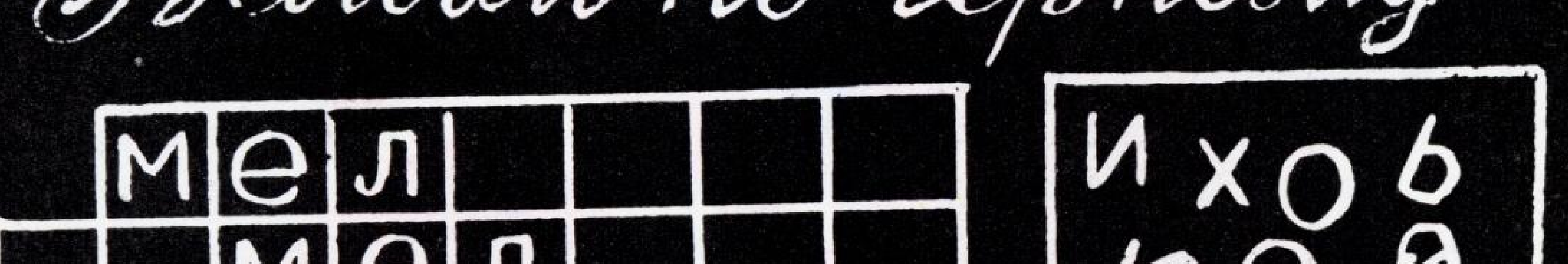
А ну, друзья, попробуйте
(Здесь нужен острый взгляд!)
По лестнице веревочной
Подняться на фрегат!

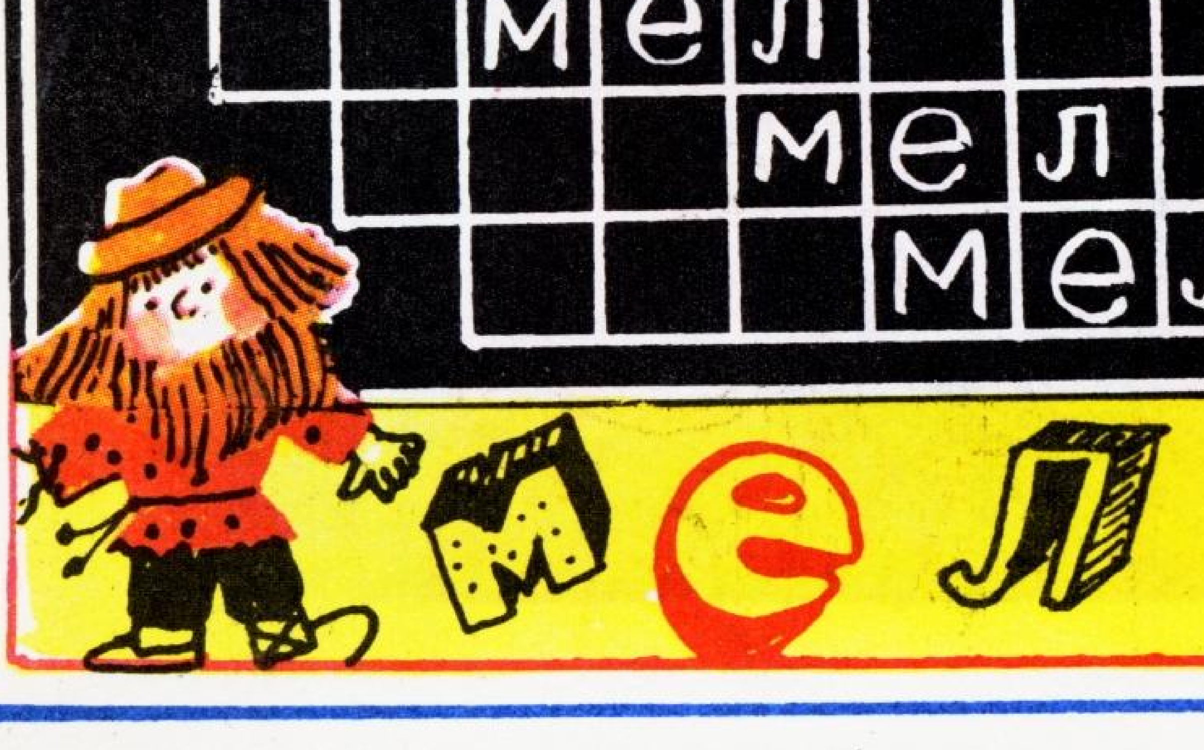
Примечание: поднявшимся на фрегат будет считаться тот, кто сумеет отобрать шесть таких перекладин, сумма чисел на которых составит ровно сто!

Игры деда Буквоеда

Белым по чёрному

Мы займемся новым делом:
Я хочу, чтоб ты сумел
На доске дополнить мелом
Те слова, в которых — «мел»!

Дам одну подсказку, кстати:
Буквы нужные в квадрате.
Трех минут не пожалей,
Все получится! Смелей!

Во дворе

Расскажу в своей игре,
Что я видел на дворе.
Дядя Гога
Вел бульдога.
Тетя Клава —
Волкодава
Вел Валера
Фокстерьера,
А Тамара —
Сенбернара.
Мчался к Люде
Черный пудель,
На большом ремне у Марка
Громко лаяла овчарка.
Так все это или нет —
Разберитесь! Всем привет!

Живживка.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 9

Капитан Перо ищет помощника

Осада замка Рошуар: по часовой стрелке, начиная от 9—9, 6, 2; 2, 12, 3; 3, 10, 4; 4, 8, 5; 5, 11, 1; 1, 7, 9.

Игры Лупы и Пинцета

Почтовый дилижанс: на кружках Б, Д, Е, Ж.

По следу «Белой ладьи»

В день торжественного закрытия соревнований гремел оркестр. В такт ему громко хлопали ребята. И было как-то необычно от всех этих громких звуков. Ведь еще утром в чуткой тишине зала Дома учителя города Шяуляя заканчивались XVI Всесоюзные финальные соревнования пионерских дружин на призы клуба ЦК ВЛКСМ и журнала «Пионер» «Белая ладья». Шла борьба, упорная, напряженная, которая должна была решить, кто же все-таки станет победителем.

И вот наконец стали известны итоги турнира. Команда школы № 132 Тбилиси буквально вырвала победу у команды Ленинграда. На третьем месте — москвичи, на четвертом — юные шахматисты Челябинска.

Кто они, участники турнира? О некоторых ребятах-победителях я сейчас расскажу вам.

Лаша и жар-птица

В один из дней соревнований ко мне подошел Лаша Джанжагава. Он закончил партию раньше своих товарищей и выразил желание рассказать о команде, о себе. Лаша перешел в восьмой класс, он кандидат в мастера. Капитан команды.

— Наш коллектив,— сказал он,— очень дружный. У нас один за всех, все за одного. Когда один проигрывает, мы успокаиваем его. А когда выигрывает, все радуются.

Известно, что почти все грузинские мальчишки любят футбол. Не был исключением и Лаша. Но на тренировках он часто простужался и вынужден был подолгу оставаться в стороне от захватывающей, увлекательной борьбы. А без нее жизнь казалась мальчику не такой яркой и интересной. Так в один из дней вынужденного освобождения от физкультуры он и появился среди юных шахматистов республиканского Дворца пионеров и школьников.

Начались занятия. Упорства ему было не занимать. Он участвовал во многих ответственных соревнованиях. И, как самый опытный боец, помогал, поддерживал теперь каждого в шахматной команде. А это было

очень нужно, ибо победа, как жар-птица из сказки, не давалась в руки легко.

Время от времени липучка-простуда снова подкрадывалась к Лаше. «Нет, так больше нельзя! — решил мальчик. — Бой, и решительный бой надо объявить простуде. Во-первых, каждый день — зарядка. Во-вторых, надо записаться в секцию плавания. Физическая закалка необходима хорошему шахматисту».

А во всем ему помогает тренер, мастер спорта А. М. Бокучава. «Мой тренер — очень добрый, честный человек. Он очень любит детей». Так написал о своем наставнике Лаша в анкете, которую заполняли все участники соревнований.

Как стать хорошим человеком?

Когда Машу Орлову из Ленинграда спросили, кем она мечтает стать, она смущенно молчала. Потом все-таки решилась и сказала: «Хочу стать хорошим человеком».

Мама у нее — инженер.

— Она у меня замечательная, — с восторгом говорит Маша.

И начинает тут же сравнивать.

— Она веселая, а я мрачная, скучная. Она добрая, общительная, а я злой бываю...

Маша старается трезво оценивать себя, свои возможности и избавиться от того, что ей не нравится в своем характере.

Шахматы, как Маша считает, помогут ей в этом. Они учат логически мыслить, человек воспитывает в себе смелость, решительность и другие важные качества, так необходимые в жизни.

— Но вот и в шахматах иногда не везет. Я сегодня опять проиграла, — как-то пожаловалась девочка.

Но чтобы стать такой, какой Маше хочется быть, надо верить в свои силы.

Ребята из команды сказали: «Маша упорная, она своего добьется. Она всегда очень старается, но проигрывает часто потому, что соперницы у нее, посмотрите, — почти у всех первый разряд, у Маши же — второй». И то, что команда дружины школы № 222 Ленинграда заняла второе место, в этом заслуга, бесспорно, и Маши Орловой.

Собери свои силы

Ту первую победу Руты, о которой с шуткой рассказал мне ее папа, действительно, и победой-то не назовешь.

Пришел в гости к отцу приятель, довольно сильный шахматист, и сел играть с шестилетней девочкой. Неожиданно для всех она выиграла. Рута страшно обрадовалась и решила учиться играть в шахматы.

Теперь в любой партии она стремится к победе смело и уверенно. Не так много времени прошло с тех пор, а у нее первый разряд. И хотя она в команде школы № 31 Челябинска самая младшая, Рута по своей уверенности, смелости в игре не уступит, пожалуй, Егору Шперлингу, капитану команды.

Рута Купрявичуте заняла первое место среди девочек. А Егор был первым среди тех, кто играл на вторых досках. Успех своего капитана команда встретила с удовлетворением.

— Иначе и не могло быть, — сказал кто-то из ребят. — Он — первый помощник тренера. Если тот отсутствует по какой-либо причине, не волнуйтесь, Егор каждому даст задание, поможет разобраться тем, кому трудно. На него всегда можно положиться. Надежность — вот что отличает Егора.

Команда из Челябинска была одной из сильнейших на Всесоюзных финальных соревнованиях «Белая ладья». Все ожидали от нее многого, видели в ней соперника опытного, грозного. Но она оказалась на четвертом месте. Конечно, обидно было ребятам. А когда мы попытались выяснить, почему так получилось, кто-то из ребят откровенно сказал:

— Надо быть дружнее. И надежными, как наш капитан...

* * *

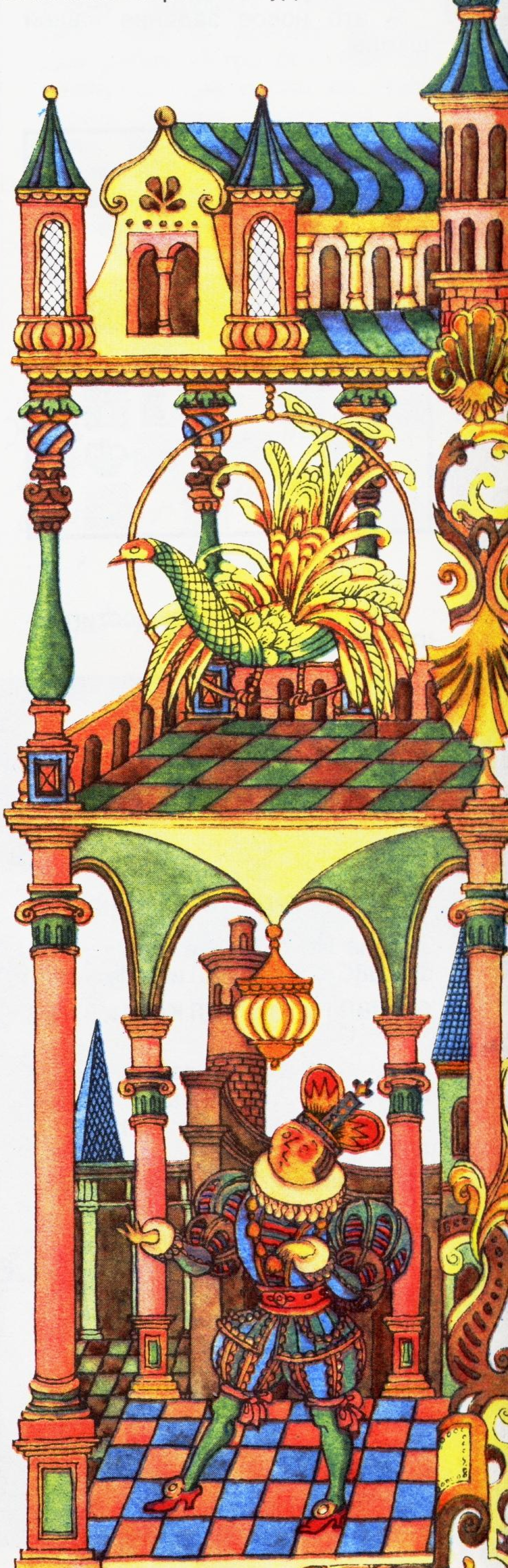
Закончить наш рассказ о юных шахматистах — участниках очередных финальных игр «Белая ладья» хочется словами заслуженного тренера СССР, старшего тренера сборной молодежной команды страны А. Быховского:

— Я бывал на всех шестнадцати финалах «Белой ладьи». Мне кажется, уровень игры юных шахматистов значительно вырос. Много ребят играют уже очень хорошо, в силу кандидата в мастера. Некоторые, как мне кажется, станут ведущими шахматистами страны. Талантливые ребята есть в каждой команде.

Т. КУЗНЕЦОВА

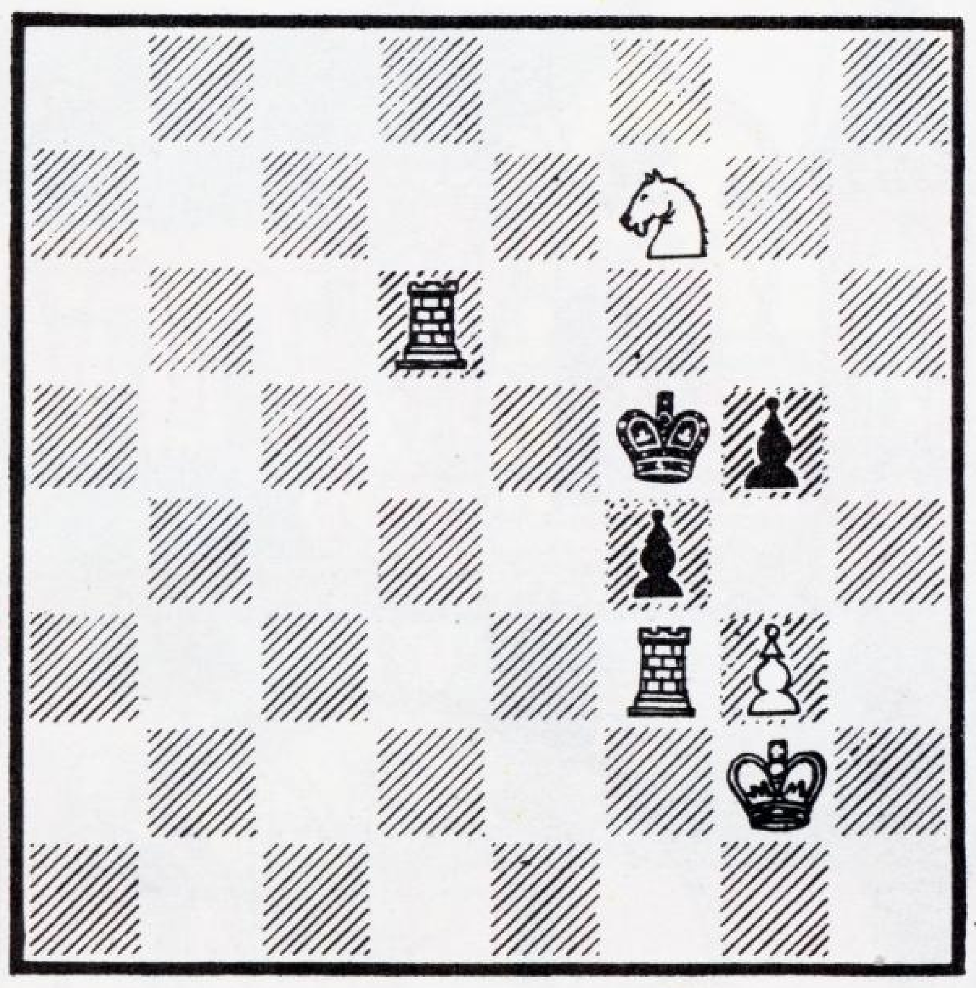
Пионерская шахматная школа

Более 1000 ребят занимаются в нашей школе. Сейчас судейская коллегия готовит итоговые материалы по проведенным занятиям. Многим ребятам удалось

успешно справиться с заданиями. Среди лидеров Саша Апанасенко (пос. Целиннозаводской, Коми АССР), Миша Беляков (г. Печора, Коми АССР), Кира Вася (пос. Апаки, МССР), Розанна Грингауз (г. Рига), Павел Данилов (г. Загорск Московской области), Саша Елховский (г. Красноярск), Сережа Жильников (г. Орехово-Зуево Московской области), Марат Мухамадиев (с. Тимирязево Северо-Казахстанской области), Максим Сарбаев (г. Казань).

А это новое задание нашей школы.

Найдите, как здесь достигается мат в три хода.

Проверьте свои решения

Задания в № 1 журнала «Пионер»

Задача № 1. Мат в три хода.
а) 1.d8C Kpd6 2. c8Л и 3. Лс 6 мат.
б) 1.f8Л Kpd6 2. c8Л Kpe6 и 3. Лс6 мат.

Задача № 2. При пешке на а4: 1.а5 Кр:с6 2. Се4 мат.
При пешке на а5: 1. а6 Кр:с6 2. Ф с5 мат.
При пешке а6: 1.а7 Кр:с6 2. а8Ф мат.
При пешке а7: 1. Фd4+Кр:с6 2. а8Ф мат.

Задания в № 2 журнала «Пионер»

Задача №1. 1. Лg3!

Задача № 2
а) 1. е8К.
б) 1. е8С.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

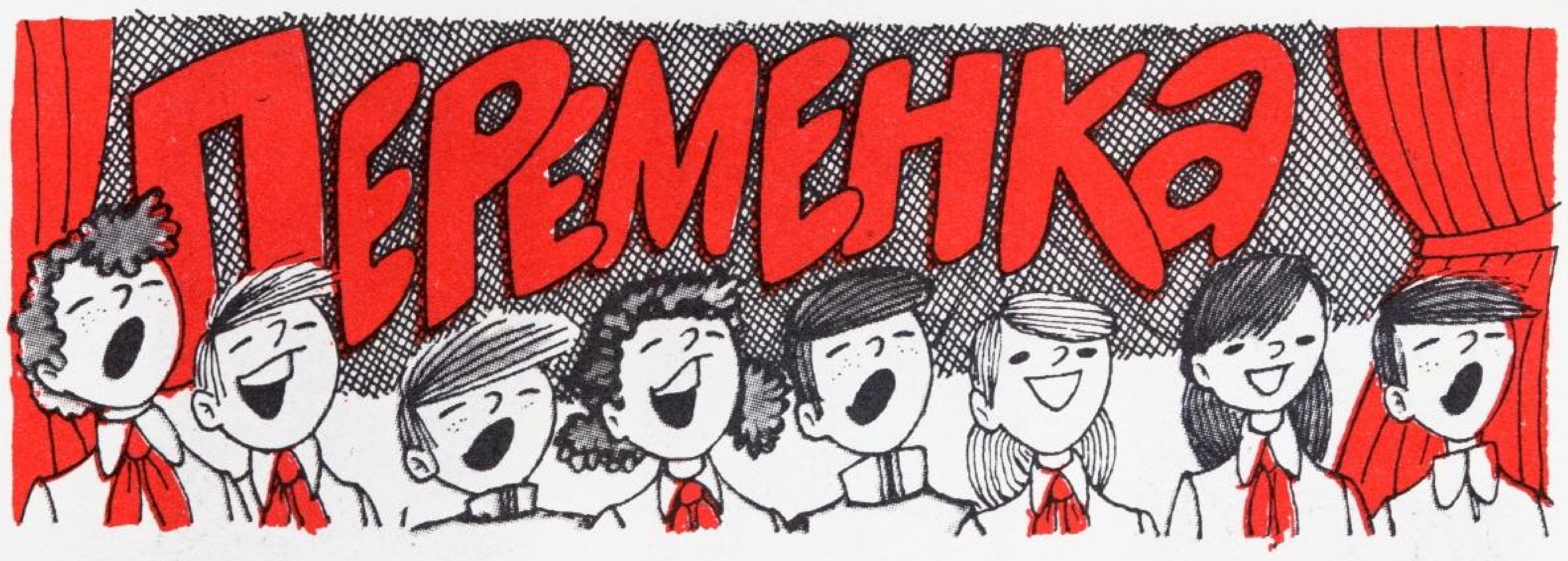
СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
Поздравляем с Днем учителя! — Рисунок Л. Хачатряна.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.08.84.
Подписано к печати 20.08.84. А 12826. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,85.
Усл. кр.-отт. 31,17. Тираж 1670000 экз. Изд. № 2232. Заказ № 3307.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

...Во Дворце спорта шел концерт. Огромный зрительный зал был полон. Сменяли друг друга певцы и ансамбли — гремели ударные, четко держали ритм гитары, выпевали мелодию синтезаторы...

Но вот к обыкновенному черному роялю вышел человек. И случилось удивительное: весь Дворец спорта, все зрители стали громко и с удовольствием подпевать: «С голубого ручейка начинается река...»

Человеком у рояля был ***лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Ленинского комсомола, заслуженный деятель искусств РСФСР композитор Владимир Яковлевич ШАИНСКИЙ.*** *Это его песни пел зал. А в антракте композитор поговорил с корреспондентом «Переменки»* ***Мариной Потоцкой.***

— Сколько же у вас песен, Владимир Яковлевич?

— Четыреста с лишним...

— А сколько ваших песен вот так же, как на этом концерте, могут сразу подхватить слушатели?

— Думаю, больше сорока...

— Сейчас уже кажется странным, что было время, когда дети росли без «Чебурашки», «Голубого вагона», «Антошки»... Сейчас эти песни можно услышать и от детсадовца, и от солидного пенсионера... А расскажите о самом необычном исполнении ваших песен!

— Это когда их пели в космосе. Наши космонавты Анатолий Березовой и Валентин Лебедев во время своего полета захотели выйти со мной на связь. И вот я играл и пел на Земле, а космонавты на орбите мне подпевали...

— Вас с космонавтами не только песни сближают, но и любовь к спорту...

— Спорт действительно очень люблю. Жаль только, что я поздно начал им заниматься — на велосипед, например, в первый раз сел в 48 лет. Зато теперь вот наверстываю! Проверено — за день могу проехать на велосипеде 140 километров. Другие личные «рекорды»: на руках отжимаюсь до 100 раз, на турнике подтягиваюсь до 20 раз... Бегаю, плаваю зимой и летом.

— Зимой в бассейне, конечно?

— В проруби! Я — «морж», причем «организованный» — член Московского общества любителей зимнего плавания. Еще занимаюсь подводной охотой. Охочусь в специальном гидрокостюме зимой — подо льдом и в холодных реках, и летом...

— На кого охотитесь?

— Это смотря когда и где! Года три назад я был на Кубе и в Карибском море имел дело с тропическими рыбами. Рыбы — с меня ростом, а то и больше. И непонятно было, кто на кого охотится: я на них или они на меня!

— Давайте, Владимир Яковлевич, снова вернемся к музыке. Есть у вас несбывшаяся мечта — ненаписанная песня?

— Есть, но не песня, а танец — полонез! Если напишу, то непременно посвящу его своему другу, автору книг про Чебурашку и дядю Федора, писателю Эдуарду Успенскому. Это он однажды в шутку сказал: «Слушай, почему ты до сих пор не написал полонез? Есть полонез Огинского, пусть будет полонез Шаинского!»

— А какие новые песни появились у вас за последнее время?

— На стихи Роберта Рождественского я написал песню, которая называется «Если мы войну забудем». Это песня серьезная. К новому фильму для ребят «Утро без отметок» написаны две песни на стихи Юрия Энтина. Закончен мюзикл по мотивам известной сказки «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями»... Так что будем петь!

— Будем! От имени сводного хора всех читателей «Переменки» большое вам спасибо, Владимир Яковлевич!

Желаю юным читателям „Переменки" пронести через всю жизнь любовь к прекрасному — к музыке и песне.

Владимир Шаинский

В № 7 журнала «Пионер» был объявлен конкурс для любителей филателии, посвященный XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов.

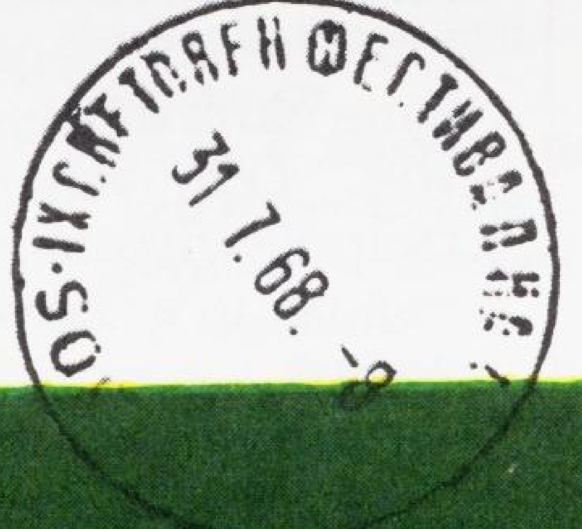
Конкурсные работы надо направлять по адресу: 103009, Москва, К-9, ул. Горького, дом 12, Правление Всесоюзного общества филателистов.

ISSN 0130—8009

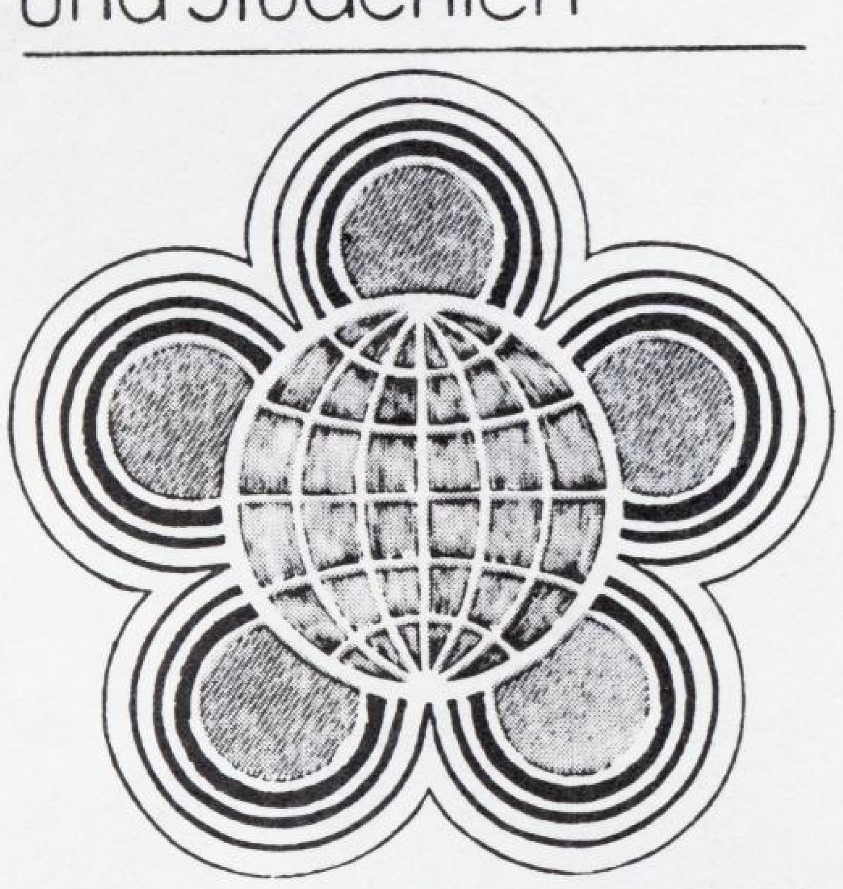
IX Festival Mondial de la Jeunesse et des Etudiants pour la Solidarité la Paix et l'Amitié

Sofia 1968

Weltfestspiele der Jugend und Studenten

Berlin 1973
Hauptstadt der DDR

Напоминаем: последний срок отправки работ — 15 января 1985 года.

Цена 30 коп. Индекс 70694.